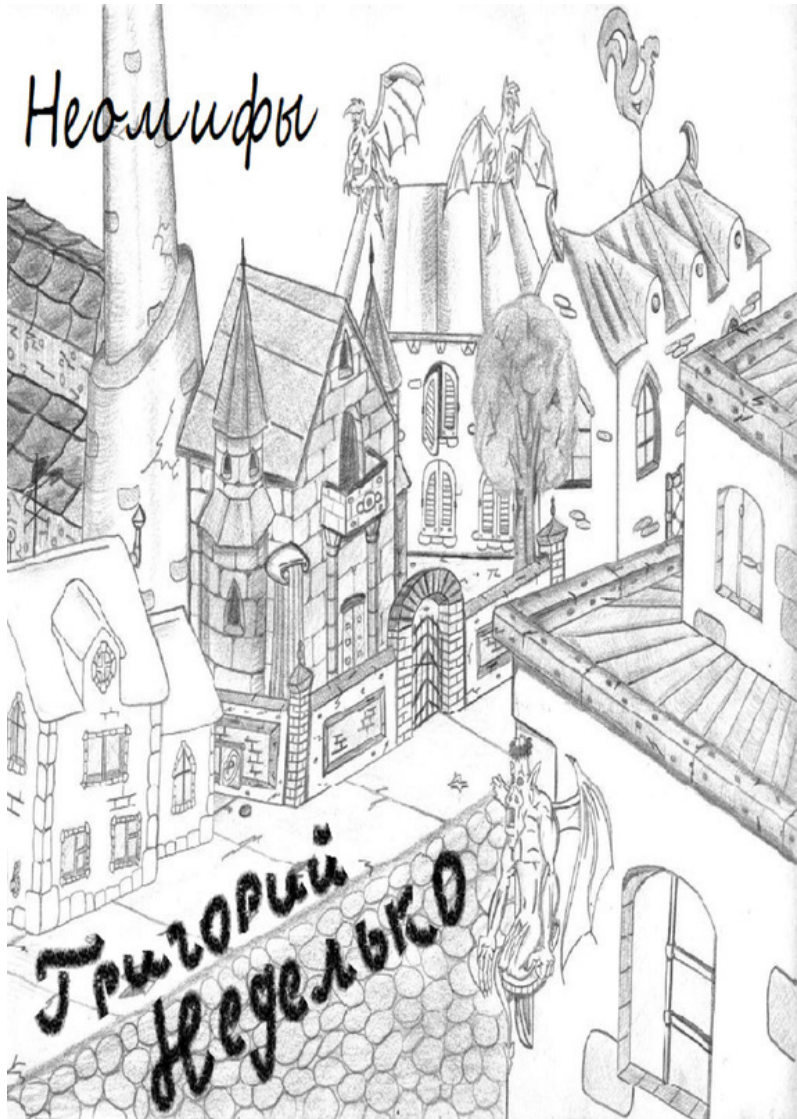

Неолифы

Тригорий
Хеделько

Григорий Андреевич Неделько

Неомифы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

3-томный сборник лучшей фантастики автора, каждый том тематический. Представлены разные по манере повести и рассказы, многие из которых уже опубликованы и озвучены.

Том 1-й «Сказочные неомифы»: «Всем известно...», «Никто не знает...», «Игры с судьбой», «Властитель Ночи», «Тапочки, или Как не оставить реальности ни шанса», «Смерть им к лицу», «Сложности посвящения (в члены одной организации, известной своими крутыми законами)», «Пенталохия для непарнокопытных»: история первая «Чертовски верное решение», история вторая «Что-то знакомое», история третья «Полный апгрейд!», история четвёртая «Загадки энтропологии», история пятая «Выстрел наудачу».

Том 2-й «Фантастические неомифы»: «Энгэ», «Из невозможного?», «Везёт как утопнику», «Неудачный эксперимент», «2063-й. Мы», «Линия Экватора», «Время Смерти», «Первая запись в дневнике», «Три мировые проблемы»: рассказ первый «Проблема планетарного масштаба», рассказ второй «Проблема галактического масштаба», рассказ третий «Проблема вселенского масштаба».

Том 3-й «Иные неомифы»: «Операция „Аппендицит“», «Глаза Зверя», «Клетка открыта», «Вспышки на Солнце», «Выстрел счастья», «Назначены на новую должность», «Сверхурочник», «ImyaBoga.exe», «Мифы».

Содержание

I. Сказочные неомифы	6
Всем известно...	6
Никто не знает...	20
Игры с судьбой	39
Властитель Ночи	52
I	52
II	64
III	72
IV	78
Тапочки, или Как не оставить реальности ни шанса	84
Смерть им к лицу	96
Сложности посвящения (в члены одной влиятельной организации, известной своими крутыми законами)	140
Пенталохия для непарнокопытных	151
История первая. Чертовски верное решение	151
История вторая. Что-то знакомое	171
История третья. Полный апгрейд!	191
История четвертая. Загадки энтропологии	214
Конец ознакомительного фрагмента.	242

Григорий Неделько

Неомифы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

I. Сказочные неомифы

Всем известно...

(рассказ-зарисовка в стиле фэнтези)

– Отдай то, что мне нужно!

При этих словах рыцарь в блестящих доспехах погрозил пещере мечом-кладенцом.

– У меня нет девчонки, которую ты ищешь, – донеслось из темноты.

– Какой девчонки? – Меч героя прочертил вопросительную дугу.

– Ну, той самой, ради спасения которой ты припёрся сюда, – устало ответило горное чрево.

– Какой девчонки? – повторил ничего не понимающий рыцарь.

– Ты знаешь! Та рыжая, стройная, грудастая, сексапильная милашка...

– Эй-эй, это моя будущая жена!

– Но совсем не в моём вкусе, – быстро добавила пещера. – Я же говорю, у нас ничего не было...

– Да о чём ты?

Пещера замолчала. Вероятно, она обдумывала последнюю

реплику, подыскивала подходящий ответ и, может статься, размышляла, сколько времени в среднем требуется герою, чтобы понять суть беседы, если предыдущие 30 минут диспута, как выяснилось, прошли даром.

– Ты ведь пришёл убить меня и спасти эту девчонку из плена? – уже не так уверенно, как раньше, предположил дышащий мраком зев.

– Да? – рыцарь озадаченно почесал макушку острием клинка.

– Да? – спросила пещера.

– Нет, – ответил рыцарь.

Пещера умолкла. И вдруг у неё наступило озарение:

– Тогда ты, наверное, имеешь в виду деньги?

– Да? – уточнил герой.

– Сам подумай, какие вещи с начала времён влекут к себе героев: бабы и деньги. Бабы отпадают – остаются... Ну! Ты же герой! – укоризненно заметила окружённая ореолом таинственности и измученная беседой арка.

– Да, – более или менее утвердительно отозвался рыцарь. – Да?

– О нет...

Рыцарь пребывал в растерянности, смущении и гнев одновременно: он, вне всякого сомнения, пришёл сюда за чем-то – но за чем?! Никто и никогда не заявляется к пещере дракона просто потому, что это показалось ему хорошей идеей, подходящим для героя занятием. Как это здорово: стоять у

прохода, ведущего вглубь логова кошмарного огнедышащего зверя, с красивым и вдобавок магическим мечом наголо! Ага, здорово. Как же. Так рассуждает только тот, кто ни разу не встречался с драконом лицом к лицу. Интересно, а сам-то он встречался? Рыцарь не припоминал.

Тогда попробуем начать с более простых вещей: если он настоящий герой, то у него должны иметься атрибуты каждого настоящего героя – вроде волшебного меча, быстрого коня и симпатичной девушки.

Рыцарь придирчиво осмотрел меч: да ничего, кажется; волшебный меч стандартной модели, не шибко новый, но и не развалится после первого же удара. Сойдёт.

Далее по списку следовал быстрый конь. Рыцарь заозирался и вскоре отыскал взглядом пункт номер два. О да, такие кони описаны во всех пособиях для начинающих героев: белые, как молочная пена, с волнистой, играющей на ветру гривой, сильные и молниеносные. Не конь, а сокровище, за которого не жалко и руку отдать – или другую не очень важную часть тела.

А это точно его конь? Рыцарь засомневался. Если скакун не его – тогда чей? Не дракон же на нём ездит! Может, другой герой? Но броди поблизости другие герои, они бы обязательно заглянули на огонёк. Люди этой профессии ненавидят друг друга до жути, ведь они не только коллеги, но и конкуренты. Раздумия привели рыцаря к следующему выводу: он, рыцарь, всё ещё жив, следовательно те, кто владел конём

ранее, вряд ли попросят его вернуть, а значит даже если этот конь не принадлежал ему изначально, то теперь уже фактически является его собственностью.

Хорошо, с этим разобрались – а девушка? Аа, девушка... Да, девушка была, вспомнил рыцарь. Такая... такая...

– Как ты, говоришь, она выглядела?

– Кто?

– Та девчонка.

– Которую ты не собираешься спасти?

– Ну да.

– Рыжая. Стройная. Грудастая. Сексапильная. Милашка.

– Волосы длинные.

– Ага.

– Высокая?

– Если её не укоротила гильотина, то да.

– В каком смысле?

– Она воровка.

– Воровкаа... – разочарованно протянул рыцарь в сверкающих доспехах.

– Но чрезвычайно порядочная воровка, – успокоил его дракон. – Иногда даёт бездомным детям по монетке. Волосы всегда причёсаны и аккуратно уложены. Имеет недоразвитого интеллектом брата, о котором вынуждена заботиться, так как родители покинули их в детсадовском возрасте.

– Погибли? – голос чуткого к чужим бедам рыцаря наполнился состраданием.

– Да нет, забили на них, бросили и рванули за границу. Там их батяня завёл новый бизнес, успешный, они с матерью живут припеваючи и по праздникам посылают красавице с её дебильным братцем парочку медяков.

– Ну-ну! – Рыцарь опёрся на меч – душещипательная история воровки взволновала его романтическую натуру. – А дальше?

– А дальше как обычно: бегство из-под стражи, беспрестанное вальсирование между голодной смертью и смертью от острых предметов в руках тех, кто умеет с ними обращаться, кража – помощь бедным, снова кража – снова благотворительность. Однажды пошла на убийство...

– Ах!

– Для защиты брата.

– Смелая.

– Была изнасилована.

– Какой негодяй это сделал?!

– Ты же и сделал. Да не волнуйся ты так: ты её полюбил с первого взгляда (да-да, и на всю жизнь, как положено). И она была не против.

– Зачем же я её изнасиловал?

– Ты мне никогда не рассказывал о своих эротических пристрастиях.

– Оо...

– Как я ни просил... Так о чём я? Ах да, скрывается от назойливого жениха, предводителя шайки грабителей.

– А я?

– А ты скрываешься вместе с ней.

– Неужели? Да ни за что не поверю! Я бы взял в правую руку меч, – рыцарь продемонстрировал, как бы он это сделал, – левой поднял бы жениха за волосы и насадил бы...

– Ты пытался.

– И что случилось? Хотя что за вопрос: я жив, следовательно он...

– Ещё тебя не нашёл.

– А он искал?

– И ищет. После того как ты зарубил всю его семью.

– Какой я негодяй!.. Эй! Так он, семейный человек, увидался за молоденькой девушкой? Какой он негодяй!

– Не всё так просто. В общих чертах: папа, султан, хотел женить его на принцессе, а тот сопротивлялся, потому что недолюбливал женитьбу и отдавал предпочтение наследству на пару с нежеланием делить его с кем бы то ни было. Но папаша заявил: либо ты, чёрт тебя дери, женишься, либо наследству сделай ручкой. И он женился – чего не сделаешь ради 20 миллиардов!

– Ух ты! – Рыцарь устроился поудобнее.

– Однако насильно, как тебе наверняка известно, мил не будешь. Посему, едва женившись, парень грабанул папочку на солидную сумму и смылся, а после вложил эти деньги в собственный бизнес. Грабительский.

– И как у него дела на этом поприще?

– Да как у всех средних предпринимателей...

– А на фиг я всю его семью перерубал?

– В очередном приступе беспамятства.

– Какого беспамятства?

– Которым ты страдаешь уже около года.

– Постой-постой! Я не помню ни о каком... Гм.

– Вот-вот.

– И откуда у меня взялось беспамятство?

– Помнишь, я сказал, что ты как-то пытался насадить своего преследователя на меч?

– Помню ли я? Ты сейчас издеваешься? – обиженно откликнулся рыцарь.

– Нет-нет, – успокаивающе произнёс дракон, – я только спрашивал.

– В таком случае ответ «да» – я помню, – ответил всё ещё задетый герой.

– И тебе удалось-таки выполнить свою угрозу.

– Ха! Так я и думал.

– Но твой давний враг, всесильный маг-некромант, оживил парня, наделил его волшебной силой, поставил во главу армии нежити и отправил по точным координатам к тебе, то бишь телепортировал. Не спрашивай, чем ты насолил всесильному магу! Мне не всё известно. Но, очевидно, для создания коллизии достаточно и того, что ты добрый – вроде бы – герой, а он злой – скорее всего – некромант. Классический разброс статусов – и как следствие закономерное

развитие событий.

– А почему я убегая от какого-то жалкого мертвяка? Для чего и как у меня оказался меч-кладенец? И куда я дел рыжую воровку?

– Не леденец, а кладенец, – поправил меч.

– Я и сказал кладенец, – раздражённо бросил рыцарь.

– Прости, видимо, послышалось. Годы, знаешь ли, берут своё, – пожаловался меч. – Сколько долгих лет я пролежал под тем огромным, покрытым мхом, находящемся в самом труднодоступном месте камнем...

– Так что с моими вопросами? – пропуская мимо ушей болтовню меча, напомнил рыцарь.

– Вкратце ситуация такова: маг, помимо прочего, сделал мертвяка бессмертным, и убить его можно, лишь рассеяв чары, а рассеять чары можно, лишь убив мага, а убить мага можно лишь мечом-кладенцом, выкованным искуснейшим в мире кузнецом, убитом из боязни самому быть им убитым с помощью его меча магом. Меч кладенец был схоронен...

– Я слышал: далеко-далеко под большим мшистым камнем.

– Верно. А девку ты спрятал дома у родителей парня-мертвяка. После того как он с ними поступил, родичи его невзлюбили, а прознав, что их сынище-маньяк превращён в бессмертную нежить, решили оказывать посильную помощь всем, кому он не нравится. Друг моего врага – мой друг, и так далее...

– А я, наверное, служил в гвардии, пока меня не изгнали из-за инцидента, который подстроил будущий мертвяк-маньяк?

– Память восстанавливается? – с надеждой спросил дракон.

– Нет, догадался, – горько ответил рыцарь и обхватил руками голову. – Как представляю, – медленно проговорил он, – что по моей вине погибли невинные люди...

– Не совсем по твоей. Ведь это маг отнял у тебя память, чтобы ты стал для него лёгкой добычей – как принято выражаться. И если уж на то пошло, не больно-то они и невинные: султан скупил все власти в округе, так что семейка не платит налогов, время от времени занимается беспределом (ну, там, собирает дань с рыночных торговцев и крадёт из магазина масло) – и при этом остаётся безнаказанной.

– И всё же...

– Слушай, считай, что того требовала высшая справедливость, что мясорубка, которую ты им устроил, была преопределена твоим неискоренимым стремлением к мировой гармонии и дырявой памятью. У тебя один пласт памяти наложился на другой, и ты принял мамашу с дочурками за разыскивающих тебя злобных зомби.

Рыцарь взъерошил длинные тёмные волосы, а потом решительно встал. Выдернув из земли меч, он сказал:

– Учитывая свои проблемы с памятью, не могу быть уверен... Но, по крайней мере, *мне кажется*, что я приходил

сюда с какой-то иной целью, а не чтобы совершить экскурс в собственную биографию. Да вообще говоря: на кой ляд я припёрся к драконьему логову?! Не спорю, я потерял память, но со здравым смыслом у меня пока порядок!

Дракон немного помолчал, а затем изрёк:

– Ладно, ты меня поймал. Мне не удалось тебя обдурить. Рыцарь недоумённо приподнял брови.

– Обдурить? То есть всё, что ты мне наплёл – неправда? О провалах в памяти, о злобном маге, об армии мертвецов и о моих преступлениях...

– Нет-нет, не волнуйся... ээ, я хотел сказать, не сомневайся, это было на самом деле. Просто, понимаешь... м... в общем...

Рыцарь подозрительно покосился в ту сторону, из которой раздавался голос дракона, и крепче обхватил меч-кладенец.

– Я... у меня сейчас нет денег.

Герой впал в ступор.

– Что? Каких денег?

– Эти провалы в памяти – они такие удобные, когда нужно не отдать долг.

Подозрительность рыцаря усилилась, однако его догадливость находилась на прежней отметке – на нуле.

– Не понял? – отважно заявил герой, держа перед собой меч и медленно отступая назад.

Редкие лучи солнечного света, проникавшие в пещерный

проход и взбивавшие многолетнюю пыль в объёмные вихри, обрисовали нечёткий, выползавший наружу силуэт.

– Да что ты не понял?! Я и есть тот всеильный маг-некромант!

На фоне отливающего голубизной неба и кучевых облаков дракон смотрелся очень внушительно – и очень костляво. Поскольку был скелетом.

– Мне надоело играть в игры! – громыхнул он. – Значит, так: примерно год назад я занял у тебя деньги...

– На что? – спросил ошарашенный рыцарь, не прекращая движения спиной вперёд.

– На заклинание. Мои запасы золота и драгоценностей истощились вместе с моей плотью: слишком много расплодилось самоуверенных героев, которых так и тянет проникнуть в пещеру дракона, украсть его сокровища и отрубить от него кусочек. Некоторые рвутся спасти девственниц, хотя я этим не увлекаюсь. – Всесильный маг неожиданно умолк, а затем с неохотой поправился: – Больше не увлекаюсь. Я не в том возрасте, чтобы интересоваться женским полом. Я мирно копию деньги на старость...

– Ага, с помощью армии живых мертвецов.

– Обычно я их использую как рабочих. Ты – единственное исключение.

– Приятно слышать, – наконец притормозив, хмыкнул рыцарь.

– ...а тут заявляешься ты и давай требовать долг! Знали

бы вы, герои, какими трудами достаётся сегодня кусок хлеба!

Рыцарь пристально глядел на мага. Наглядевшись вдоволь, он взвесил в руке меч, взмахнул им для пробы и молча двинулся по прямо противоположной траектории, а именно – вперёд.

На этот раз отступил дракон.

– Спокойнее-спокойнее! Силовыми методами ничего не добьёшься!

– Уверен?

– Я верну тебе деньги, обещаю.

– Как же, так я и поверил.

– Хочешь, расписку напишу?

– Нет, я хочу кое-чего другого.

– Но тебе даже не известно, для какого заклинания мне понадобились деньги! – выкрикнул дракон последний аргумент, спиной юркая в пещеру.

– Думаю, мне это будет неинтересно.

– Ошибаешься, – ехидно послышалось из темноты. – Я хотел приготовить заклинание перемещения во времени, а оно дорого стоит...

– Неинтересно. – Рыцарь огляделся в поисках подходящей для факела ветки.

– ...и, вернувшись в прошлое, предотвратить нашу встречу...

– Угу. – Рыцарь обмотал вокруг толстой палки сухую траву, высек кремнем искру и запалил факел.

– ...и мне это удалось.

Рыцарь замер.

– И мне это удалось неоднократно! Путешествия во времени – забавная штука, надо сказать. Иногда они к такоому приводят...

Рыцарь не двигался.

– Когда я сбился со счёта, суммируя наши бесконечные, безрезультатные встречи, то понял: надо предпринять нечто более радикальное! И я, поступившись принципами и позаимствовав у знакомого колдуна бутылочку с любовным снадобьем, отправился в ещё одно путешествие, но уже в другое время и в другое место. После чего опять возвратился сюда.

Факел рыцаря плавно опустился, и огонь, сыпля фейерверком искр, поджигал одинокие засохшие травинки перед входом в пещеру.

– Но, если поразмыслить, это случилось в прошлом, а посему с того момента и до нынешнего я продолжаю оставаться верным своему принципу. Какому? Ни грамма женщин! С ними одни проблемы, доложу я тебе! Стоит их похитить и изнасиловать, как они тут же начинают распоряжаться тобой как своей собственностью. Девственницы в этом плане особенно наивны и неразумны. Как ни объясняй им, что секс – это просто секс...

Факел выпал из руки рыцаря. За ним последовал меч.

– Ох уж эти мне старорежимники!..

– Ты переспал с моей матерью?!

Повинуясь внезапному импульсу, рыцарь посмотрел на ноги – они были короткими. Рыцарь перевёл взгляд дальше – у него были широкие бедра. Рыцарь перевернул руку – его ногти были красного цвета. До этого места ещё оставалась надежда, но то, что располагалось чуть выше, отсекало её раз и навсегда.

– Всем известно: женщины не бывают рыцарями. Они не убивают драконов, не грабят их пещеры, не спасают из заточения принцесс и не дают всесильным магам деньги в долг.

Пасущийся неподалёку конь странно заржал.

А обиженная на мировую несправедливость рыцарь расплакалась горячими слезами.

(2005 год)

Никто не знает...

(рассказ-зарисовка в стиле фэнтези)

– Ну превратился ты в женщину, ну и что? Зачем трагедию из этого делать? – Дракон протянул жалостливо всхлипывающей рыцарю кружевной платок: припас на случай её истерики.

Сам пятиметровый маг-скелет – кстати, с трудом помещавшийся в гостиной – не видел в постигшем знакомого несчастья особой проблемы. Да вообще никакой не видел.

– Ну женщина и женщина, – голосом, что нежнее бархата, убеждал он. – Мало ли на свете таких, как ты?

– Хлип-хлип... Да ни одного! То есть ни одной. То есть... ы-ы-ы!..

Плач усилился.

Дракон нервно заёрзал в широком кресле, обитом шкурой молодого йети, – дорогое удовольствие, но они скидывались на покупку мебели вместе с рыцарем. И дом приобрели на пару. И участок, подальше от любопытных глаз, искали сообща: жители королевства почему-то без особого энтузиазма восприняли магическую операцию по смене пола. Пришлось перебраться в горы не только эмигранту-воителю, но и сочувствующему в лице костистого чудесника.

Хотя это была не совсем операция, а... профессиональная

деформация. Если идёшь с мечом на владеющего заклятиями гиганта, не жалуйся на возможные метаморфозы. Лучше скажи спасибо, что не в лягушку...

– Лучше бы в лягушку-у-у! Ы-ы-ы!

– Не реви.

– Хорошо тебе говорить! Ты вон какой... *мужественны-ы-ый!*..

– Не реви. Не роняй достоинство в глазах благородных дам, которых ты любил... любила.

– У-у-у! По больному решил ударить, да? Соль на раны сыпешь?! Теперь-то мне их любить нечем!

– Подумаешь! Я вот с ними вообще завязал... если, конечно, не считать твоей матери.

– Хлип... Да уж. Бурные и продолжительные аплодисменты.

– Да завязывай реветь! Глядишь, оно и хорошо...

Как по мановению волшебной палочки, где-то посеянной драконом, рыдания тотчас прекратились. Даже не тотчас, а ещё раньше, словно интерес полиции в безопасности граждан. Их – рыданий – будто бы и не было никогда.

– Э-э-э, чего это ты на меня уставился? – Маг на всякий случай эдаким пятисоткилограммовым мотыльком вспорхнул с кресла и, ударившись черепом о потолок, отлетел в угол. – Хватит на меня зыркать!

– Значит, тебе женщины нравятся? – сладко пропела рыцарь.

– А кому они не нравятся? – занял оборону, правда, не слишком уверенно, дракон.

– МНЕ!

– Ну-ну. Не кипятись. Всё же решаемо. Вот, к примеру... м-м... о! Выставь свою кандидатуру на выборы. Народ любит эпатажных и скандальных личностей. Изберут тебя, и будет у нас первая женщина-король. – Скелет не сдержался и хихикнул.

Рыцарь не прекращала неминуемо надвигаться.

– Да разберёмся с ситуёвиной, – пообещал дракон, в умиrotворяющем жесте выставяя вперёд крылья. – Клык даю.

Победно хмыкнув, дама в доспехах прошествовала обратно к креслу.

– Разумное решение, моя любимая ящерка. Не забывай, из-за кого, в конце концов, заварилась эта хренова каша.

– Из-за тебя, хи-хи? Молчу, молчу.

– Так-то. А то, понимаешь, всем известно... женщины не дают магам в долг...

– А если бесплатно?

– Что ты там вякнул?

– Говорю, уже размышляю над проблемой. Вот только ничего не придумывается. Может, в следующий раз?

Тишина, заполнившая гостиную, заставила бы похолодеть и айсберг.

– Значит, у каждого пола свои преимущества? – любопытствовала рыцарь.

Дракон, вернувшийся было на прежнее место, бочком, согнувшись отошёл назад.

– Ну-у... как бы... да?

– И от *этой* штуки одни проблемы?

– Пф... ы... с точки зрения женщин... гм... да?

– А давай проверим.

– Наконец-то здравомыслие победило поспешные...

– На тебе проверим.

– ...выводы? – договорил скелет.

Проблему, связанную с его достоинством, дракон решил достойно: замолчал и стал покорно кивать, соглашаясь с каждым словом рыцаря.

– Повтори план, – сняв последнюю деталь обмундирования – шлем, скомандовала та. Её богатое металлом сопрано можно было использовать для обшивки космических кораблей.

Пятиметровое фигурище окинуло ладную фигурку оценивающим взглядом.

– А чего повторять-то? – устало сказал пятиметровый.

– По твоей вине я вынуждена... вынужден носить бесполезные части тела. И, наоборот, не носить полезные. Так что ничего, повторишь, не развалишься.

– Ла-адно. Я переносу тебя в прошлое, – забубнил дракон заученные фразы. – Ты находишь меня, не даёшь мне переспать с твоей матерью, убеждаешься, что твой отец – уже

действительно *твой* отец, – и возвращаешься.

– Правильно. И самый важный пункт...

Дракон соорудил кислую мину.

– Если у тебя не получится, ты меня из-под земли достанешь...

– ...или из пещеры, или с неба, – добавила рыцарь. – Верно. А потом?

– А потом... чик!

Девушка с удовольствием понаблюдала за тем, как ёжится скелет: картина, не только приятная ей лично, но и забавная для любого.

– Угу. – Лёгкий, грациозный кивок.

– Знаешь, а тебе даже идёт быть женщиной, – вырвалось у мага. – Может, передумаешь?

– Могу и передумать – и устроить тебе проводы мужественности прямо сейчас. Меч-кладенец до сих пор при мне.

– Но это негуманно! – возразил дракон. – Он же разумный!

– А тебе не всё ли равно?

– Да, но я же разумный! – слышалось из рук рыцаря. – А о чём речь?

– Заткнись.

– А, опять об этом.

– Снадобье готово, дракоша?

– Готово. Держи.

Длинная костлявая лапа протянула колбу с бурлящей то

ли серой, то ли бурой или, возможно, малиновой жидкостью. Рыцарь взяла стеклянную ёмкость и, шумно выдохнув, залпом её осушила.

– Горячая, ё!

– Постыдилась бы! Приличная дама, а выражаешься, как сапожник.

– Ты у меня шас... Ой! Какого Саурона?!

– Ты о том, что тело, образно говоря, разрывает на части?

– Да.

– И череп словно бы превратился в плавильный котёл?

– Да!

– И разряды электричества, непрерывно жаля, бегают по всему телу?

– Да!!!

– Тогда порядок. Снадобье работает.

– Ты не предупреждал!

– А это сюрприз, – активно, но втихую злорадствуя, прошептал дракон. – О, ты уже пропадаешь. Пока-пока. Удачи-кукарачи.

Юная красотка ростом примерно метр шестьдесят, с огненно-рыжими выющимися волосами до мягкой точки и непонятным размером груди – что-то между четвёртым и пятым – зарычала недовольной рысью. Её тело к тому времени почти растворилось в пространстве-времени, точно дождевая капля в глубоком колодце.

– Эй, драконий сын! – раздался недовольный женский го-

лос. – Сейчас же прекрати пялиться на мои си...

В следующую секунду рыцарь окончательно исчезла.

Дракон пожал плечами, ненароком уронив с полки вазу, прихваченную с прошлого места жительства, из пещеры. Всё-таки там было поспокойнее, несмотря на многочисленных рыцарей-освободителей, приезжавших из соседних королевств, чтобы «одолеть коварного жестокого зверя». Хотя, стоит заметить, никто из них не пытался лишить мага его магического... существа.

– Женщины вправду инопланетяне, – резюмировал скелет.

Потянулся, пробил потолок, вынул лапы и отправился во двор – пасти белогривого коня только что улетевшей в прошлое рыцаря.

– Живём в дыре, словно хоббиты какие-нибудь, – буркнул покачивающийся в гамаке дракон. Взял с золотого подноса, украшенного голубой каёмкой, бутерброд, положил на него внушительным холмиком крупную чёрную икру. – Дача на круче, ёлы-палы! Никакого уважения к работникам посоха и файерболла.

После этой реплики костистый был вынужден делать другой бутерброд, потому что первым он запустил в боевого коня: очень уж ржание того отдавало издевательством.

Пока дракон, бубня что-то про распутившихся кобыл и жеребцов, открывал трёхлитровую банку с икрой, некто

безумной молекулой пронёсся мимо гамака, затормозил, столь же стремительно подскочил обратно и с силой, за ключицу, потянул скелета вниз.

– Ну вот, смотри, что ты наделал, – проворчал ящер. – Надеюсь, ты именно *наделал*, а не *наделала*?

– Не знаю. Я... – Рыцарь замер на полуслове.

А после облегчённо вздохнул – так, будто хотел пропустить через лёгкие весь воздух гор. Голос. Его голос! Он – мужской!

– Дракончик! Дракончик, миленький! Я – это я, понимаешь?! Я – я!..

– Хорошо-хорошо. Только прекрати меня лобзать и слезь, чтобы я мог в полной мере выразить радость.

Воин резво соскочил с набора костей, что приходился ему заклётым другом либо, по иной версии, добрым врагом.

– Ну, как я выгляжу?

– Забрало подними.

Металлическая полоска тут же очутилась на лбу, открывая симпатичное лицо с красивыми небесно-синими глазами. Мужчина выглядел максимум лет на двадцать.

– О-о-о, – протянул дракон. – Ты помолодел.

– Для тридцатника неплохо? – удивленно-обрадовано поинтересовался рыцарь.

– Угу, угу, – осторожно согласился скелет. – Поздравляю.

– Спасибо! Я так рад, о, знал бы ты, как я рад, что вновь стал мужчиной! Что вновь буду самим собой – тем талантлив-

вым, успешным, бесстрашным качком, к которому привык!

– Эге.

– Что моя девушка вернётся ко мне. А то, вишь, не нравятся ей *такие*. Значит, с одноклассницей – это ничего, а с любимым, хоть и превратившимся в женщину, чего?!

– Ыгы.

– А ещё, ещё... я всем отомщу!

– Ага?

– Ну, тебе не буду.

– Ага.

– Но вот злыдням, которые выгнали нас на задворки королевства, – непременно!

– А доспехи-то у тебя откуда? Ты же специально без них переносился, чтобы не запалиться.

Рыцарь помрачнел.

– Пойдём, – нехотя проговорил он. – Расскажу.

Они молча, не спеша потопали к трёхэтажному бревенчатому особняку, и по дороге маг предпочёл не говорить врагу-другу, что глаза того поменяли цвет с привычного зелёного на синий. О другом он также умолчал.

– Хватит с камином копать, – поторопил волшебник медленно разжигавшего огонь меченосца.

– Дай передохнуть, а? Я так устал... – отозвался рыцарь, забывший даже снять доспехи.

– Да в чём дело-то?! А ну колись! Прекращай интригу раз-

водить!

Молодой человек чиркнул спичкой, поднёс пламя к бумаге, та мгновенно загорелась – и немедленно потухла.

– Да что ж всё не слава богам!

– Коро-оче-э, – прорычал дракон.

Рыцарь выругался, помянув того, кто клал камин, людей, что посадили лес, и гения, который придумал тонкие спички. Порывистым движением мужчина бросил в пасть камин на коротенькую палочку с обугленной головкой, обернулся к дракону и затараторил:

– Значится, делал я, как мы запланировали.

– Ну.

– Перемещаясь в прошлое, остановился в том году, когда меня зачали.

– Легко нашёл?

– Очень. Твоё заклинание временной видимости, которое ты смешал со снадобьем переноса, помогло: циферки бежали перед глазами – надо было только соскочить на нужной.

– Типа как выйти из автобуса на своей остановке.

– Чего?

– А, это не из вашей эпохи... в смысле, нашей. И? Что дальше?

– Затем в темпе отыскал дом своих родителей... вернее, благодаря тебе – только матери. – Рыцарь обжёг собеседника взглядом.

– Не тормози, – используя функцию «Ignore», подгонял

чародей с крыльями. – Рассказывай.

– «Отца» дома не было.

– А меня?

– И тебя тоже... папашка. Зашёл я в прихожую – никого. На кухню – опять никого. В ванную – то же самое. В комнату матери – а там наткнулся на свою родительницу!

– Жуть! А затем?..

– Затем я выхватил меч и до смерти напугал того, кто кувыркался с матерью в постели.

– Меня из прошлого?

– А вот нет! Говорю же, без тебя обошлось. Чудик какой-то с мамашей резвился.

– Тёмный?

– Не всосал. Что тёмный?

– Тот чудик – брюнет?

– О боги! Какая разница?!

– Ну, может, и никакой... – пробормотал дракон.

– Машу я, значит, мечом, – распаляясь, вещал рыцарь, – пугаю чудика – в основном воплями клинка, которого я разбудил, когда выхватил из ножен. Чудик вскакивает и голышом выпрыгивает в окно. Вот умора!

– Ы?

– Ну, мамина спальня на втором этаже находилась.

– А-а-а. А-ха-ха.

Рыцарь, похоже, вошёл в раж.

– Только я это сделал, как кто-то припёрся. Я бегом, чуть

ли не летом – вниз. А там – папаша.

– Я?

– Не, настоящий папаша. Вернее, формальный. Блин! Первый, в общем.

– М-м.

– Вежливый такой: «Что вам надо, мадемуазель?» Я р-раз кованым сапожком ему промеж ног – и на улицу. Вот тут тебя повстречал: ты, озираясь и одновременно напевая, шёл к крыльцу.

– Боюсь спрашивать о продолжении этого триллера.

– Какого триллера? Что за чушь ты постоянно несёшь?

– А, снова перепутал.

– М-да? Проехали, короче... На чём мы остановились?

– На мне.

– Ну, схватил я тебя за загривок... за кость под гипотетическим загривком, – поправился рыцарь, – и потащил прочь.

– Я сопротивлялся?

– Не особо. Узнал, надо полагать.

– Странно: ты же тогда ещё был женщиной, а я тебя помнил только мужчиной.

– Хм.

– Всё?

– Всё. Едва вышел наружу, сразу возвратился сюда.

– А доспехи-то откуда?

Гроыхнув металлом, рыцарь пожал плечами.

Дракон вдруг сделал подозрительно-невинное и вместе с

тем чертовски смущённое лицо. Отвернулся, уставился в окно.

Сначала воин ничего не понял. Он и через минуту ничего не понимал, но вопрос задать догадался-таки:

– Погоди-ка... А как я очутился в пещере? Я ведь именно оттуда вышел, прежде чем вернуться в наше время.

– У-угу-у, – подтвердил маг – его интонация рыцарю совершенно не понравилась.

– И почему на мне оказались доспехи?

– У-угу-у.

– Что угу?! – взорвался мечник.

– Кто знает...

– И вот чего не пойму, – обращаясь уже к себе самому, а не к кудеснику, рассуждал мужчина, – по какой причине я не переместился во времени давным-давно? Если меня отрубило, то действие снадобья должно было закончиться, пока я валялся в беспамятстве. Кстати, с чего это меня могло отрубить?

Скелет молчал, уставившись в стену. Его плечи подрагивали.

– Ты там что? Гогочешь?

– Не-эт... – еле сдерживаясь, проямлил дракон.

– Больше никогда не дам тебе в долг! Никогда, понял!? А то пожертвуешь потом и кровью отобранное у других драконов богатство вот этим вот хохочущим костям без мешка, и что взамен? Вначале всесильный маг-некромант тебе память

стирает, после в женщину недостойным образом превращает, а затем начинаются вообще... непонятки. Ты хоть имеешь представление, что со мной случилось?

Дракон помотал головой. Из его глаз, не видимые рыцарю, текли слёзы. Полный живот сотрясаясь от беззвучного хохота.

– И я не представляю.... Вот нафига ты волшебную палочку потерял? Не мучались бы сейчас... А тот долг, с которого всё началось, напомни, какой тебе нужен был?

Хвостатый вдохнул, выдохнул – и выдал ответ скороговоркой, потому что иначе заржал бы:

– Мы собирались организовать совместное предприятие.

– А, ну да. – Воин наконец вспомнил. – Драконы и рыцари всех королевств – соединяйтесь! Милые старые деньки. Тогда идея о сотрудничестве человекоядных ящеров и людей-ящероненавистников ещё не выглядела глупой утопией. Жаль, задумка пошла прахом из-за того, что ты не вернул мне деньги... Стоп! Так вот в чём причина! Ты не хотел организовывать драконо-рыцарское братство, а просто-напросто попёр мои бабки! Вы, динозавроподобные, жуткие скопидомы и жмоты!.. Да что тебя плющит-то?!

– Мы... ха... жмоты... ха-ха... зато... не носим... ха-ха-ха... для красоты... голубые линзы! Ха-ха-ха-ха-ха!..

Напрягал и безудержный смех дракона, и что-то в его словах. Но что? Рыцарь попробовал поразмыслить – не получилось. Обозлённый на собственную недогадливость, а заодно на нетактичность огнедышащего, он сорвал с головы шлем и

бросил на пол. «Убор» бухнул об доски, отскочил, закатился под диван. Длинные светлые волосы растрепались, закрыв поле зрения.

– Лиро-эпическая сила! – Рыцарь занёс руку, чтобы поправить шевелюру, – и застыл, подобно статуе, воздвигнутой в честь их нынешнего короля.

Живот болел немилосердно; держась за него лапой, дракон вновь заговорил с воином:

– Брателло, у меня для тебя три новости. С какой начать?

Рыцарь откликнулся похоронным тоном:

– С плохой.

– Дело в том, что хорошей среди них вообще нет. Новость первая: чудик с тёмными волосами, которого ты видел в доме матери, – твой истинный отец.

– Мать изменяла папе ещё и с... папой?!

– Новость вторая: ты не совсем мужчина.

– Чего-о?..

Внезапно раздался стук, от которого так и сквозило вежливостью.

Неохотно подойдя к двери, рыцарь распахнул её и с неудовольствием обнаружил на противоположной стороне порога напмаженного субъекта. Субъект накручивал на безукоризненно наманикюренный палец завитые явно при помощи бигуди мелированные волосы и улыбался от уха до уха, не в силах, однако, растянуть обезображенное подтяжками лицо. Но этого мало: субъект игриво подмигнул хозяину особняка

голубым глазом.

– Чем обязан? – холодно, насколько мог – а мог он не очень, – приветствовал рыцарь.

– Ну, здравствуй, дорогой, – разлил елей субъект.

Дракон неслышно вырос за спиной у пехотинца.

– У этого голубоглазого, если тебе интересно, тоже линзы.

Рыцарь не врубился. Затем всё же скосил один глаз вправо, глянув на свою, держащую дверь руку. Руку с идеально ровными ногтями, покрытыми бесцветным лаком и блёстками.

Немедленно отпрыгнув от сомнительного мужчины, рыцарь захлопнул дверь. Дом покачнулся. Щеколда скользнула в паз, щёлкнул закрываемый замок.

– Ч-что э-это? – заикаясь, еле выговорил воин.

– Вторая новость, – как ни в чём не бывало объяснил дракон. – Как я понимаю, тот отец, что тебя воспитывал, имел... да, имел... немного нетрадиционные взгляды на взаимоотношения полов.

– Ч-что ты н-несёшь?! Э-этого не может быть! Как же меня зачали, ежели он не туда ориентированный? Не сходится!..

– Ну конечно, не сходится...

– Вот.

– ...потому что он тебя не зачинал.

В дверь аккуратно, *утончённо* стучали. Рыцарю было по барабану – он этого даже не замечал.

– Потому что он – как? – проблеял вояка.

– Никак, – вынес приговор маг. – Представь, что красивая, безумно сексуальная девушка схватила тебя за загривок... или, допустим, за кость под гипотетическим загривком – и потащила в укромное местечко. Что бы ты сделал на моём месте?

Сердце ухнуло в самый низ – в направлении реки Стикс, матери первородных мрака и ужаса.

Ничего не подозревающий меч-кладенец сладко причмокивал во сне.

– Это и есть третья новость? – пискнул рыцарь.

– Она самая. – И дракон подтвердил вывод безжалостным кивком. – Ну, что ты стесняешься? Давай, обними папочку!

– Какого, к дьяволу, папочку?!

– А такого. Если ты в прошлом, будучи обаятельной девушкой, встретишь охочего до женского пола и изголодавшегося по нему же приятеля, то в будущем, может, и родишься сыном – но только своим собственным.

Омоложенное пластическими операциями лицо рыцаря хранило пугающе бесстрастное выражение.

– Опять не сдержался, да? – уточнил он.

– Увы. – Дракон развёл длиннющими лапами, нечаянно сорвав занавески.

– А как же разговоры о том, что по woman – по сгу?

– Попробовал бы воздержаться с моё. А потом, сердцу не прикажешь.

– Сердцу???

– У нас, истинных мужчин, сложно разделить одно от другого.

– Я тебе их щас... хнык... от... хнык-хнык... отделию-у-у-у-у!..

По доброй традиции обидевшись на мировую несправедливость, рыцарь расплакался горячими слезами – и уткнулся макушкой дракону в плечо.

– Ну-ну, мой хороший, мой противный сынок. Не печалься и не хнычь. Найдём тебе достойную пару. Накачанного, видного мужика – не то что покрашенное курообразное за дверью. И кого-нибудь получше твоей пассивности, щеголяющей во-о-от такими буферами. В общем, будете вы с суженым жить долго и счастливо, пока смерть...

Тут рыдания сделались оглушительными, скелет даже перестал слышать, что говорит.

– Н-да. – Поглаживая более или менее мужчину по прореженным волосам с кончиками, выкрашенными в белое, скелет понял, что допустил серьёзную ошибку: не стоило упоминать о смерти. – Рыцари бывают разными, хоть и никто не знает об этом, – задумчиво проговорил он. – Эх, вечно с вами, чувствительными натурами, проблемы!

Прижав щеку воина к костистому телу, маг негромко запел – песню из подсмотренного в альтернативной вселенной мультфильма про щенка своеобразной расцветки. Мультик и раньше вызывал смешанные чувства, но теперь-то прихо-

дилось самолично завывать «арию» главного героя. Дракон, к его чести, превосходно справлялся с задачей, прочувствованно, нежно, чуть ли не по-матерински успокаивая впавшего в депрессию рыцаря.

И лишь иногда невыносимо трогательный текст прерывался произвольным утробным гоготом.

(Июль 2013 года)

Игры с судьбой

(Соавтор – Дара)

«Я стал изумительно беспомощным».

Он ненавидел проигрывать, даже если устраивал турнир с самим собой и особенно если дело касалось счастья. Минутную радость легко отыграть, мелкие неудачи перетерпишь. А вот тонкое, но мощное и непонятное вместе с тем эйфорическое чувство, берущееся словно бы из ниоткуда, помогающее творить и добиваться успеха, – это чувство, считаемое после любви наиболее ценной ставкой, столь просто не получить.

Фёдор Торбинин, архитектор торговых центров, рослый мужчина средних лет, сидя на полу, перемешал карты и заново разложил пасьянс. «Любовь» не хотела выпадать, хоть ты тресни! Создавалось ощущение, что комбинацию из пяти карт (четыре туза с единственным в колоде джокером) упразднили указом свыше. И «узор» счастья не выстраивался. Однако собралась «приятная неожиданность»: всё лучше, чем проигрыш, тем более неизвестно кому.

В квартиру вошла Эля, по обыкновению тихо. Забрала из коридора свои вещи, побросанные Фёдором в кучу, и, ни слова не сказав, удалилась. Говорить было не о чем.

Стараясь не обращать внимания ни на возлюбленную, с которой недавно расстался, ни на странную пустоту в душе, нечто сродни высохшему озеру, игрок перетасовал колоду из тридцати семи тонких картонных прямоугольников.

А что, закралась Торбинину мысль, если потерянное им счастье уходит к Эльке? Версия отнюдь не радужная, но, к сожалению, реалистичная. Фёдор при расставании пожелал подруге «всего хорошего» – неужели ирония сработала по методу от противного? Возможно. В этом чёртовом мире возможно и кое-что похуже!

Бухнув колоду на пол, Торбинин рывком поднялся. Утро: пить водку рановато, так хоть кофейком брюхо всполоснёт.

На работе Фёдора не ждали. Вообще-то ни там, ни в какой-либо другой конторе не ждали ровным счётом никого.

Это игра.

Она не заменила жизнь – она и являлась ей самой. Ставки в виде эмоций, успехов, выполненных поручений, новых пассий и бойфрендов – и тому подобное в неограниченных вариациях. Клади на «бочку» нужное с важным, выигрывали и проигрывали – иногда в компании, иногда в одиночестве.

Фёдор не видел в устройстве мира плюсов, минусов он тоже не замечал. По большому счёту, ему было наплевать. Планета крутится, вращаемая магией; волшебный закон управляет и недолгим веком людей. Техника есть: автомобили, компьютеры, коммуникации, но в основе мироздания – во-

рожба.

Что ж, это игра.

Чьи воображение и воля нарисовали картину вселенной, архитектор не знал – его и это не интересовало. Будь воля Торбинина, тот бы и пасьянс не раскладывал. К прочему, Фёдор всегда отдавал предпочтение маджонгу. Однако восточные традиции и игры в собственную судьбу отличались от западных аналогов. На Востоке «пользовались» го, и-цзином, тем же маджонгом, тогда как цензурирующая сила Запада воплотилась в покере, рулетке, пасьянсе.

Качественно сделанное задание Фёдор собрал накануне, а значит, в ближайшие дни он свободен. Замечательно. Правда, заняться нечем... По телевизору крутили новости вкупе с сериалами, но ничто не могло изменить программу передач.

И это – игра.

Щелчок кнопкой выключения, осиротевшую чашку – в мойку. Одеться, захватить карты и пойти на прогулку, проветриться, поискать что-нибудь, похожее на дела.

Блондинка, эдакой павой вышагивавшая по аллее, отказалась с ним знакомиться – ни слова не проронила, едва взглянула и сразу же отвернулась. К брюнетке он не подошёл сам: пока мерзкие карты не выдадут комбинацию любви, на взаимность надеяться бессмысленно. А интрижки... сыт он по горло этими никуда не ведущими интрижками, которые часто затеваются секса или денег ради.

Будь у него в распоряжении меньше свободного времени, Фёдор не заморачивался бы напрасными попытками переспорить жизненный уклад. Основа основ (магия), директор фирмы под названием «человечество», диктовала свои условия и, чтобы ни произошло, придерживалась категорической позиции. Может, оно и правильно... но, блин, хреново!

Фёдор пнул банку из-под джин-тоники, что неторопливо катил по асфальту ветер. По привычке пошерудив в кармане ветровки колоду, с которой никогда не расставался, архитектор присел на лавочку. Неподдалёку от его дома открылось казино – сыграть, что ли, там? Азарт – признаться, порядком утомивший – тот же, а в компании веселей.

Торбинин поправил волосы, которые спустя секунду опять растрепал ветер, немного поразмыслил и пришёл к выводу, что попытка – не пытка.

Мир, в котором всё подчинено причудливым законам азартных игр, в котором нет ничего постоянного и стабильного, где будущее зависит от комбинаций карт, фишек, кубиков, выпадающих мне, тебе, ей, ему. Основной закон мира: каждый сам творит свои законы. Казалось бы, такое должно привести к полному беспорядку, анархии, но существуют ограничения, и их усваивает любой малыш, только-только научившийся держать в руках книжку, колоду или другой жизненный манипулятор.

Каждая игра создана для определенной цели. Если ты пы-

таешься добиться успеха в бизнесе – возьми «Триллионера», нужно победить врагов – купи «Военное искусство». Конечно, выпускают и повседневные манипуляторы, чаще всего карты, что ты раскладываешь, выясняя: идёшь ли на работу, получишь ли прибавку к жалованию, как сложится свидание...

Федор слышал и об универсальных играх, тех, где на кон ставят жизнь или судьбу. Об играх, способных помочь в любой ситуации... или навредить – как фишка ляжет. Хм, возможность пойти ва-банк, чтобы забрать громадный куш? Верилось с трудом...

Борьба определяет бытие, целиком состоящее из неожиданного, нелогичного. А иногда безудержно хотелось малой толики стабильности и предсказуемости.

Это произошло молниеносно.

Игра напоминала пятикарточный покер с обменом, только раздавалось по четыре карты плюс дополнительная, а в колоде насчитывалось шесть джокеров. Предыдущую пару часов Фёдоровой жизни вырвала с плотью натренированная рука кого-то могущественного. Азарт, позабытый, приевшийся, нахлынул с новой силой.

Торбинин обзавёлся неплохим выигрышем: пятью удачами – тремя мелкими, одной средней, одной крупной – и двумя успешными начинаниями. Начинания радовали особенно: если грамотно их применить, можно в перспективе до-

биться как любви, так и счастья.

Игрок напротив него, белобрысый крепыш со сломанным носом и приросшей к лицу ехидной полуулыбочкой, перетасовал карты.

– Все радости в этом году, начиная с сегодняшнего дня, – сказал он словно бы в тёмную пустоту казино.

Торбинин не колебался.

– Согласен. Ставлю... свободу на шесть месяцев.

– На пять. Лет, – чётко произнёс белобрысый.

– На двенадцать месяцев.

– Ладно, на два с половиной года.

– Хорошо.

Анте не использовали.

Когда раздали карты, неряшливо одетый парень справа от Торбинина пасанул почти не глядя. Фёдор чекернулся. Возрастная женщина с плоской грудью, что сидела слева, стукнула по столу. Белобрысый поступил так же.

После обмена первым ходил архитектор: он снова сделал чек. Женщина сбросилась. Ехидца пропала с лица блондина, он безразлично глянул на карты, потом на визави и озвучил ставку:

– Олл-ин.

Торбинин ничем не выдал волнения. Неуверенность длилась секунды – потом он согласился.

– Что у тебя есть? – осведомился белобрысый и, стоило Фёдору достать бумажник, презрительно скривился. – Убери

эту мелочёвку.

– Там много денег, а ещё карточка...

– Поставь что-нибудь другое. Какую игру юзаешь?

– Пасьянс, тридцать семь карт.

– Сойдёт.

– Но... А, ладно!

Он положил на середину стола колоду – и вскрылся. Четыре туза.

– Бери доп, – сухо произнёс мужчина напротив, игравший в закрытую.

Ещё одна карта легла на зелёное сукно, завершая комбинацию Торбинина, – джокер! Боясь поверить глазам, он смотрел на сочетание «любовь», которое в этом «покере» ничего не означало само по себе, но приносило ему однозначную победу.

– Теперь ты, – не сдержавшись, радостно выдохнул Фёдор.

Белобрысый, не имевший права длить дальше, неторопливо снял с шапки колоды карту, присоединил к своим. Причмокнул и выложил пятёрку джокеров на стол.

Приятный полумрак игорного заведения навалился неподъёмной вязкой тьмой гроба. Сознание не принимало действительности, протестовало, сходило с ума!

А действительность сверкала ехидной полуулыбочкой.

Полдюжины шутов и остальные карты вернулись на место, белобрысый принялся меланхолично их мешать.

– Ты жульничал! – закричал Фёдор на всё казино. – Ты не

мог собрать роял-джокера!

– Даже если так, – невозмутимо отозвался победитель, – что с того? Решения игры не отменить.

– Гад!

Торбинин рванулся вперёд, через стол, чтобы хорошенько вмазать шулеру. Хук справа, от неопрятного юнца, повалил проигравшего на пол.

– Это игра, чувак, – впервые за два с лишним часа заговорил парень, скрежещущим, неприятным голосом. – Без обид.

Вывалившись на улицу, Фёдор вытер кровь рукавом. Плевать, что испачкался: хотелось умереть, покончить с собой, к чёртовой матери вынести из своей тупой башки ту жижу, что он по ошибке принимал за мозги!.. Где уж тут размышлять о внешнем виде. Только вот пистолет взять негде. Может, купить в специализированной лавке? У беспринципного хмыря-эмигранта...

Так, размышляя о смерти, представлявшейся ему наиболее лёгким и правильным выходом, он забрёл в Восточный район. Торбинин никогда не ходил сюда, в немалой степени из-за того, что люди востока относились к пришельцам с прохладцей. Хоть криминал тут был редкостью, у каждой нации – своя территория.

Хозяин магазинчика, подобно соотечественникам, оказался низеньким и худеньким. Носил он матерчатый свет-

ло-оранжевый халат и яркую широкополую шляпу. На вид Фёдор дал бы человечку лет сорок пять.

Лавочник встал из-за скособочившегося столика, коротко, но вежливо поздоровался – и всё, никакой болтовни, принятой у продавцов в Западной части города. Застывшей крови, размазанной по физиономии посетителя, он словно не заметил. Сняв шляпу, обнажив чёрные жёсткие волосы, а вместе с ними солидную плешь, торговец опять сел за столик. Положил восточный вариант сомбреро на потрескавшуюся деревянную столешницу, налил зелёного чая в старинную фарфоровую чашку с золотыми рыбками на внутренней стороне и, отхлебнув, удостоил позднего гостя рассеянным взглядом.

Фёдор тем временем уже задумчиво шёл между полками. Из привычных игр он отыскал лишь маджонг, полдесятка версий. Потемневшая коробка попала в поле зрения случайно. Торбинин аккуратно вытащил находку, открыл. Внутри лежали фишки, по форме точь-в-точь маджонговские, но парень не увидел ни одной знакомой масти. Изображения походили на карточные бубны, черви и пики, хотя использовались цифры одного из восточных народов. Рисунки соответствовали стилю: драконы, написанные в легкоузнаваемой аутентичной манере; характерные обрядовые маски; духи – злые и добрые.

– Что поставить на кон, решает владелец, – негромко сказал материализовавшийся за спиной Фёдора торговец.

Западнорайонный испуганно вздрогнул.

– Вы должны выбрать что-нибудь ценное для вас, – будто бы ни на что вокруг не обращая внимания, продолжал коротышка. – Иначе не выпадет ни одна комбинация.

Конечно же, Торбинин не поверил.

– Чушь! Так не бывает.

– Все сомневаются. А между тем игре несколько сотен лет. Правда, вы держите в руках обновлённую версию. Я лично изготовил её. Говорят, раньше в маджонг вроде этого просто играли.

– Что значит «просто играли»? – не понял Фёдор.

– Не из насущной необходимости, а из удовольствия.

– Хотите сказать, раньше судьбой управляли по-другому?

– Ей вообще не управляли, – огорошил торговец. – Да и сейчас не то чтобы очень.

Торбинин громко фыркнул.

– Бред! Вы сами-то верите...

– Верят в Бога, – прервал продавец, – а это можно знать или не знать. Я не знаю, и, боюсь, уже никто ни подтвердит, ни опровергнет мои слова.

– А вы пробовали в неё играть?

– Отец рассказывал, что ты либо пользуешься её *услугами*, либо нет. Вещь из прошлого, в которой сохранилась изначальная магия, слишком сильна, чтобы природа позволяла каждому желающему применить её мощь. Но должен предупредить: этот маджонг исполняет всего одно желание. После

требовать от него что-либо бессмысленно.

– А если не получится?

– Пеняй на себя. Ведь это игра.

Фёдор повертел коробку в руках, недоверчиво хмыкнул. Отдал маджонг «узкоглазому хитрецу» и, кинув саркастическое «до свидания», вышел из магазинчика. Последним идиллом он почувствовал себя полминуты спустя, когда вбежал обратно, сунул продавцу крупную сумму и выхватил игру.

– Бога нет! – выпалил он, не до конца понимая, что делает. – Человек – владыка своей судьбы!

Хозяин лавки не удостоил его ответом – положил деньги в карман балахона, как ни в чём не бывало вернулся за столик и налил очередную чашку чая.

...Незримым воздушным змеем скользнул по телу ветерок, погладил, шепнул, уверил, что всё будет хорошо.

– Нихрена подобного, – зло прошептал Фёдор.

Он же собственноручно затолкал жизнь в очко унитаза и спустил воду. Сперва проиграл что можно, а вернее, что нельзя, потом потратил деньги на какую-то фигню. По-лёгкому вернуть потерянную жизнь захотелось. Сыграет разок в чудо-маджонг, и пожалуйста, падут с небес все блага мира. А если продует?! Опять... Да чем он думал-то!.. Не так: он вообще думал!? Вдобавок нос разбили, похоже! Дотронулся. Больно, чёрт!!!

Нервный импульс, острее, чем осколок зеркала, проткнул

хвалёную, дутую надежду, выпустив из этого душевного атавизма остатки жизни.

Торбинин вскочил, схватил коробку с маджонгом и, размахнувшись, бросил в текущую под мостом реку. Набор до цели не долетел: ударившись об ограду, рухнул отринутой верой.

– Это игра! Игра, мать твою!

Падение, отскок, повторное приземление – и раскатывающиеся по асфальту фишки. Выматерившись, Фёдор закрыл лицо руками.

Подышал, чтобы прийти в себя, – тяжело, долго. Медленно отнял от глаз ладони. Невольно, краем зрения, ухватил множество раскиданных по дороге красочных фишек. Посмотрел в ту сторону – и оторопел.

Ветер, по-видимому, не желая принимать участия в фантасмагории жизни, пропал без следа, точно свидетель кошмарного преступления.

В центре неровного круга, образованного разлетевшимися фишками, лежало несколько картинок. Торбинин, присев на корточки, поднял коробку. Оттуда вывалился листок с правилами. Владелец схватил его, смял по неосторожности. Безрезультатно пытаясь унять дрожь в руках, начал водить мутным взором по бумаге.

Тузы... Драконы... Ветры...

Разные сочетания... Десятки сочетаний...

Вот и нужное...

В жизнь вернулся воздух, летающий, шепчущий известные каждому фразы. Рослый мужчина средних лет не мог отвести взгляда от печатного текста. Значение выпавшей комбинации описывалось предельно сухо. Счастье? Настолько близко, насколько может быть. Безграничная радость? И она, разумеется. А помимо, многое-многое другое. Просто всё – в непривычной форме.

Что же? Любовь, да. Любовь Бога и человека. Безраздельная, всеильная любовь судьбы.

«Свобода»...

(Июль, август 2013 года)

Властитель Ночи

*Только богам открыты предначертания судьбы.
(Из изречений философов Древнего Египта)*

I

Испокон веков человечество интересуют великие тайны прошлого, в которых даётся объяснение царящему в мире порядку вещей. Однако некоторые из этих тайн запрятаны так глубоко, сопряжены со столь могущественными силами и овеяны таким ореолом ужаса, что, вероятно, лучшим было бы никогда не находить их разгадок, оставив вселенной её вечное право на установление своих, запредельных законов. Тем не менее, волею случая я оказался втянут в события, масштаб которых начинаю понимать лишь сейчас; их подробности я и собираюсь изложить далее, несмотря на то, что сама мысль о произошедшем на территории загородного дома дяди Марка обрекает меня на бессонную ночь, полную неизъяснимого, но теперь вполне определённого страха – страха, не отпускающего мою душу вот уже долгие годы...

В то время я был аспирантом факультета журналистики Московского Государственного Университета и преподавал поступающим русский язык. Телефонный звонок, круто из-

менивший мою жизнь, раздался, будто бы нарочно, в сумеречную пору, которой приписывают разные мистические свойства. Закончив порученную мне бумажную работу, я в одиночестве пребывал на кафедре, ожидая, когда вернётся мой научный руководитель. Но Андрей Валентинович всё никак не возвращался, и я скучал, грыз зажатый в левой руке карандаш, а правой играл на компьютере в «Сапёра». Звонок смартфона отвлёк меня, и я нарвался на мину; проворчав что-то по этому поводу, я не глядя взял трубку и буркнул: «Алло».

– Миша, привет! Это Аркадий, – услышался голос двоюродного брата. – Не занят? Скажи, не мог бы ты приехать к нам в загородный дом? Поверь, это очень важно!

В голосе кузена сквозило явное волнение. Я уточнил, что случилось, однако Аркаша только повторял одно и то же: дело срочное, требуется моё присутствие, причём надо приезжать как можно скорее. Не в привычках брата было разыгрывать людей, к тому же столь нарочито, а потому я согласился навестить родственников завтра утром – вот только отпрошусь у научного руководителя.

– А не мог бы ты приехать сегодня вечером? – спросил Аркадий, и я отчётливо ощутил дрожь в его голосе.

Кузен определённо чего-то недоговаривал; впрочем, я не стал его расспрашивать по телефону – узнаю всё, когда прибуду.

– Хорошо, постараюсь, – сказал я.

– Спасибо! – живо откликнулся Аркадий и повесил трубку.

Случившееся показалось мне весьма загадочным и странным, хотелось немедленно выехать за город, чтобы выяснить, что же произошло в дядином доме.

Я всё ещё размышлял на эту тему, когда вернулся Андрей Валентинович; как мог внятно, я обрисовал ему ситуацию. Высокий, полный и хмурый, мой научрук лишь внешне производил впечатление невесёлого человека – на самом же деле он был очень доброжелателен. Внимательно выслушав меня, Андрей Валентинович разрешил взять отгул на несколько дней. Я поблагодарил его, быстро собрал вещи, бодрой походкой вышел из кабинета, а час спустя уже ехал на своём «форде» за город.

Дом моего дяди Марка располагался в северо-западном направлении от Москвы, в нетронутых лесах Тверской области, на участке площадью два гектара. Обычному человеку не удастся купить землю в столь тихом, красивом, девственном месте, но у дяди имелись связи в правительстве.

К тому времени, когда я приехал, уже стемнело, и окружающие дом высокие толстые деревья с пышными кронами напоминали во мраке полк гигантских часовых из потустороннего мира. Открыв замок на литых металлических воротах ключом, который когда-то дал мне дядя, я отметил про себя, что охранники никак не отреагировали на моё появле-

ние. Немного удивлённый этим – обычно сторожа вели себя гораздо более ответственно, – я припарковался, вылез и окинул взглядом представшее передо мной двухэтажное строение.

Внушительного размера, деревянное, оно будто бы явилось из прошлого, а точнее, из книг о жителях Востока. Такими изображали дома тамошних богатых людей, и, может статься, именно на книжных страницах обнаружил прообраз своего будущего «дворца» мой дядя. Я оглядел красные треугольные крыши с изображёнными на них иероглифами и раздвижные двери, почувствовал обманчивое ощущение хрупкости, поскольку здание представляло собой на редкость масштабный образчик архитектуры. Лишь брёвна, толщина дверей да ещё несколько незначительных деталей выбивались из общей картины, давая понять, что перед вами не аутентичный дом, а стилизованное строение. Возвышаясь, словно древнее, огромных размеров существо, будто предводитель часовых-деревьев, оно впечатляло своими размером и формой; оставалось лишь гадать, каким образом очутилось здесь, среди российских берёз и сосен, эта частичка Азии, пропитанная характерными атмосферой и духом. Окружавший владения высокий, потонувший в тени забор с колючей проволокой лишь усугублял ощущение чего-то грандиозного, непредставимого. По периметру дома горели фонари, горстями бросая свет на стены, удивительно чётко виднеющиеся на фоне сгустившейся темноты. Асфальтовая

дорога заплелась кольцом, точно змея-монстр, по её бокам рос аккуратно подстриженный газон. В будке, на толстой цепи, сидел волкодав – белый в крупных чёрных пятнах; при моём приближении он радостно завилял хвостом.

– Привет, Барон! – Когда пёс подбежал ко мне, я потрепал его по холке и направился к лестнице натурального древесного цвета.

Не успел я подойти к массивным ступеням, ведущим на крыльцо, как входная дверь открылась и мне навстречу вышел Аркадий. За то время, что мы не виделись, кузен немного прибавил в весе и укоротил шевелюру, отчего плотное лицо его казалось ещё шире. Поднявшись наверх, я заметил на губах брата вымученную улыбку: он, несомненно, был рад меня видеть, но что-то тревожило его, и это ясно проступало на выразительном лице, которое я бы сравнил с лакмусовой бумажкой. Мы поздоровались, и Аркаша провёл меня в дом.

Внутри ничего не изменилось с тех пор, как я был тут в последний раз, – меня встретила давно знакомая атмосфера роскоши: дорогие обои, подлинники картин на стенах, хрустальные люстры, мебель из натурального дерева. Дыхание Азии ощущалось в каждой комнате, и намного яснее, чем снаружи: к созданию дома мой дядя Марк, страстный поклонник восточной самобытности, привлёк одного опытного японца-дизайнера. Рисунки на обоях были выполнены в той же манере, что и крыша; столы, стулья, диваны и кресла – стилизованы под мебель Страны Восходящего Солнца;

в извивах ламп и светильников чётко просматривалось **ви-**дение мастеров Востока; на книжных полках стояли произведения его виднейших творцов – от Конфуция до Мураками, – а картины, написанные такими известными в определённых кругах художниками, как Сато и Куроки, украшали стены комнат. Помнится, раньше находилось немало охотников до здешних богатств, один раз дом даже обворовали по-крупному – вынесли почти всё. После этого случая, потратив баснословные деньги на восстановление внутреннего убранства, дядя провёл по забору колючую проволоку. Кроме того, в помощь Барону, питомцу элитного собачьего клуба «Лучший друг», он нанял двух охранников, которые круглыми сутками, посменно, обходили с дозором владения.

Мы прошли в гостиную; Аркадий предложил мне сесть, а сам отправился на кухню за едой. Когда брат поставил на стол продукты – салат, колбасу, кетчуп, водку – и устроился в кресле по соседству, мы начали трапезу. Проходила она практически в полном молчании: Аркаша был погружён в себя, что явствовало из всего его облика. Когда же я попросил кузена объяснить, зачем он в срочном порядке вызвал меня сюда, плотное живое лицо его потемнело, словно бы я напомнил ему о событиях невыразимо мрачных, которые брат совершенно не желал вспоминать. Наконец, Аркадий заговорил, и сильное волнение слышалось в его голосе:

– Это началось около года назад, совершенно внезапно – никто не был к такому готов. Мой отец всегда отличался

эксцентричностью, но никогда она не переходила в сумасшествие. В последнее же время он стал словно сам не свой: ведёт себя очень нервно, почти не разговаривает и проводит непонятные ритуалы.

– Какие ритуалы?

– В том-то и дело – он всё держит в секрете. Но я подозреваю, что тут не обошлось без Ильинского. Этот тип, папин приятель, завзятый сектант. Думаю, он втянул отца в тайное общество поклонников дьявола. По ночам я слышу, как папа громко произносит во сне непонятные слова, – я даже записал их. – Аркадий вынул из кармана сложенный листок бумаги и протянул мне.

Развернув его, я прочёл:

«Алхазред... Лавкрафт... Йа! Йа! Ктулху фхтагн!...»

– А ещё что-то про уничтожение существующего порядка, – добавил Аркаша, – и... забыл... Он непрестанно что-то бормотал, когда бодрствовал, но в последние дни замолк, и теперь из него слова не вытянешь.

– Ничего не понимаю, – признался я, возвращая записку. – И при чём тут записанное тобой?

– Ты знаешь, что означают эти слова?

– Да. Абдул Алхазред – мифический персонаж, придуманный писателем Говардом Лавкрафтом, безумный араб, якобы автор самой страшной колдовской книги на Земле – «Некрономикона». Ктулху – злое божество, похожее на громадного осьминога, тоже измышленное Лавкрафтом. По вер-

сии автора, Ктулху пытался захватить Землю, но потерпел поражение и был заперт Старшими Богами, воплощениями добра, в городе Р'льех где-то на дне Атлантики. А остальное – слова заклинания, будто бы вызывающего из пучин древнего тёмного бога в мир людей.

Пока я говорил, меня не отпускало ощущение пустоты и чего-то враждебного, затаившегося совсем близко. Я попытался отогнать это чувство, но оно только усилилось. Брат молчал; я решил не торопить его, встал с кресла и прошёлся по комнате, однако волнение не отступило. Подойдя к картине, висевшей над мягким, покрытым пледом диваном, я стал рассматривать её: что-то в японском духе, какой-то домик или иное, похожее на домик деревянное строение прямо посреди поля, окружённого лесом. Изображение отчего-то напомнило мне дядин «дворец»: тоже лес, тоже восточный стиль, и – ночной мрак. В картине преобладали тёмные тона; я не суеверный, но мне казалось, что она прямо-таки излучает негативные эмоции. Почему? Ведь на ней не нарисовано ничего жуткого или сверхъестественного...

– Этой картины раньше тут не было. Откуда она? – спросил я.

– Отец притащил, – задумавшись о чём-то своём, ответил Аркаша. – Я его спросил, где он нашёл подобное... творчество, но папа только молча сверкнул на меня глазами.

Тяжело вздохнув, Аркадий принялся убирать со стола.

– А Лиза уже спит? – поинтересовался я, имея в виду дом-

работницу моего дяди, миниатюрную подвижную узбечку с завитыми, крашеными в белое волосами. Конечно, имя у неё было совсем иное, но для простоты она представлялась Лизой. Раньше она здесь готовила еду и наводила порядок.

– Лиза ушла.

– Куда?

– Не знаю. – Аркадий пожал плечами. – Она ушла – они все ушли после смерти Артура.

Я в тот момент стоял возле каминных полок, удивлённо рассматривая скопившуюся на них пыль, когда кузен произнёс эту фразу. Артуром звали одного из охранников.

– Отчего он умер? – уточнил я, чувствуя, как очень неприятно заныло сердце.

– Кабы знать... Даже у полиции нет никаких версий. Хотя уголовное дело они всё же возбудили, но это так, номинально. – Аркадий повернулся ко мне, и я прочёл в глазах брата невероятный страх. – Пару дней назад, ночью, Артура нашли мёртвым в его комнате наверху. Я был там, я видел его... и слышал... О боже, как он кричал!.. Мы все тотчас бросились к нему и застали там картину, о которой меня чуть не вывернуло наизнанку. Это даже телом назвать нельзя: только куски, ошмётки – и клочья одежды. И его не расчленили, нет. Приходил судмедэксперт – он заявил, что Артура точно... точно разорвали на части... ещё живого. Сначала безумие моего отца, затем это... В общем, смерть Артура стала для работников последней каплей, и они покину-

ли нас – все до единого.

Я замер, не в силах вымолвить ни слова.

– А где сейчас дядя? – спросил я, чтобы нарушить невыносимую тишину.

– Сидел в своей комнате и что-то бормотал, когда я выходил встречать тебя.

– Он знает, что я приехал?

– По-моему, да, но ему всё равно. Он занят своими ритуалами. Однажды заглянув в его комнату, я увидел начертанные на полу символы неизвестного мне происхождения – я распознал только пентаграмму. А ещё у него на рабочем столе стояла гора пыльных фолиантов, при взгляде на которые мне вдруг сделалось невыразимо жутко.

– Может, стоит навестить его?

– Думаю, это плохая идея. Да и дверь в комнату у него всегда закрыта. Я потому и хотел, чтобы ты приехал сегодня, – надеялся, что тебе удастся застать отца прежде, чем он займётся своим идолопоклонничеством.

Наверное, я был под сильным впечатлением от его рассказа, потому что кузен ободряюще положил руку мне на плечо и сказал:

– Не переживай. Конечно, всё страшно и непонятно, но жить с этим можно. Я ведь живу. – И улыбнулся, хотя улыбка вышла ещё более натужной, чем прежде, – Аркадий не верил в собственные слова. – Ладно, пойдём, я покажу тебе твою комнату.

Место, отведённое мне для ночлега, находилось возле лестницы, тогда как дядины апартаменты располагались в конце коридора. Я подошёл к его двери, наклонился к замочной скважине, чтобы лучше слышать то, что происходит в комнате, однако оттуда не доносилось ни звука. Либо дядя Марк молчал, либо очень тихо проводил свои ритуалы – так, чтобы кто ненужно не услышал, – либо...

И тут изнутри раздалось какое-то бормотание, причём то был голос не моего родственника. Я вслушивался, пытаюсь разобрать, что говорят, но ничего не получалось: произносимое складывалось в звуковую кашу, в нечто без смысла. Или мне так казалось, поскольку я не разбирал слов?

– Дядя, – негромко позвал я.

Всё тут же стихло – тишина заволокла собой коридор. Я простоял ещё какое-то время, прислушиваясь, но бормотание не возобновилось, и я ушёл к себе в комнату...

...Спал я плохо: стоило смежить веки, как перед глазами возник образ безумно хохочущего старика, чем-то отдалённо напоминающего дядю Марка. Сумасшедший пытался собрать Артура из кошмарных, рваных останков, просто соединив их между собой. У него ничего не выходило, однако неудача не злила безумца, а веселила ещё больше. Чей-то шуршащий на ветру голос прошептал «Ктулху фхтагн!», и я очутился внутри загадочного, созданного в японском стиле строения, посреди окружённого лесом ночного поля, совер-

шенно один. Потерянная кем-то, наверное, тем психом, лежала на траве маска – беззубый оскал безглазой морды сводил с ума. Я огляделся, сложил руки рупором, громко крикнул: «Эй!» – но никто мне не ответил. Раздался свист разрезаемого воздуха; я машинально отпрыгнул в сторону, ближе к маске, и стрела вонзилась в то место, где я только что стоял. Не успел я опомниться, как засвистели новые востроносые палочки с перьями. Я убегал от них до тех пор, пока всё поле не оказалось изрешечённым, и тогда целая туча стрел взлетела под облака – и низринулась на меня. Я сел, в безудержном страхе накрыл голову руками...

Как вдруг пронзительный визг прорвался сквозь ватную пелену забвения, разбудив меня; звук был невыносимый – словно рядом со мной резали свинью, которая никак не желала умирать. Я не сразу понял, что это происходит уже не во сне, а когда знание проникло-таки в мою голову и я вскочил с кровати, верещание прекратилось. Пытаясь перевести дух, я прислушивался к ночной тишине, но она ничем не прерывалась.

Неожиданно раздались шаги, и кто-то открыл дверь в мою комнату; я увидел искажённое испугом лицо двоюродного брата. Ни слова не говоря, я оделся, и мы с ним выбежали в коридор. Пустующий дом и без того производил гнетущее впечатление, которое теперь переходило во что-то неопишимо давящее.

Барона мы нашли на заднем дворе. Создавалось впечатле-

ние, что собаку – бесстрашного защитника, готового любому перегрызть горло за своего хозяина, – напугало нечто невыразимо ужасное. Пёс сорвался с цепи и пытался убежать, но его догнали и убили. Меня замутило, и я, не сдержавшись, исторг содержимое желудка прямо себе под ноги – ибо чья-то неведомая титаническая сила разорвала животное на куски, а останки разметала в радиусе десяти метров. Мы долго собирали то, что осталось от Барона, в мешок, который закопали в лесу. Надев на шланг насадку, брат мощной струёй воды смыл лужи крови с асфальта.

Вернувшись домой, мы молча разошлись по комнатам. Я снова лёг в кровать и остаток ночи не сомкнул глаз.

II

На завтрак была гречневая каша с молоком и сахаром; я вовсе не привередлив в плане еды, но очень странно есть грубую, простую пищу, тогда как ещё живы в памяти воспоминания о разносолах, которыми меня потчевала Лиза. Мы с братом сидели на кухне, поглощая нехитрое блюдо его приготовления, когда раздались шаркающие шаги и появился дядя Марк. Выглядел он ужасно: белки глаз красные, налитые кровью, кожа на лице обвисла, губы искривлены в чём-то вроде ехидной ухмылки, но на самом деле это след глубокой усталости, руки дрожат, всё тело какое-то неповоротливое и жутко худое – дядя никогда не отличался плотной

комплексцией, однако сейчас выглядел тощим, а кроме того, съёжившимся. Всем своим видом он напоминал глубоко измотанного гнома.

Опешив от подобного зрелища, я не сразу поздоровался. Дядя ответил на моё приветствие невнятным бурчанием, подошёл к холодильнику, достал банку шпрот, из колонки вынул хлеб, сделал пару бутербродов, которые положил на подставку и куда-то унёс, – наверное, к себе в комнату. На этом встреча родственников, давно не видевших друг друга, закончилась.

– И так он ведёт себя с того самого дня, когда познакомился с Ильинским, то есть уже год. – Аркадий в порыве гнева сжал зубы, на его добродушном в обычное время лице заходили желваки. – Ненавижу чёртова психа за то, что он сделал!

Видимо, он говорил об этом загадочном Ильинском; я решил задать наводящий вопрос:

– А что он сделал?

– Разве не видишь?! – воскликнул Аркаша. – После того как папа вступил в эту секту, всё и началось. Не удивлюсь, если Ильинский или его люди причастны к тому, что случилось с Артуром и Бароном.

– Ну-ну, это не доказано.

– А и не нужно никаких...

Брат не договорил – скрипнула отодвигаемая дверь: кто-то проник в дом без приглашения. Мы быстро встали из-

за стола и вышли в коридор. Там я увидел подозрительно-го субъекта, снимавшего шляпу, – невысокого, плешивого, в очках; пока вешал одежду на крючок, он нервно оглядывался по сторонам, словно в любую секунду ожидая нападения. Я бросил взгляд на Аркадия – на том лица не было от ярости.

– И вы ещё смеете приходить сюда!.. – начал он, но подозрительный субъект поднял руку, как бы говоря: «Помолчите, молодой человек». Не ожидая такой наглости, Аркаша прервал свою гневную отповедь, и тогда заговорил вошедший – скрипучим, тяжёлым голосом:

– Марк Лаврентьич позвал меня. У нас назначена встреча. Так что не советую мешать.

И прошёл мимо нас с видом абсолютного безразличия. Представляю, что чувствовал мой брат, глядя вслед этому неприятному субъекту.

– Кто это? – спросил я, хотя предвосхищал ответ.

– Он! Ильинский!

– Доверия не внушает.

– Ещё бы!..

Мы вернулись на кухню – доедать оставленный завтрак...

...Ильинский просидел в комнате дяди до вечера; ушёл сектант так же тихо, как пришёл. Аркадий хотел выяснить, что было нужно этому типу, постучался к дяде в дверь, но никто не отозвался на стук.

Время шло, а мы так и не приблизились к разгадке таин-

ственных и страшных событий, творящихся здесь, если не считать ничем не подкреплённых домыслов.

– Надо пробраться к дяде в комнату, – предложил я. – У тебя ведь есть запасные ключи?

– Есть, конечно, но какой от них толк? – отвечал Аркаша. – Папа целыми днями просиживает у себя, а спускается только, чтобы взять что-нибудь из холодильника.

– Значит, скоро он придёт, ведь он давно не ел. Ты отвле- чёшь дядю, а я проникну в комнату и осмотрю её.

– А если он заметит?

– Постараюсь, чтобы не заметил.

Примерно через полчаса дядя Марк действительно спустился в кухню; мой кузен поджидал его там, а я уже был на чеку в своей комнате. Не знаю, что Аркаша наговорил своему отцу, но у меня в запасе оказалось достаточно времени, чтобы, отперев полученными от брата ключами дверь, проникнуть в помещение, из которого прошлым вечером доносилось странное бормотание.

Я знал, чего ждать, и всё-таки, очутившись внутри, поразился: весь пол усеивали надписи на непонятном языке и рисунки оккультных символов, сделанные мелом. Лампа под потолком не горела, однако в комнате было светло: около двух десятков свечей стояли на полу, на рабочем столе, на книжных полках. Я подошёл к шкафам и провёл пальцем по корешкам книг – на подушечке остался толстый слой пыли; никто не брал отсюда литературу, причём

очень давно. Затем я увидел несколько старинных томов, лежащих на столе. Взяв самый верхний, я удивился: переплёт его сделан из кожи — мне не хотелось даже думать чьей, — а страницы настолько ветхие, что того и гляди рассыплются в прах; на обложке крупными буквами значилось: «NECRONOMICON». Когда я прочёл названия остальных книг, изумление моё возросло: «De Vermis Mysteriis», то есть «Тайные обряды Червя»; фолиант, заглавие которого я расшифровал как «Пнакотикские рукописи»; и ещё несколько изданий схожего типа.

Но наибольшее впечатление на меня произвела маленькая книжечка, лежавшая отдельно. На ней я не нашёл никаких надписей; впрочем, их и не требовалось, чтобы понять её оккультное происхождение: при ближайшем рассмотрении выяснилось, что переплёт сделан из... жил! Меня замутило, однако я пересилил себя: надо было довести расследование до конца. Я положил «Некрономикон» на место, взял эту книжицу, и тут из неё что-то выпало. Нагнувшись, я поднял маленький листок, на котором почерком моего дяди — только менее аккуратным и более размашистым, чем обычно, — был написан короткий текст на неизвестном мне языке, а над ним, в самом верху листка, значилась заглавная буква «К».

Я успел вынуть смартфон и сфотографировать листок, как вдруг услышал раздавшийся снизу недовольный голос владельца дома: судя по тому, что голос усиливался, дядя шёл

сюда! Затем прозвучало несколько слов из уст моего кузена – похоже, он пытался остановить отца, а тот, как я понял, не желал его слушать.

Спрятав листок обратно, я положил тошнотворную книгу туда, где она лежала, выбежал из кабинета, запер дверь и еле успел скрыться у себя в комнате, когда в коридоре раздались шаркающие шаги. Дядя прошёл к себе и вновь заперся на ключ.

Я подождал немного и уже собирался выйти, чтобы поискать брата, но он опередил меня: бесшумно открыл дверь и скользнул внутрь.

– Ну, – нетерпеливо произнёс он, – нашёл?

– Вроде да, – ответил я – и пересказал ему увиденное в дядином кабинете, а потом показал сделанную на смартфон фотографию. – Кажется, написано на латыни. Знаешь, что это за текст? Я – нет.

– И я тоже. А что означает «К» наверху?

Я пожал плечами.

– Надо посмотреть в Интернете, – сказал Аркадий. – Подожди меня здесь.

Брат ушёл и через минуту вернулся с ноутбуком. Компьютер, подключённый к беспроводному Интернету, давал большие возможности – мы надеялись, что с помощью техники отыщем разгадку происходящего, но оказались разочарованными: нигде на просторах Сети никто не знал таинственных слов, запечатлённых на камеру моего смартфона. Попытка

выяснить, что означает заглавная «К» перед текстом, также не дала результата.

– Ладно, – пробормотал Аркаша, закрывая ноутбук, – утро вечера мудренее.

Память о том, что случилось ночью, была слишком свежа, уверен, брат тоже не забыл кошмарных подробностей нашего приключения – но нам ничего не оставалось, кроме как отправиться спать.

Засыпал я долго, а когда всё-таки уснул, мне опять прикинулась картина, которую я рассматривал в гостиной. И как только образ этого затерянного неведомо где деревянного строения встал перед моими глазами, чувство неотвратимой опасности ножом проникло в сердце. Видения из прошлого сна вновь стали одолевать меня: маска, стрелы, безумный хохот, истерзанный труп... Я ощущал, наверное, изначально, необъяснимым интуитивным началом, что где-то рядом творится нечто страшное, что я должен идти, попытаться предотвратить это – но никак не мог проснуться.

Кто-то громко кричал; прислушавшись сквозь сон, я разобрал ругательства вперемешку с угрозами. Я с трудом разлепил веки, скинул с себя остатки грёз и, встав с постели, как был, в нижнем белье, вышел в коридор. Ругань доносилась из дядиных апартаментов, причём кричал вовсе не он сам, а... Аркаша. Кузен как-то попал в комнату – видимо, отпер дверь своим ключом. Но зачем? Захотел как можно скорее

выяснить у отца, что за жуткие обряды тот проводит и как с ними связаны две смерти, случившиеся на территории загородного дома? Да, вероятно – только не принял ли брат поспешное решение?..

Стоило этой мысли пронестись в моей голове, как надрывные крики стихли, – невыносимая тишина вновь безраздельно властвовала вокруг.

У меня пересохло в горле. Ноги не желали повиноваться мне, и всё-таки я дошёл до двери в комнату, которая, возможно, хранила разгадку всех ужасов, творящихся на двух зловещих гектарах, окружённых чудесной и чистой природой. Я поднял руку, чтобы постучаться, однако заметил, что дверь открыта; тогда я толкнул её и перешагнул порог.

Дядя Марк стоял ко мне спиной, сгорбившись над чем-то на своём рабочем столе.

– Миша, уходи, – не оборачиваясь, бросил он.

– Где Аркаша?

– Его нет.

– Где он?

Я несколько раз повторил вопрос, но дядя больше не произнёс ни слова.

Сопровождаемый каким-то отвратительным, давящим, чёрным чувством, я обошёл дом и участок, на котором тот стоял, в поисках брата; я звал Аркашу, кричал, сложив руки рупором, но никто не откликнулся – кузен исчез без следа. Вдруг вспомнился давешний сон, и я узрёл пусть нечёт-

кую, но очевидную связь его с происходящим. Тлетворную или истинную?.. В голову словно напихали ваты, мысли постепенно замедляли свой ход. Я потряс головой, чтобы освободиться от этого жуткого ощущения, вытащил смартфон и позвонил брату на мобильный, однако каждый раз, когда я набирал номер, приятный женский голос говорил мне, что абонент не отвечает или временно недоступен.

Давление внутри усилилось; мечталось упасть на кровать и забыться, чего делать было ни в коем случае нельзя: кто знает, какие ещё ужасы подстерегают меня на территории дома, который я когда-то считал родным. Я с трудом отбросил шальную мысль бросить всё, уехать, сбежать. Нет, нужно разобраться в происходящем – ради брата, ради того, чтобы подобное никогда не повторилось!

III

То, что случилось дальше, развивалось с невероятной быстротой, будто реальность, охваченная ужасом, ускорила свой бег. В одной из комнат внизу стояла книжная полка. Я взял с неё какой-то роман в мягкой обложке и лёг в гостиной на диван. Читая дешёвый детектив, я без особого внимания следил за описываемыми событиями, а картина в японском стиле, висевшая надо мной, словно что-то тихо шептала и, кажется, светилась неярким, болотного оттенка светом. Окончательно утратив связь с правдой, разучившись отли-

чать её от лжи, я лежал, бессмысленно пытаюсь вникнуть в напечатанные на толстой грубой бумаге слова. Крупные буквы сливались друг с другом и текли со страниц, вниз, на меня... Возможно, убаюканный странным, потусторонним шёпотом и полунереальным светом, а может, окончательно измаявшись, я всё-таки уснул, но то, что произошло дальше, отнюдь не напоминало сон, даже самый кошмарный. Описывая эти события, я тщетно пытаюсь совладать с дрожью в сердце.

В сновидения или, кто знает, в мою личную действительность опять проник образ неведомого деревянного строения. Пытаясь объяснить самому себе суть этого ментального преследования, я стоял на месте и смотрел в одну точку. Правда, на сей раз я находился внутри призрачного здания, да к тому же не один – там была женщина. Стройная, эффектная, черноволосая, с большой заколкой, удерживавшей тёмную «гриву», и в лёгком платье, она повела меня вперёд. По мере того как мы проходили помещение за помещением, они утекали куда-то назад – череда бесконечных однообразных пространств... которые внезапно сменились чем-то чуждым, оторванным от реальности. Мы очутились в глубокой подземной пещере – по крайней мере, мне так подумалось, ведь нас окружали каменные своды, воздух был затхлым, и тьма, обступившая со всех сторон, казалась беспросветной.

– Здесь, – сказала женщина, останавливаясь.

Но как я мог видеть её в столь густой темноте? Даже для

сна это было очень странно.

– Здесь, – повторила моя проводница, обернувшись – и я заметил, что глаза её горят, точно фонари. Всё потонуло в мареве кровавого цвета.

Я отгородился от невыносимого света рукой, но он проникал и под неё, и между пальцами, и сочился в глаза, и ого-раживал стеной, отсекая от остального мира... Вдруг стало нечем дышать: я хватал ртом воздух в бесплодных попытках спастись.

– Кто ты?! – выдавил я.

Ноги подкосились, я осел на землю.

Глядя на меня, женщина зашлась сумасшедшим смехом, а потом выкрикнула – чуждым, нечеловеческим голосом:

– Йа! Йа! Каас фхтагн!

Она повторяла эти слова без остановки, вновь и вновь, будто хотела и меня лишить разума, окунув моё сознание в водоворот потусторонней черноты.

Я понимал, что лежу на полу пещеры, недвижимый, беззащитный, а ко мне приближается моя смерть в облики красивой женщины. Впрочем, оно уже не было ей: прорвавшись наружу, разбив человеческий облик изнутри, как фарфоровую вазу, из сломанного тела выбралось существо цвета чернее самой ночи, а осколки разлетелись по «пещере». Создание было всё какое-то неровное, словно состоящее из плохо подогнанных друг под друга частей, которые безостановочно двигались и перемещивались. Послышалось пробира-

ющее до самых костей, проникающее прямо в мозг завывание, и бесплотные, цвета разведённой молочной пенки фигуры с пустыми, отчуждёнными лицами мертвецов, с перекрученными, разрезанными, фантасмагорическими телами восстали вокруг меня. Призраки? Или демоны? Или?..

– Каас фхтагн!

Я лежал и не мог шевельнуться.

Шаги приближались...

...Я лежал на диване и не мог шевельнуться: ночной кошмар полностью овладел мной. Наконец глаза удалось открыть, и я увидел перед собой деревянную стену, большое зарешечённое окно, тонкие занавески – знакомые предметы, которые одним своим видом должны были помочь мне вернуться назад, в обыденную реальность. Но случилось совсем иное: кто-то стоял на пороге – я почти видел это, я это чувствовал!

Чтобы повернуть голову, я приложил колоссальное усилие, но всё-таки у меня получилось взглянуть *туда*. Сконцентрировав на вошедшем нечёткий взор, я сквозь подёрнутую рябью пелену рассмотрел... Аркашу.

– При-вет... – превозмогая неожиданную слабость, проговорил я. – А я думал, ты...

Аркадий сделал шаг, оказавшись в гостинной. Он молча осмотрелся, затем шагнул снова. И снова. Он приближался ко мне. Что-то неверное было в его движениях, что-то искусственное, неправильное. Лицо, руки – всё тело его будто раз-

далось вширь, опухло, а на голове, посреди лба, зияла крупная рана... из которой сочилось что-то мерзкое и чёрное!

В голове помутилось. Я попытался подняться с кровати, но только слепо барахтался. Не понимая, что творится, я каким-то необъяснимым образом – спинным мозгом или шестым чувством – осознал суть происходящего: *оно* здесь! Это *оно* убило Артура, Барона и, быть может, Аркашу, а теперь хочет разделаться со мной!

«Каас фхтагн! – зазвучал в голове безумный глас женщины из сна. Два слова вновь зациклились на самоповторе, который, казалось, продолжался без конца: – Каас фхтагн! Каас фхтагн! Каас фхтагн!...»

«Каас»... Что это значит? Что-то очень знакомое, но ускользающим сознанием я никак не мог поймать растворяющуюся в забвении мысль.

«Аркаша» тем временем подходил всё ближе: вот он уже в двух метрах от меня, вот в полутора... вот лицо его обезображивает широкая, победоносная ухмылка-оскал, обнажаются измазанные в чём-то чёрном и омерзительном зубы...

И тут я вспомнил: листок, найденный в комнате дяди! В загадочном тексте, написанном на бумаге неровным почерком, несколько раз встречалось слово «Каас». А ещё там, наверху листка, была заглавная буква «К»!..

Не осознавая до конца, что делаю, надеясь непонятно на что, я потянулся за лежащим в кармане джинсов смартфоном. Словно бы минули века, прежде чем я, схватив его

непослушной рукой, извлёк и поднёс к глазам.

Сознание распадалось, я проваливался куда-то, в пропасть – без дна, без надежды. Хаос обрушивался на меня. Хаос!..

Призвав на помощь Бога и все свои силы, я открыл на смартфоне фотографию листочка, найденного в комнате дяди, и, старательно вглядываясь в расплывающиеся буквы, начал читать.

Невероятный по силе вопль потряс дом, а я, оглушённый, не помнящий себя от страха, продолжал будто автоматически произносить загадочные, написанные на не ведомом мне языке фразы, и с каждым новым словом ощущал всё большую уверенность в себе. Распадающееся на части сознание вновь становилось цельным, а я читал, читал, не понимая произносимых звуков, но упорно шевеля губами – и на мутной грани зрения возвышающаяся надо мной фигура стала блекнуть, исчезать... расплываться... Что-то чёрное, бесформенное, *хаотичное* возникло на том месте, где стояло тело моего двоюродного брата, которым управлял могущественный враг. А после рассеялось и оно – в тот самый миг, как я произнёс последние слова защитного заклинания.

Выронив смартфон, я устало опустил голову на подлокотник и закрыл глаза.

Чуть позже, пройдя на непослушных ногах к двери в дядину комнату и отперев её ключом, который так и висел на

моей связке, я обнаружил родственника мёртвым; он лежал на полу, ничком, внутри самой большой пентаграммы. Когда я перевернул тело, глазам моим предстала рана на лбу, подобная той, что я видел ночью у «брата», только из отверстия в дядиной голове ничего не капало. След же от чёрной субстанции в гостинной исчез, словно того никогда не было.

Приехавшая на вызов полиция тщательно осмотрела дом, но тела моего кузена не нашла. Я во всех подробностях рассказал служителям правосудия о событиях, произошедших за последние два дня на этой Богом проклятой земле. Мои показания тщательно задокументировали; хотя полицейские и сказали, что приложат все усилия для того, чтобы найти виновного, я понимал: учитывая обстоятельства дела, его вряд ли когда-нибудь раскроют. Впрочем, ради справедливости надо заметить, что стражи порядка вышли на след секты и разогнали её. Однако Ильинскому, идейному вдохновителю мерзких дел почитателей тьмы, удалось скрыться. Его ищут до сих пор, и найдут ли?

IV

С тех пор прошло много лет, но я по-прежнему вздрагиваю, когда ощущаю чьё-то незримое присутствие и слышу тяжёлую нечеловеческую поступь, а каждую ночь меня мучают невыразимые кошмары. Но самое страшное: теперь мне известно, почему на территории загородного дома в Твер-

ской области происходили описанные мной ужасающие события; совсем недавно я узнал причину, и я открою её вам, потому что не могу молчать, потому что должен поделиться знанием, которым рад бы был никогда не обладать.

Со времени случившегося я прочитал немало книг по оккультизму, только нигде не встречал ни слова о бесформенной массе хаоса, заставляющей распадаться на части реальность, которой она коснётся мыслью или телом. Не знаю, где отыскиали эти сведения сектанты, но сам я как-то раз, блуждая по просторам Интернета, наткнулся на сочинение одного автора. Читая произведение под названием «Каас», я не мог унять дрожь: описанное в рассказе очень походило на произошедшее со мной. Конечно, герои, места действия и события были другими, но суть оставалась совершенно ясной: нечто без формы захватывало чужие тела и использовало их для уничтожения живых существ.

Автор – я не запомнил имени, а позже произведение по непонятной причине пропало из Сети – называл этого монстра Каасом, Властителем Первозданной Ночи. Однако, по сути, то был даже не монстр, а бог – древнейший злой бог, вроде Ктулху, пришедший из тех времён, что окутаны первородным хаосом. Он сам являл собой хаос – вот почему по его желанию действительность распадалась на куски. Каас помнил далёкие годы, когда мир состоял из него. Но затем пришли Старшие Боги и изгнали Властителя Ночи вместе с Ктулху, Йог-Сототом, Итакуа и другими Древними. Ка-

ас был особенно опасен, поэтому его, в наказание за злодеяния, разорвали на части, которые рассеяли по ветру, после чего Ночь схлынула и наступил Рассвет – на смену Хаосу пришёл Порядок. Но слишком силен оказался злой бог: он воспользовался вселенским ветром, чтобы заронить частички себя в каждого человека. Именно он виновен в том, что среди людей встречаются убийцы, насильники, воры, что у природы есть не только рациональная, мудрая, но и противоположная ей, склонная к бездумному разрушению сторона. Вселенной удалось упорядочить влияние Кааса, однако находятся безумцы, старающиеся всеми силами вызвать на волю его засевающие в людях частицы и воссоздать из них колоссального, непобедимого злодея, которому под силу, стерев из бытия столь ревностно охраняемый природой и её творениями порядок, возвратить вселенную к абсолютному хаосу.

Так, злое начало пробудилось и поддерживалось в моём дяде Марке – видимо, «благодаря» ритуалам, что он регулярно проводил.

Так, сгинувший неизвестно куда Ильинский, стремясь воссоединиться со своим чёрным богом, при помощи моего дяди воплотил собранные ими части Властителя Ночи в теле Аркаши.

Так, я чуть не стал очередной жертвой творца разрушения, который наделял своих «носителей» сверхчеловеческой силой.

Но в последний момент – теперь я понимаю это – меня

спасла висевшая в гостиной таинственная картина, картина, как показала экспертиза, «родом» с Востока да к тому же очень древняя и потому, возможно, вобравшая в себя много энергетики. Наверняка это Ильинский подарил изображение дяде, чтобы оно питало его отрицательными эманациями. Однако ж бывают моменты, когда самое чёрное и беспросветное обращается светлым и праведным. Не знаю, сумел бы я одолеть вселенское зло, если бы оно оказалось чуть сильнее, чуть проворнее, если бы силы, которые ниспосылают ему молящиеся, отступники разума, сделали меня беззащитным перед чудовищной, *космической* волей, а заклинание обратили бы в пустой набор звуков. Я не знаю, и это тревожит меня...

Разумеется, *большая* часть моих догадок – всего лишь домыслы, основанные на фантазии какого-то неизвестного автора из Интернета, одного из тысяч, – но, возможно, ему известно больше, чем нам с вами. В своё время великими тайнами обладал и Лавкрафт, не признанный, позабытый современниками, но уважаемый последователями и почитателями в будущем. Да и как объяснить невероятные по своей жестокости убийства, что случились в Тверской области, сгинувшую в небытии таинственную секту каасопоклонников, существование магических книг, одно упоминание которых приводит в трепет, и прочие, менее значительные факты? Когда-то я счёл бы всё перечисленное выдумкой, игрой воображения, я бы непременно убедил себя в нереальности

своих страхов. Однако, столкнувшись лицом к лицу с вещами, коих не в силах понять до конца, я не готов с полной уверенностью утверждать, что произошедшие со мной кошмарные события – лишь пугающие следствия горячечного бреда. Так что же узрел я: настоящую, неприкрытую реальность или ужасающую мистификацию? Как мне видится, ответ на этот вопрос лежит вне пределов обыденности, а всё, что выходит за её пределы, крайне мало интересует людей. Однако это не значит, что однажды, когда мрак затопит собой мир, к вам, вызванный чьей-то злой волей, не придёт Властитель Ночи, чтобы уничтожить вас. Кто знает, сколько ещё сект, владеющих древним, запретным знанием, разбросано по Земле, а потому мы должны быть готовы.

К счастью, мы можем кое-что им противопоставить: я говорю о защитном заклинании, изгоняющем Кааса, которое я обещаю выложить для всеобщего доступа в Сети. Как я упоминал, мне неизвестно, до какой степени оно эффективно, а потому и вы дайте одно обещание: что будете осторожны, так осторожны, как только возможно, ведь обычные шаги за дверью могут оказаться совсем не тем, чего вы ждёте. Сидя в кресле, я пишу эти строчки и надеюсь, что время отвлечёт от меня злую судьбу, ту, что выше и сильнее нас. Даже провидцы беспомощны перед омерзительными желаниями изначальных, что уж говорить о нас с вами, обычных людях, представляющих собой – так мне иногда кажется – всего лишь игрушки, марионетки, полностью подчинённые власти

безжалостных и непостижимых вселенских сущностей.

Январь две тысячи сорок второго года

***Памяти Говарда Филлипса
Лавкрафта посвящается***

(Июль 2012 года)

Тапочки, или Как не оставить реальности ни шанса

Тапочки были просто бешеные. Мало того, что гиперпространственные, так ещё и плюшевые. В виде медвежат. На глаз не определишь, насколько они функциональны. Хотя смотрелись здорово.

Продавец тоже был в своём роде. Скелет. Как и положено, с белым остовом, гладким черепом, костлявыми конечностями. В остальном он напоминал Элвиса Пресли. Помните его? «Лав Ми Тендер» и всё такое.

Но суть была в другом. Да-да, в этих самых тапочках. Чёрт! Нет, я не зову одного из обитателей Нереальности – я банально ругаюсь. Так вот, чёрт! Если бы я знал, на кой ляд сдались мне эти тапки! Будь они хоть шестьсот шестьдесят шесть раз стильные и клёвые! Но... Что бы я ни думал, я должен был их купить. Я говорю не о мысли вроде «О. А тапочки-то ничего. Надо бы прикупить такие». Нет. То была чёткая уверенность из разряда «если ты сорвал одуванчик, то что у тебя в руке?». Только не будем вдаваться в философию. За ней лучше обратиться к профессору Колбинсону (полтергейст), адрес такой-то. А я по другой части.

Да, раз уж выдалась возможность, представляюсь. Децербер. Пёс. Разумный, хе-хе. Двух метров ростом. О трёх головах. И чёрт-те скольких лет от роду – не будем забывать,

что жизнь в Нереальности бесконечная. Но в душе я всегда молод. Обожаю девушек. Обожаю алкоголь. Обожаю рулетку, покер и любые азартные игры. Вообще, я не чужд азарту, а очень даже близок ему. Во всех его проявлениях, включая погони и перестрелки. Миляга. Стиляга. Ношу тёмные очки (почти всегда), курю нескончаемые сигары (почти всегда). (Почти всегда) ироничен и весел. Ну, это вы, наверное, заметили.

Очень рад познакомиться.

А теперь вернёмся к нашим медведям. Тапочки... Мне *непреренно нужны были* эти тапочки. Не знаю почему, и это меня напрягало. Но что поделаешь...

Я порылся в карманах и определился, что денег мне хватит в лучшем случае на полтапка. Где раздобыть нереальной валюты? У кого занять? Можно, конечно, связаться с Кашпиром, моим другом-призраком. Но вдруг, пока я буду ему звонить, тапки уведут у меня из-под носов?

Я в задумчивости оглядел магазин. «Разнообразные товары по сходным ценам» — так он назывался. Обстановка самая обычная: стеллажи, витрины и стенды с многочисленными товарами. От бластеров до игрушечных солдатиков, от заклинаний до приправ к горячим блюдам, от... и до... Да-а, ассортимент был действительно разнообразный. Но никаких подсказок на тему, как бы мне поступить.

Тогда я перевёл взгляд на продавца. Жаль, что он мужеского полу. Будь он женщиной, я бы уболтал его... вернее,

её, на раз-два. А так надо искать другое решение. Говорят, вежливость рушит горы и воздвигает холмы на долинах (или что-то типа того). Попробуем применить её.

– Кхе-кхе. – Я откашлялся. – Уважаемый.

Уважаемый сверкнул на меня тёмными провалами глазниц.

– Да-да, вы. Можно к вам обратиться?

– Ну, попробуйте, – разрешил Уважаемый.

– Вы знаете, мне очень нужны, просто жутко, невыразимо, непередаваемо, непредставляемо нужны тапки. Вот эти. Ага, они самые, – сказал я, когда Уважаемый ткнул своим костяшкой-пальцем в «медвежат». – Не могли бы вы мне их отда... в смысле, продать.

– Хм-м, надо подумать. – Уважаемый сделал вид, что размышляет. На самом же деле, это был такой прикол. И точно: через секунду скелет снова указал на тапки и недовольным голосом произнёс: – Там ценник. Платите, сколько написано, и получите товар.

Удивительно, как моё мужское обаяние иногда осложняет мне жизнь. Я имею в виду, когда приходится иметь дело с существами того же пола, что и я. Щас кого-то другого на моём месте потянуло бы в размышления «а отчего всё так?». Именно поэтому я быстро от них отстранился и снова попробовал решить проблему.

– А не могли бы вы немного скостить цену?

– С какой радости?

– С большой, – честно ответил я.

– М-м-м... – опять якобы задумался продавец.

– Я понял – нет, – сказал я.

– Вы правильно поняли.

Вежливость не помогла. Что ж, у нас в арсенале ещё имеется оружие. А как насчёт жалости?

– У меня больная мама. И бабушка. И прабабушка. И тётя по дядиной линии...

– Это как?

– Неважно. Прода-айте мне тапочки с уценкой.

– Мне повторить по слогам?

– Смотря что.

– Нет.

– Нет.

– Вот и ладушки.

Хм-м... Я опять порылся в арсенале и извлёк на свет новое оружие – угрозы.

– Если вы немедленно не продадите мне эти тапочки по баснословно низкой цене, то...

Уважаемый скелет нацелил на меня миниатюрную базуку. Видимо, он держал её под прилавком. На всякий случай. И этот случай, как он счёл, настал.

Я понял намёк.

– О'Кей, О'Кей. – Я поднял руки в примиряющем жесте.

Уважаемый хмыкнул и убрал базуку.

Мой арсенал пустел. Средств «добывания своего», назо-

вём их так, оставалось всё меньше. Буквально парочку я ещё не использовал.

Я выгреб из кармана деньги. Пошуршал ими перед отсутствующим носом Уважаемого. Ноль реакции. Соблазнение деньгами не прокатило.

Я приготовился канючить – последнее средство имени «Стой на своём!». И увидел, как Уважаемый потянулся за базукой. Так что пришлось закрыть арсенал и быстро спрятать деньги в карман. Видимо, настало время залезть, образно выражаясь, в секретное отделение.

– Эй, что это там?!

Я указал наверх.

Скелет задрал череп и застыл на мгновение. А мне достаточно было и мига. Размахнувшись, я въехал продавцу в шушальник. Отбил руку, но поверг «врага» на пол. По крайней мере, будет знать, как хамить покупателям. Уважаемый проехался по полу – уже в отключке – и врезался в стенд, с которого попадали товары. Естественно, на самого продавца.

Пока он не вскочил и не бросился на меня или за базукой, я кинулся к тапочкам. Схватил их и ринулся прочь из магазина.

То, что произошло дальше, лучше всего описать в предложениях-абзацах:

Уважаемый очнулся и вызвал копов – началась погоня.

Я прыгнул в такси и приказал гнать что есть силы – полиция за мной.

Я вышвырнул водителя такси и сам сел за руль – копы не отставали.

Я заехал на космодром, надавав по шеям системе охраны, – полицейские дышали мне в затылок.

Я угнал звездолёт – вершители правосудия сделали то же самое.

Ну и стражи порядка у нас! Ведут себя, как хотят!

Я сидел в кресле пилота. На коленях у меня лежала раскрытая инструкция по управлению звездолётом – такая есть на каждом космическом корабле. Я смотрел в книгу глазами левой головы. Зенками правой я отыскивал кнопки, на которые неплохо бы нажать, а бельмами средней глядел в зеркальце заднего вида.

Копы нагоняли меня.

Я выжимал из судёнышка все лошадиные силы... или какие они – центаврианские? Неважно. Это не помогало.

Я уже начал готовить речь, которую произнесу перед копами, прежде чем они навалятся на меня с дубинками. Но тут – оп-пачки! – озарение. Глаза правой головы случайно натолкнулись на тапки, лежащие на приборной панели. А тапочки-то – гиперпространственные!

Я бухнул кулаком по кнопке «Автопилот». Схватил тапки, надел их – *и начал разгоняться*. А со мной, естественно, стал разгоняться и весь звездолёт. В зеркальце заднего вида я наблюдал за ускользающим назад кораблём полиции. Всё дальше и дальше, за черту видимости. Копы в скафандрах

повылезали из люков и в гневе затрясли кулаками.

Я усмехнулся. И не успел досчитать до трёх, как преследователи исчезли. Отлично! Теперь развернём корабль, пока он не вошёл в гиперпространство. Затем войдём в него – т. е. в это самое «пространство» – и, перепрыгнув через копов, попадём обратно в Ад. Откуда мы и вылетели.

Но тут-то и начались более крупные проблемы. Корабль меня не слушался и даже огрызался. Я отвесил ему пару подзатыльников – или, как их, подпанельников, – но это ничего не дало. Я ещё подубасил по панели. Никакого эффекта. Похоже, применив тапочки, я сбил настройки корабля. И теперь он летел – куда? Нет, понятно, что напрямик к Куполу: Нереальность-то замкнутый мир. Но что ждёт *там*? И не изжарюсь ли я? Купол ведь настолько горячий, что обогревает всю Нереальность.

Я не запаниковал – отродясь не знаю, что такое страх, и знать не хочу. Но что-то где-то засосало. Возможно, под ложечкой или под каким ещё столовым прибором.

Поздно спохватившись, я сбросил тапки. Это ни к чему не привело. Похоже, я разогнался до такой степени, когда остановиться уже невозможно. Скоро мы войдём в гиперпространство – но выйдем ли мы из него? А если выйдем, то куда? Вот чёрт!

Вспомнив древнюю заповедь «Не паникуй!», я успокоился. Не то чтобы совсем, но по большей части.

Корабль открыл разноцветную прореху и скакнул в неё.

Мы оказались в гиперпространстве. Скорость посудины возросла во много раз и спадать не думала. Мало того, она становилась всё больше и больше, больше и больше...

Мне оставалось только надеяться на лучшее, что я и делал. Попутно молясь. Надежда умирает... хм, да. С последним. А я тут как раз первый и последний. Вот круто, а?..

За этими невесёлыми мыслями я не расслышал, что мне сказал Колбинсон.

– Дец! Де-эц! Дец!!! – крикнул он мне в самое ухо.

– А? Что? Я здесь.

– Пока здесь, – уточнил профессор. – Но очень скоро произойдёт очередное искривление пространства. Ты снова купишь тапочки и снова отправишься в полёт, и снова очутишься здесь...

– И вы не знаете, как это предотвратить?

– Нет, не знаю.

– А разве я только что не был на корабле?

– Перестань болтать, пожалуйста, и послушай меня. Я провёл временные исследования и понял, что дело в тапочках. Не надевай их – они неисправны. Чтобы уйти от погони, ты используешь их, попадаешь в гиперпространство и при этом продолжаешь разгоняться. Ты не можешь остановить тапки. А они разгоняют вас с кораблём до такой скорости, что вы прошиваете пространство-время насквозь и оказываетесь в мире прошлого. Словно какие-нибудь... как же это?.. Ах, да! Попаданцы. И в этом прошлом мире мы снова раз-

говариваем, я рассказываю тебе то, что мне удалось узнать из моих исследований. Но потом ты всё забываешь.

– Почему это?

– Ну как же. Это реакция реальности на попытку изменить её. Она меняться не хочет и стирает раздражающие её факторы.

– Но из-за неё я оказываюсь в «петле» пространственно-временного континуума!

– Именно. Поэтому-то тебе и нельзя надевать тапки, иначе...

– Если я их не надену, копы меня поймают и освежают.

Профессор Колбинсон задумался.

– Э-э-э. А ты попробуй-таки не надевать. Вдруг всё окажется не так страшно.

– Страшно – нет. Но страшно *больно*.

– Дец...

Проф говорил что-то ещё, а тем временем у меня в голове рождалось нечто вроде озарения. Вот оно назревало, назревало, назревало – и вдруг как лопнуло! Итак, реальность нашей Нереальности очень строптива. Она не хочет меняться... Ну что ж, не хочет так не хочет.

– ...и процент вероятности такого исхода меньше, чем...

– Проф, а, проф?

– ...чем... да, Дец? Что?

– А зачем вообще мне понадобились эти тапки?

– Они тебе не понадобились – они нужны мне.

– Для чего?

– Ну как же. Эксперименты, опыты...

– То есть вы послали меня, чтобы я их купил, заранее зная о том, что они неисправны?

– Э-э...

– Вы очень предусмотрительны, проф. Настолько, что наверняка знали и о «петле», которая возникнет, когда кто-то эти тапки... кхм... купит. И пусть этим кем-то лучше окажусь я, чем вы. Так?

– Ну-у...

– Давайте сюда деньги.

Колбинсон сначала не врубился. Но потом хлопнул себя по лбу и достал из кармана души (не пугайтесь, просто наша валюта так называется).

– Вот, Дец, держи. Я буду тебе очень благода...

Я взял деньги и сунул их в карман. Надо действовать, пока я опять всё не забыл!

– Да-да. Как и всегда, верно, проф? Чао!

Я вышел из университета, где профессор Колбинсон ставил свои опыты, и направился в ближайший стрип-бар.

Реальность не хочет меняться, чтобы угодить мне? Ну что же, я не буду её менять. Даже пробовать не стану. Я просто повеселюсь в стрип-баре. Потом, может быть, забреду в казино и сыграну в покерок. Найду себе классную девчонку, схожу с ней в ресторан, а после – понятно что. Так я потрачу деньги. И не на что будет покупать *столь необходимые мне*

тапочки.

Опыты, значит. Эксперименты. Эх, проф, проф. Не умеешь ты жить...

Через несколько часов я проснулся в каком-то отеле. Естественно, в кровати с обалденной красоткой. Как её звали – одному дьяволу известно, ну да не привыкать. Важнее было другое. Я вдруг подумал, что надо срочно потратить оставшиеся деньги. Мне показалось, если этого не сделать, произойдёт что-то неприятное. Теперь-то ясно, от чего у меня возникли такие мысли. С мелочью в кармане, я бы снова припёрся в магазин и попытался купить тапки. А в тот момент меня лишь посетило чувство, что надо избавиться от наличности. О том, как всё обстоит на самом деле, мне позже рассказал Колбинсон.

Так, значит, я подумал: «Ну уж не-эт. Дудки!» – имея в виду, что неприятности щас совсем ни к чему. В такой приятный, погожий денёк, когда я – пусть это пока и оставалось для меня тайной – наконец вернулся домой.

Я взял с табуретки джинсы и высыпал деньжата на кровать. Подсчитал. Можно приобрести бутылку вина и пиццу. Вот ведь цены нынче. На нормальный перекус средств хватает, а тапочки гиперпространственные, даже ломаные-переломанные, на них не купишь.

Но это были частности. Главное, я не оставлял реальности ни единого шанса.

– Алло. Это ресторан на первом этаже? Примите, пжалста,

заказ в номер...

(Май 2011 года)

Смерть им к лицу

(Соавтор – Валентин Гусаченко)

*Доктор: – Это довольно странно, скажу я вам.
Ваше запястье, насколько я могу судить,
сломано в трёх местах.*

*И раздроблены два позвонка, хотя нужен ещё
рентген...*

*Но кость, выпирающая через кожу, – плохой
признак.*

*Температура тела у вас ниже 25 градусов, и
сердце не бьётся.*

*Эрнест Менвилл: – И что это, чёрт побери,
значит?!
(«Death Becomes Her»)*

Город откинул спальные районы ночью.

Но перед этим тепло и свет утекли во мрак сквозь пространство-время. Лампочка в подъезде в очередной раз моргнула, содрогнулась, затем звонко щёлкнула, напустив в колбу мутного, словно молоко, дыма, и погасла. Густая, почти осязаемая мгла хлынула по лестничным маршам, жадно пожирая ступеньку за ступенькой. Скособооченный трёхэтажный дом, построенный в прошлом веке, превратился в чёрную тень, в коробку из бетона и железа, под крышку наполненную страхом и ожиданием. Лишь щербатые, усеянные окурками подоконники блестели в свете толстобоклой Луны

тысячами осколков от разбитых пивных бутылок.

Минуту стояла тишина, вязкая, концентрированная, едкая. Вдруг отворилась дверь квартиры на третьем этаже, а потом с жутким грохотом захлопнулась; замок лязгнул на весь подъезд. Вышедшая на лестничную площадку девушка после недолгой паузы застучала по каменным ступенькам высокими острыми каблуками. Спустившись к выходу из подъезда, не лишённая привлекательности и вместе с тем не отличавшаяся худобой юная дама замерла. Последовал смачный плевок, после которого темноту разрезал звонкий женский голос:

– Чёрт тебя дери, электрик криворукий! Найду – прокляну!

Домофон пронзительно запиликал.

На улице девушка, закинув за спину чёрный рюкзак, зашагала к толстому дереву, что стояло напротив дома. Старый ссохшийся дуб, издавна похожий на кривую опору ЛЭП, власти грозились спилить уже не первый год. Но то один, упав с ветки, насмерть разобьётся, то другой от сердечного приступа у основания поляжет. Чертовщина.

Набросив на голову капюшон балахона, тоже тоскливо-чёрного, девушка свистнула, отчего соседские дворовые псы зашлись нестройным лаем. Обеспокоенно глянула на шелестящее небо и подошла к дубу.

Невысоко, в паре метров от дупла, широко расставив крылья и нахохлившись, как разъярённый тетерев, сидел ворон.

Он был будто соткан из льда, стекла и камня. Крылья блестящие, словно полированная сталь, глаза застыли, уставившись в самую верхнюю точку неба. Когти твари, схожие по виду с кусками угля, надёжно обхватили гнутую ветку. Расправив крылья, ворон повернул голову, взглянул в глаза девушке и протяжно каркнул.

– И тебе привет, Эдгар.

Она призывно махнула рукой – птица слетела с дерева.

Парочка, пройдя сквозь заросли, попала в заброшенный парк, всегда с радостью их принимавший. Мрачный сквер зарос шиповником и акацией. По земле стелился туман, густой, как кровь, текущая из раны, и белый, как смерть, что витает над кладбищем. Лакированные сапоги с жуткими черепами-застёжками и шнуровкой до колен выстукивали по асфальту непонятный резвый мотив, отдававший биением обезумевшего сердца. Одинокое эхо разносилось ветром на многие километры вокруг, вселяя в случайных прохожих неясное беспокойство: в такую рань порядочный хозяин собаку на улицу не выгонит.

Их путь завершился на отдалённой, захваченной травой могиле. Ворон вспорхнул на голое деревце, чтобы навести марафет. Поддрагивающие от волнения пухленькие руки вынули из кармана балахона смятую бумажку, развернули, разгладили. Написанное всё равно оставалось неудобочитаемым.

– Clatto... Verata... чего?

– Кар-р!

– Кончай каркать, Эдгар, и помоги!

– Кар-ркнул Эдгар-р: «Пр-риговор-р!»

– Мерзкая птица! Блин, кто это писал? А, это же я писала.

Ну тогда ладно... Р-р-р! Нифига же не прочтёшь! Может, сходить домой, глянуть в инете?

– Кар-р!

– Поняла-поняла. Не буду, – проворчала девушка. – О'Кей, попробуем снова. Clatto, Verata... Nicto, во!

Девушка замерла в благоговейном ожидании. Но магические слова произнесены, а на кладбище по-прежнему царит мёртвая тишина – никто оживать не намеревается. Хотя должен, чёрт возьми!

– Clatto, Verata, Nicto! – повторила она – веско, с достоинством.

Похороненный, судя по всему, плевать хотел на вескость, продолжая вести себя крайне недостойно: могилу изнутри не разрывал, прогнившими руками не тряс, не лез из ямы, будто трупный червь из пустой глазницы, не ходил с диким криком. Не подавал вообще никаких признаков жизни.

– Эгоист! – в сердцах высказалась молодая чернокнижница, снова комкая листок с заклинанием и убирая обратно в карман. – Ты и при жизни вёл себя не лучше!

– Пр-риставай, дор-рогой, пр-риставай!

– А ну-ка заткнись, пучок перьев! Ещё раз помянешь это, тебя тоже лопатой прихлопну!

– Кар-р!

Сплюнув на могилу почившего ухажёра, девушка зашагала прочь из обители вечного покоя и вечной же скуки.

– Бр-рёвна! Бур-ратины! Мер-ртвяки хр-реновы!

– Эдгар, завязывай. Полетели отсюда... Или пошли... Да, ёлки, без разницы!

– Повтор-рим? – предложил ворон.

Девушка на ходу пожала плечами.

– А смысл? Не работает же! Найти бы в реале умника, который запостил на форуме эту чушь, и подвесить за...

– Кар-р?

Некромантка покраснела хуже пойманного на взятке мэра.

– ...за нос, – нерешительно договорила она.

– Мар-ргар-ритка! – иронически высказалась птица.

– Та-а-ак. – Колдунья немедля остановилась, упёрла руки в боки. – Во-первых, не Маргаритка, а Маргарита!

– Мар-ргар-ритка!

– А во-вторых, называй меня как положено: Ваше Злодейшество!.. Ну, или типа того... – Девушка тяжело вздохнула. – Марго, там...

– Мар-ргар-ритка!

Не сейчас, а чуть позже кто-то разрывал могилу изнутри, тряс прогнившими руками, лез из ямы, будто трупный червь из пустой глазницы, ходил с диким криком.

Только, к несчастью, уже после того как юная адепт-ка «чёрной» магии и её говорливый знакомый удалились с кладбища.

С другой стороны, к несчастью ли? Утверждение весьма спорное...

Маргаритка включила светильник, который напоминал распятие, украшенное наконечником для новогодней ёлки, и плюхнулась в кресло с черепами на спинке. Чехол для этого древнего, вылинявшего, скрючившегося представителя мебели девушка сделала сама – потратила весь саван, что купила на пэтэушную стипендию в ближайшем магазинчике погребальных товаров. И ещё целую шкатулку блёсток: соткать абсолютно необходимые черепа было больше не из чего. Надо признать, они получились неплохие. Кривоватые, конечно, зато действительно пугающие ввиду полнейшего отсутствия у автора вкуса, дизайнерских знаний и навыков шитья. А ночью головешки, когда на них падал лунный свет, забавно блестели – правда, девушка постоянно убеждала себя, что то очень страшный и нездоровый блеск. В конечном итоге она накинула на спинку белую наволочку, чтобы скрыть из виду черепа, навевавшие мысли скорее не о смерти, а о «двойках» по геометрии и рисованию.

Маргаритка недовольно, ленивым движением смахнула на пол не прописанных в квартире крыс, которые устроили на «Некрономиконе» брачные игры. Плюхнувшись на

пол, шерстяные зверьки продолжили утехы. Поднатужившись, девушка оторвала от изящного стеклянного журнального столика пятикилограммовый том и бухнула на колени. Поморщилась, перевернула покрытую человеческой кожей обложку, перелистнула пару страниц. Вгляделась в текст, накаляканный словно бы слепой курицей с ДЦП, а взаправду – безумным, умершим века назад арабом. Адепт зла попыталась в триста двадцать пятый раз прочесть заклинание, от усердия непроизвольно задвигав кругленькими губками.

Удивительно, но ей удалось-таки разобрать «каллиграфию»: «Klaatu, Barada, Nikto»! Вот оно!

– Ёлы-палы!

Она захлопнула «Чёрную книгу», возвела очи к потолку – и резко переместила взгляд вниз, потому что по балке полз ужасный, покрытый густой шерстью паук не меньше семи-восьми сантиметров в длину.

– У-у-у! Вот, значит, как звучит настоящая оживлялка! Щас я этому олуху на готском форуме напишу, что думаю о нём и его познаниях в магии!

Маргаритка порывисто встала с кресла и уверенным шагом подошла к еле работающему, бэушному ноутбуку. Наволочка, свалившись со спинки кресла, обнажила ехидно ухмыляющиеся черепа, что поигрывали блёстками в неверном свете шестидесятиваттной лампочки.

Накатав гневное и, по традиции, анонимное сообщение человеку под скромным ником Alhazred, Маргаритка клик-

нула «Ответить» – плод трудов появился на форуме. Переведя дух, она с чистой совестью зашла в электронную почту. Скривившись, прочитала письма от Любы с Надей и Веркой: каждая, типа, спрашивала о делах подруги, а на самом деле хвалилась собственными успехами. Эти трое встречались с парнями, учились в престижных вузах, днём свет божий затмевали красотой... Мрак и скукота!

При взгляде на выражение лица Маргаритки скривился бы и лимон – если допустить, что лимонам есть чем смотреть. Впрочем, колдовство не отрицало такой возможности. Ознакомившись с достижениями «подружек» и скрытыми подколками в свой адрес, девушка послала трём *ведьмам* скопом веский ответ «Привет. Ага. Пока». И в порыве ярости хлопнула крышкой ноутбука.

Компьютер не успел выключиться, однако монитор резко перестал светиться. Вентилятор замолк – видимо, на веки вечные.

– Да-а бли-ин!..

– Кр-ривор-ручка! – уведомил Эдгар.

– Молчать! Спи давай!

Некромантка накинула на внушительных размеров клетку, где сидел ворон, тёмную материю. Стараясь не обращать внимания на протестующие карканье, Маргаритка разделась и улеглась в кровать.

Разбудил её жуткий, нечеловеческий вопль.

Маргаритка, точно укушенная вурдалаком, вскочила с постели. Темнота потоком забвения из древнегреческих мифов текла по комнате, заливая окружающее, воздух пропитался кошмарами, ощущение безысходной неизбежности наваливалось Сизифовым камнем, грозило переломить спину, свести с ума.

Короче, всё как обычно, город как город. Но отчего же тогда в сердце неясное ноющее чувство? Или – *предчувствие*?..

Маргаритка рассеянно завертела рукой в поисках ночника, что стоял на тумбочке с поры младших школьных классов, когда она начала бояться спать без света. Нет, пугала её не темнота, а сон во тьме. Бывало, Маргаритка просыпалась посреди ночи, размыкала глаза и принималась орать на половину квартала безумным баньши. Родители после нескольких концертов купили малышке ночник в виде добродушной улыбающейся тёти-тыквы с панамкой на голове и зелёным хвостиком на макушке. Спустя годы тыква потускнела, потрескалась, почти обесцветилась, но заботливая девушка разрисовала её пентаграммами, а бока и щёчки разукрасила словами из понравившихся песен. В компании со светильником-распятием тыковка смотрелась гармонично. Получилась такая неформальная тётка Галя, что торгует героином из-под полы на базаре и слушает «Cradle of Filth», разогревая весло на плите. С охраной спалось гораздо спокойнее. Только куда подевалась «подружка»?

Ладонь Маргаритки провалилась в пустоту, затем ещё раз

и ещё. «Чёрт возьми, да где же провод!» – вертелось в голове; на языке тем временем собиралось проклятие. Проклинать Маргаритка умела и, что самое интересное, чрезвычайно любила.

– Да чтобы ты по швам треснула, карга старая! Доберусь – лампочку выкручу!

В желании поскорее включить свет Маргаритка, потеряв бдительность, свалилась на пол и звонко ударилась копчиком о каменный пол.

«А где ковёр мой икеевский?» – мелькнула мысль, как только боль в задку добралась до мозга.

На улице снова премерзко закричали. Кровь похолодела, вызывая спазмы во всём теле, в ответ занемели руки, а сердце опять забилося о грудную клетку. Что за небывалые, жуткие вопли?!

И достигший наконец носа отвратный, гнилостный запах!..

«А шторы-то у меня откуда, мамочка родная?!» – Некромантка ошарашенно уставилась на безвкусные серые тряпки, висящие, будто облезлые ослиные хвосты.

Глаза более-менее привыкли к темноте, и Маргаритка, окинув взглядом покои, крепко задумалась. План комнаты, расположение окон, дверей – как в её квартире; тот же балкон с резными набалдашниками. Всё прежнее. Однако всё – другое. Непривычное, старомодное, дряхлое...

Со следующим порывом сквозняка в комнату влетел Эд-

гар и, взгромоздившись на подоконник, звонко прокричал:
– Дур-ра! Мар-ргар-ритка – дур-ра!
– Ничего не дура, – растерянно прохрипела некромантка, радуясь знакомой пернатой физиономии. – Что происходит? Где мы?

– Пр-рошное, Мар-ргар-ритка.

– Прошное? Что ты несёшь, Эдгар?

Ворон безмолвно таращился на девушку и крутил головой из стороны в сторону.

Он явно испытывал её терпение.

Маргаритка выскочила на балкон – и тут же обомлела. Городок, если взглянуть на него ночью с высоты третьего этажа, когда-то смахивал на круглое мерцающее яблоко. Он и сейчас казался тем же фруктом, только надкушенным с одного края будто бы чьей-то клыкастой голодной пастью.

Тухлятиной запахло сильнее.

А населённый пункт по непонятной причине молчал, не гудел и не орал на вселенную мелодиями из динамиков, тысячами клаксонов, голосами пьяных пионеров-гитаристов. Пропали неоновые вывески, исчезли мерцающие баннеры, испарилась пестрящая огоньками реклама со столбов, как и сами высоковольтные колоссы. Куда-то подевались телефонные вышки, которые народ в шутку называл Эйфелевыми за внешнее сходство с башней. Деревья же, которых в черте города было наперечёт, за ночь словно размножились почкованием, зелёным махровым одеялом прикрыв город сверху.

Неужели пернатый прав?!

Страх не появилось, ужаса тоже – возник некий животный интерес. Маргаритка поймала себя на мысли, что здесь стало лучше. Умиротвореннее, спокойнее, мертвее, что ли...

Внизу, через каждый шаг припадая на ногу, по звонкой брусчатке плёлся потасканный, грязный мужчина. Мяса на лице практически не осталось, связки кишок гирляндами свисали из живота, волосы на голове отсутствовали напрочь, наружу выглядывал череп. Одежда «идушего» рассыпалась на ходу, галстук, болтаясь на шее, свисал до пупка. Мертвец брёл к кладбищу.

«Мертвец! Так вот откуда взялся отвратительный запах, что носится в воздухе на пару со сквозняком!»

Судя по одежде – ну, немногочисленным остаткам одежды, – парень явился минимум из прошлого века или, кто знает, из позапрошлого: Маргаритка была несильна в истории.

Она вновь осмотрелась, внимательнее: древняя на вид комната, отсутствие техники, восставшие трупы. Теперь девушка связала всё в логическую цепочку достаточно легко.

Хмыкнув, юная леди сплюнула на дорогу.

«Эдгар прав – мы, мать его, в прошлом!»

Умирующий тёмный город – её мечта! – в эти самые минуты, надо полагать, бился в агонии.

Ворон с необычайной лёгкостью взмыл в воздух, описал в чернильном небе крутую параболу, уселся на балконные перилла.

– Klaatu, Bar-rada, Nikto. – Эдгар клал кляу у де-
вушки перед носом. – Дур-ра!

– Сам дурак. – Она ткнула пальцем в беднягу, ковыляю-
щего по дороге. – Видел? Мертвяки очутились на улицах из-
за заклатья.

– Кар-р! – крикнула птица.

– Вот тебе и кар, Эдгар.

Набросив поперх бледного тела церемониальный балахон
– единственное, что нашлось в комнате, – девушка мигом
выскочила на улицу и вдвоём с птицей рванула на кладбище.
Надежда, что любимый вернулся с того света, из хилой ис-
кры понемногу разгоралась в обжигающее пламя.

Тут следует сделать небольшое отступление – всё равно
не происходит ничего интересного – и слегка прояснить си-
туацию.

В Средних веках город уже существовал, равно как и за-
кливание, возвращающее к жизни мёртвых. Ведь, чтобы вос-
кресить покойника, необязательно оживлять его в этом вре-
мени – можно перенестись в то, когда человек здравствовал.
Конечно, при условии, что молоденькая ведьмочка ничего не
напутает с могущественным заклатьем.

Хотя беда – понятие относительное, с этим мы вроде бы
согласились?

Кладбище пустовало, точно желудок у студента. Если об-

манчиво-мёртвые шатуны и поднялись из могил, то альма-матер гибели им, видимо, не приглянулась, поэтому они пошли искать менее мрачное место для вечеринки. От изумления Маргаритка даже остановилась; озадаченно хмыкнула, повертела головой.

Интересно, а её парень... э, бывший парень – с ними? При жизни Антоха частенько хаживал по клубам и вообще вёл себя неотразимо безнравственно.

С неба спикировал Эдгар, примостился на плече.

– Ты что, обалдел, контейнер с перьями?! Тяжёлый, блин, как крылатый слон!

Она согнала ворона, и тот опустился на спинку лавочки. Сложил крылья, издал форсированное «кар-р».

– Ну что тебе?!

Нога в ботинке, торчащая из-под лавки, наконец привлекла внимание Маргаритки. Снизу раздавалось усиливаемое ночной тишиной сиплое дыхание.

«Очередной бродяга, что любит с утра пораньше упиваться настойкой боярышника до зелёных чёртиков, – поняла Маргаритка. – Увидели бы они хоть раз настоящих чертей – тяга к алкоголю вмиг бы пропала! Обеспечить им свидание?.. С другого ракурса, может, кладбищенский абориген знает, куда подевались трупики».

– Эй, уважаемый.

Она пнула ботинок. Его владелец даже не дёрнулся. Недолго думая, девушка что есть силы вдарила по ноге – ото-

рванная в области голени конечность выскочила из-под лавочки, будто футбольный мяч. Парочка мух взлетела, прожужжала короткое ругательство и вернулась к трапезе; их подружки продолжали сидеть как сидели.

– Матерь божья! Совсем допились! – воскликнула Маргаритка, имея в виду то, что осталось от бездомного.

Доносившееся из-под лавки дыхание усилилось и оборвалось шумным выдохом, к которому добавилась истеричная женская речь:

– Мерзкая-мерзкая вонь! Невыносимо, фу!

– Согласна... – подтвердили вторым, очень похожим на первый голоском. – Меня... сейчас... сто... шнит...

– Только не на меня! – воскликнул голос номер три. – Знаешь, сколько эти туфли стоят?!

– Заткнитесь, придурочные! – прикрикнул тот, кто изъяснялся первым. – Хотите, чтобы по нашу душу приковыляли милые разлагающиеся ухажёры?!

Маргаритка снова хмыкнула, теперь многозначительно. И почему она не удивлена?

– Значит, наши в городе? – обратилась девушка к голосам под лавкой. – То бишь зомби.

– М-м-м... Маргоша?.. Привет.

Чистящий перья Эдгар отвлёкся, чтобы каркаяще поздороваться.

– Ну, доброй ночи, – саркастически вымолвила некромантка, – Вера, Надежда и Любовь.

Любу всё-таки вырвало – как и положено по закону подлости, прямо на Маргаритку.

– Извини, я не нарочно. – Анорексичная блондинка смущённо уставилась под километровые ноги.

– Это надо ещё проверить, – буркнула колдунья, отираясь десятым лопухом. – И что вы здесь забыли!

Черноволосая дистрофичка Верка и рыжая Надя, с фигурой заключённого Освенцима, недоумённо переглянулись. Встречный вопрос красоток был навеян клишированными блокбастерами, выражал собой их «самобытную» манеру речи, но, по удивительной случайности, попал в точку:

– А что *ты* тут делаешь?!

Маргаритка похолодела, будто Дед Мороз окатил её из ведёрка ледяной водой. Чародейка безжалостно отмела мысль честно рассказать «подругам», по чьей вине город переместился в прошлое, а из могил на радость живым повылезали умертвия. Второй мысли так и не появилось.

– Я... м-м... это... ну-у... – Девушка развела руками.

Три топ-модели слаженно кивнули.

– Понятно, – сказала Верка. – Опять шляешься где попа-ло. Ищешь на толстый зад приключения.

Макаронины рассмеялись.

За «толстый зад» хотелось врезать, причём очень-очень сильно и, возможно, лопатой, но Маргаритка, учитывая, кто сейчас был столь близок к провалу, героически сдержалась.

– Да... – Для правдоподобия она даже понуро опустила голову.

– Ничего другого мы от тебя не ждали.

– Ты же простушка, которая одевается, как... простушка.

– Не гламурная особа.

– А зомби где? – перевела Маргаритка диалог на более безопасную – для макаронин – тему.

– Да свалили.

– А куда?

– На задворки города.

– А зачем?

– А мы знаем?!

– Парня тебе надо, Маргоша, парня! И сразу перестанешь всякими глупостями голову забивать.

Точно ведь, она же чуть не забыла!..

– Подождите здесь!

Маргаритка, молниеносно стартовав, устремилась вглубь кладбища. Столь же резко затормозила – но лишь на секунду, чтобы крикнуть опешившим кралям: «Присмотрите за Эдгаром!». И понеслась дальше.

Маргаритка смотрела на разрытую могилу Антохи, а та смотрела на неё – но и только.

– Убежал, значит, с этими кусками гнилого мяса. – Маргаритка опять сплюнула, на сей раз в яму. – Тьфу! Кобель! Ненавижу!

Вопль, выворачивающий наизнанку душу – вроде того, что поднял её ночью, – заставил подпрыгнуть на месте и, когда Маргаритка поскользнулась, чуть не уронил в освободившиеся подземельные апартаменты. Кажется, прозвучало со стороны входа на кладбище.

Не очень хотелось, но пришлось возвращаться: там же Эдгар. А ещё эти... друзья...

Самое время для отступления, вы не находите? Итак, коротенько, что называется.

Адресные заклинания – заклятье оживления, допустим, – направляются на тело адресата. Если же объекта нет, волшебная энергия сохраняется там, куда её нацелили, до тех пор пока не рассеется. Процесс рассеивания занимает от нескольких секунд до нескольких десятков лет, в зависимости от вида магии.

При этом нередко случаи, когда основная «масса» заклинания, потерявшая контроль как раз из-за отсутствия адресата, расходится по округе, а на месте остаётся лишь малая часть.

Особо мощные магические сгустки способны менять ещё и пространство, в чём вы скоро убедитесь.

Возле лавочки ведьма никого не нашла. И недоеденная нога пропала: не то чтобы Маргаритка на неё претендовала – девушка просто отметила, что полянка необъяснимым ма-

нером осиротела.

Только неподвижно лежала на дорожке птица.

– Эд... Эдгар?..

Трясущимися руками она бережно подняла ворона с земли. Кто-то свернул ему шею, аж на 180 градусов. Сердце в груди оборвалось, будто лифт в тёмной шахте.

Сырая земля укрыла древним телом тельце немолодого, но безвременно почившего крикуна.

– Прощай, каркуша.

Маргаритка хлюпнула носом. Она сдерживалась что есть мочи: не пристало брутальной некромантке плакать над почившим товарищем. В конце концов, его давняя подруга видела своё призвание именно в служении смерти.

Коленки предательски дрожали.

Круглая старушка Луна перекатывалась по звёздному полю. Появилась идея применить то самое заклинание, чтобы Эдгар восстал из мёртвых. Однако Маргаритка твёрдо сказала себе: «Нет!» Возможно, пернатый этого бы не одобрил... если б был жив...

Она снова шмыгнула.

Да и повторная ошибка в мощнейшем заклятии, в худшем случае, приблизит гибель Земли сразу на пять миллиардов лет. О случае лучшем в нынешней ситуации рассуждать не приходилось.

Волшебница помахала погребённому товарищу рукой, за-

жмурилась, отгоняя слёзы, повернулась кругом, распахнула глаза – и уставилась в милейшую ряху ходячего мертвеца. Маргаритка к робкому десятку не относилась, даже к робкой сотне. Но порой обстоятельства требуют поступить именно так, а не иначе.

– А-а-а-а-а!

Завопив настолько красочно, что и зомби, и раздираемые ими люди обзавидовались бы, Маргаритка бросилась наутёк. К сожалению – вот тут совершенно точно к нему, – направление побега совпало с направлением, по которому двигался мертвяк. Кинетическая энергия перетекла в потенциальную. Более полное и сексуальное тело придавило более худое и разложившееся – хлюп! треск! – и оба покатались по траве.

Когда движение прекратилось, Маргаритка осознала, что лежит под живым изодранным трупом, пожирающим взглядом своего единственного глаза её белые плечи и оголившиеся груди. Упитанный трупный червяк, вывалившись из разорванного рта, мягко плюхнулся на шею девушки.

– А-а-а-а-а! – закричала она на бис, извиваясь под партнёром гадюкой.

Зомби ощерил гнилые зубы, приготовившись впиться в нежную девчачью плоть.

Оно метеором упало с неба. Что-то – тень, чуть чернее ночи, – вцепилось в голову трупака и ударило его в глаз. Слепнув, зелёный не растерялся – попытался нащупать придавленную жертву. Будто ветряки мельницы, объеденные чер-

вьями руки взбивали воздух вокруг девушки. Та побыстрее сбросила мертвечину и гиперактивным кенгуру вскочила на ноги. Плечи ходили ходуном, пар вырывался изо рта, будто пламя из ракетного сопла. Мертвяк беспомощно ковырялся перевёрнутой на спину черепашкой; эта картина вызвала у Маргаритки улыбку.

А вот летавший над могилами ворон – смешанные чувства.

– Эдгар?!

– Кар-р!

– Ты? Как?! Я ж тебя закопала!

– Дур-ра! Др-ругой Эдгар-р! – Ворон приземлился на свежую крохотную могилу и с деловым видом продолжил: – Др-ругой Эдгар-р! Мёр-ртвый не Эдгар-р! Эдгар-р – живой! Эдгар-р – один!

– Да ты меня за дуру держишь, что ли, каркуша? – сказала девушка, недоверчиво косясь на миниатюрный могильный холмик.

Птица, пока суд да дело, выловила на теле жучка, проглотила и уселась приятельнице на плечо. Когти впились в кожу. – Теперь я вижу, что это и вправду ты. Полегче там! Мне же больно! И вообще – слазь!

Позади раздался громкий крик. Некромантка наконец-то обратила внимание на то, чего до сих пор заметить не удосуживалась. Разрыта была каждая могила, а значит, все местные жильцы ушли на ночную прогулку под луной.

Маргаритка крепко задумалась. Что же делать со всей этой мертвятиной? Они же рыщут по городу, прочёсывают улицы, дома и сараи в поисках пищи. Живых людей. Даже Антоха – она готова спорить! – в нынешнем состоянии не прочь подзакусить человечинкой...

Шум, доносящийся с окраины города, привлёк внимание чернокнижницы. Они с вороном двинулись на звук, не прекращая посекундно оглядываться.

– Чует моё сердце, девчонки ушли на прогулку именно с Антохой и в нужном нам направлении.

Трактир одиноко стоял посреди улицы: дома и амбары отступили от него, словно от прокажённого старика. Наверняка мертвецы, не проявив интереса к развалине, поспешили в сторону городских площадей – там-то предостаточно растерянных людей, угодивших в Средневековье... или куда переместились целые квадратные километры XXI века? Современных жителей в центре тоже немало.

«Какие радикальные перемены», – поймала себя на мысли Маргаритка, обходя огромную лужу.

Утром на этой улице стояло здание администрации, помпезное, громадное. Пятиэтажный железобетонный короб с жуликами и ворами, с фонтаном перед входом, парковкой на несколько сот автомобилей; теперь же дорогие «мерседесы» превратились в пару сиротливых телег. Парк с самшитовыми скульптурами мутировал в жидкий подлесок, а асфальтовые дорожки, к которым привыкла Маргаритка, будто стёрли

свои «тела» с полотна окружающего мира. Приземистые и, пуще того, карликовые дома недружелюбно глядели сквозь тьму неосвещёнными окнами.

Каменная тропинка вела аккуратно к трактиру – сто процентов, внутри предатель Антоха с шалавами-подружками! Посему Маргаритка отправилась туда.

Впервые с момента её пробуждения по округе разнёсся вопль живого человека. Надо что-то делать... Срочно искать Антоху и снимать проклятие, вот что! Иначе навсегда застрянет в прошлом или, ещё хуже, отдаст Властелину душу. На словах поклоняться Дьяволу легче, приятнее; да и зомби, когда познакомишься с ними поближе, крайне разочаровывали.

Вот и пришло время для третьего отступления. Да ладно, не ропщите – лучше согласитесь, перспектива у некромантки наклёвывается не радужная. Альтернатива, несомненно, есть, но только или сгрызут мертвяки, или насильно перенесённые в прошлое современники найдут и закопают. За фокусы вроде Маргариткиного закапывают глубоко и надолго... если не припрётся дурная молодая некромантка, так вообще с концами.

Пора исправлять ситуацию, пока та, посредством живых и оживших созданий, не исправила физиологию девушки.

Внезапно вырвавшийся из темноты пешеход – по ужасаю-

щему запаху несложно догадаться, кто именно, – сбив с ног, повалил её на холодные камни.

Долго барахтаться в этот раз не пришлось. Мертвец особо не возражал, когда его откидывали напружиненными ногами: видимо, все силы потратил на бросок. Маргаритка презрительно глянула на пассивного мясоеда – и, отвернувшись, с размаху опустила на прогнившую голову острый каблук.

Второе нападение за десять минут. О времена, о нравы.
– Чёрт, да вытаскивайся ты!

Она постаралась, выдернула ногу, отлетела назад, маша руками, чтобы не упасть. Эдгар взволнованно каркнул. Равновесие удалось восстановить. Девушка, призвав на помощь знаменитую некромантскую отвагу, поспешила в трактир.

К слову, местечко называлось «Kitty Kisser».

Двери распахнулись – двери захлопнулись. Маргаритка замерла у входа: обстановка тому способствовала.

Эдгар заложил курс к стропилам. Летучие мыши в темноте под потолком жалобно заверещали.

Стоящая посреди трактира, на столе, полуголая Верка удивлённо уставилась на гостью. Обвивающий живот танцовщицы питон сделал то же самое. Девица гневно сверкнула тёмными, точно её волосы, глазами: негоже прерывать даму во время эротического танца. Толпа зомби, что до появления Маргаритки точно загипнотизированные следили за каждым Веркиным движением, перевели замутнённые взгляды на вошедшую. А пронизанная страстью, исполня-

емая на гитаре, арфе и барабанах мелодия продолжалась, несмотря ни на что.

Сидевший на стуле, мертвецки живой Антоха повернулся к незваной гостье и звонко стукнул железным протезом ноги о деревянный пол. Или показалось, или правда некое сильное чувство вспыхнуло в красном глазу возрождённого. Второе око закрывала чёрная повязка.

«Фи, как пошло», – машинально отметила Маргаритка.

Антоха вновь вдарил по полу металлической ногой, уже сильнее; из большого пальца показалось револьверное дуло, недвусмысленно уставившись на колдунью. Тотчас умолкли музыканты, которые выступали на располагающейся сбоку сцене. Однако гитарист не отказал себе в удовольствии... ну, или профессионализме: неторопливо завершил неизвестную, но прочувствованную соло-коду и лишь тогда убрал от струн длиннопалые руки без ногтей.

«Послушные мертвецы?! Откуда такая прелесть?»

Тишина пропиталась нервозностью настолько, что зазвенела. Возможно, безмолвие напугало самое себя, потому-то разродилось хриловатым голосом Антохи:

– Проходи, дорогая.

Встав со стула, он изобразил улыбку до ушей: с его ртом-дырой это было проще простого.

Верка ловко прыгнула со стола, прильнула к кишашему паразитами плечу Антохи.

В ту же секунду чёрной молнией прочертил воздух Эд-

гар. Птица совершила несколько кульбитов, громко каркнула, после чего вспыхнуло фиолетовое пламя, послышался раскат грома. Тёмно-серая дымка заволокла помещение. Маргаритка инстинктивно зажмурилась. Открыть глаза её заставило гоготание Любы; блондинка, в платье, украшенном вороновыми перьями, стояла по правое плечо от Анто-на.

«Значит, неспроста эти курицы оказались на кладбище...»

– Вот ты овца, Любка. – Ворожея плюнула в подругу.

Угрозы пластично избежали.

– Где танцевать-то научилась, иуда? – процедила Маргаритка.

– С бывшим танго занимались.

– В подворотнях?

– Не завидуй!

– Да пошла ты!..

– Эй-эй. Девочки.

Антоха оперативно встал между ними, положил вонючую ладонь на плечо Маргаритке. Пятерня соскользнула после резкого движения чернокнижницы, но шлёпнулась на прежнее место. Вторая пакша нежно сжала болезненно худое плечико Любы, заставив исхудавшую сладостно зажмуриться.

Маргаритка демонстративно уставилась в потолок.

– Не ссорьтесь, милые, – тоном опытного соблазнителя вещал Антоха. – Если вы меня не поделили...

Ну, это слишком!

Девушка в балахоне повернулась к стремительно теряющему привлекательность возлюбленному.

– Во-первых, я тебе не милая, трупешника кусок!

– Маргошечка...

– Во-вторых, – с нажимом продолжила единственная живая из присутствующих, – меня зовут Марго! А в-третьих, ты мне нахрен не сдался, понял?!

– Хм. – Антоха озадачился. – То есть совсем-совсем?

– Вообще ни капли. Ни молекулы жидкости!

– И тебе неинтересно, откуда у меня нога?

– Ногу свою можешь засунуть себе в то место, из которого у тебя растут руки!

– Что за пошлые инсинуации?! Я же гений-изобретатель!

– Да? А ты хоть раз довёл меня до... – Маргаритка заметила, что лица... физиономии, морды, рыла всех мертворожденных излучают любопытство. Она покраснела, однако постаралась скрыть смущение. – ...ну... э-э... довёл меня до *этого*?

Антоха, задрав голову, выдал громкое «Ха!», чтобы только потом посмотреть на Маргаритку.

– А ты *дала мне шанс*?

– Баран.

Девушка скрестила на груди руки, крутнулась в сторону двери.

Антоха не сдавался – нагнулся к уху некромантки и вкрад-

чиво зашептал:

– А я собираюсь покорить мир.

Чернокнижница закатила глаза.

– Ты точно debil...

– Хватит меня обзывать! – оскорбился парень. – Я, между прочим, техвуз закончил, сопромат на «пять» сдал! Теормех, правда, на четвёрку. Но сдал же? Сдал!

– Поздравляю. А я в ПТУ учусь. И что? Будем дальше причиндалами меряться?

Мужская логика в очередной раз трусливо сбежала под бешеным напором логики женской.

– Нogu-то я сам сконструировал, – слабо возразил Антоха. – Разработал, когда ещё был жив, но возможность собрать её выдалась лишь после того, как ты меня... ну, того, короче... лопатой... пока я пытался тебя уломать.

– Заткнись, придурок, – прошипела Маргаритка. – Им об этом знать ни к чему.

– А мы и так всё знаем, – самодовольно уведомила рыжеволосая Надя.

– Та-а-ак... Хватит!

– Маргошечка, – просюсюкал зомби-вожак, – не злись, пожалуйста. Отправляйся со мной покорять жалких людишек, а? Я буду рад твоим советам. Кстати, спасибо не только за то, что убила меня, но и за мои вещички из секс-шопа, брошенные в могилу, – из них, оказывается, легче лёгкого сварганить ногу-револьвер.

– Короче, *милый*, давай подведём итог, – предложила некромантка. – Ситуация такова: конечно же, недостойные получают своё. Но вначале... – Маргаритка многозначительно подняла брови.

Предвкушая веселье, Антоха театрально облизнулся. Вставная челюсть вывалилась изо рта, шмякнулась на пыльный пол трактира и, подпрыгнув, угодила в щель между досками.

– Сёрт! Скользя сволось!

– Говорю же: дурак. – Маргаритка увидела краем глаза, кто бесшумно примостился за столиком, рядом со сценой. – Магией, Антошенька, овладел?

– А то!

– И научил примитивнейшим трюкам этих трёх страдающих похудением коров?

– Азам его обучили мы! – вознегодовала Верка. – Ещё год назад, когда спёрли у тебя «Некро... как он там... кон», а потом сфоткали и вернули. В отличие от тебя, мы всегда любили Антончика! И нам не понравилось, что ты его прикончила!

– Подстава, значит? Я, значит, виновата, что зомбаков оживила?

– Бесспорно!

– Мне тоже было совсем не в кайф погибать во цвете лет! – заявила Верка.

– Тебя заставлял кто-то? – резонно заметила Маргаритка.

– Любовь! – закатив глаза, возвестила брюнетка.

– Чего? – откликнулась Люба.

– Я так любила... люблю Антонио, так люблю! – причитала Верка. – Даже вскрыла со второй попытки вены, узнав, что одна тупая курица во время шабаша на кладбище проломила ему тяжеленной лопатой голову!

– Нам и это не понравилось абсолютно! – хором вставили Надя с Любой.

– Угу, угу. – Маргаритка сдержанно покивала. – А потом вы решили Землю себе подчинить?

– Все насинали с малого, – пояснил Антоха. – Но при должном старании...

Полная девушка утомлённо вздохнула.

– Иногда лучше жевать, чем говорить. Иди-ка сюда, дорогой.

– О-о... А засем это? – спросил он удивлённо, но всё-таки приблизился.

– Да просто... – проворковала она, – хочу кое-чего... Помнишь песню? I'm gonna love you... – Антоха потянулся рваными, сочащимися гноем губами к симпатичному личику. – ...to death, – договорила разъярённая ведьма и свернула зомби-диктатору шею. – Это тебе за Эдгара, козлина!

Обезглавленное тело рухнуло на нечищенные доски. Маргаритка недоумённым взглядом вперилась в находившуюся у неё в руках осклизлую башку экс-бойфренда.

– Зомби пликольные, но слишком уз хлупкие, – подосадо-

вал Антоха – и вдруг завопил не своим голосом, по-бабски, режущим уши фальцетом: – Хватайте её, длузья и слуги! Она мне голову отолвала! Су-у-ука-а-а!

Если дальнейшее и было похоже, как принято выражаться, на страшный сон, то на срежиссированный кем-то вроде Гая Ричи.

Первой на неё ринулась Верка. Неожиданность могла бы сыграть брюнетке на руку, если бы не вовремя вспорхнувший из-за стола настоящий Эдгар. Описав в воздухе головокружительную дугу и извернувшись – поскольку рот находился со стороны, противоположной здравому смыслу, – ворон вмазал клювом начинающей ведьме в глаз. Напуганная (в основном, тем, что дыра будет дисгармонировать с её внешним видом) и потерявшая из-за этого остатки контроля над логикой, Верка принялась нарезать по трактиру круги.

Зомби забросили дела, встали со стульев, обратили уцелевшие глаза к Маргаритке и, нестройно зашипев, а кто и завизжав, двинулись на контрреволюционерку.

– Раз, два, три, четыре, – расслабленно произнёс лидер музыкальной группы, после чего по заведению разнеслись аккорды «Black Night».

Неуклюжие зомбаки производили бы юмористическое впечатление, не будь они плотоядными монстрами. Маргаритка глянула влево, глянула вправо и, плюнув на некромантские устои, прочитала наизусть «Отче наш».

В тот же миг Эдгар вырвал острый клюв из глаза Верки; та

по инерции завалилась на парочку неупокоенных собратьев.

Мозг Маргаритки, работавший, наверное, на 100 с лишним процентов, заорал на всё сознание: «ТУДА-А-А!!!»

– Ловите её! Давите её! – сызнава заголосила независимая и от тела, и от мозга, но ещё подпитываемая магической жизнью голова Антохи.

Маргаритка, вспомнив детство и мальчишек, с которыми играла в вышибалы, запустила бой-френдской черепашкой в торопившегося ликвидировать прореху, слишком инициативного зомби. Точное попадание. Девушка проскочила в разрыв за миллисекунду до того, как зелёненькие сомкнули ряды. Пальцы-червяки, усеянные осколками ногтей, скользнули по телу, но не причинили вреда.

Эдгар впорхнул в раскрытые руки. Маргаритка аккуратно, чтобы ворон не погиб вторично, вернула его голову в естественное положение.

– И больше не умирай, пожалуйста!

– Кар-р!

Раздался выстрел. Лопнула разбитая пулей бутылка. Новый залп – кто-то из зомби вскрикнул, повалился на сцену, пораскинув мозгами. Бах! Бах! Бах!.. Бившееся в агонии тело Антохи раз за разом спускало гашетку. В волыне-ноге помещалось полсотни патронов. Изъеденные червяками подчинённые падали под обстрелом начальника.

Маргаритка неслась к выходу, расталкивая подворачивающихся под руку умертвий. Один отлетел к барной стойке,

споткнулся о стул, раззявил варежку и, прокричав невнятное, но не допустимое в обществе девушек гусарское ругательство, накрыл раззявленным ртом бокал с чем-то высокоградусным. Продыравив изгнившую репу, алкоголь убил ещё одного бедолагу.

Выход маячил и манил в полутора десятке шагов, однако на середине Маргариткиного забега дал себя знать лишний вес. А на трёх четвёртых ведьмочка уткнулась в «точёную фигурку» Верки. Брюнетка пошатнулась, но устояла на ногах-палках.

– У-у-у! – выдала она.

– У-у-у! – вторила ей Маргаритка.

Занесла кулак, чтобы ударить, однако её отвлекло грузное чешуйчатое тело большой продолжительности. Говоря кратко, питон, после невероятных усилий Верки, упал рядом с Маргариткиной ногой. Вероятно, тощая не знала, что этот вид змей не кусается; к тому же, запуская гада, не рассчитала траекторию, в результате чего питон маковкой стукнулся о неструганую доску и отключился. Верка поспешно освобождалась от цепких объятий змеюки, мечтая скорее разобраться с ненавистой, *умной* Маргариткой. Кулак встретился с горбатым носом, сломав его и придав девчачьим сорока с небольшим килограммам ускорение. Его хватило для того, чтобы после фантастического сальто через стул черноволосая гримза сломала шею.

Выстрелы стихли, безголовый Антоха замер на деревян-

ному полу.

Люба, бежавшая на подмогу, не успела перепрыгнуть распростёртое на подступах к выходу топ-модельное препятствие, воспарила на высоту около метра и протаранила фалангу приближавшихся зомби, раскидав брательничков в разные стороны, а именно на зюйд, зюйд-зюйд-вест и зюйд-зюйд-ист. Почти не защищённый (ни мускулами, ни мясом, ни жиром), скелет Любы сломался поочерёдно в пяти местах.

– Иди сюда! Сюда, я сказала! – срывая голос, размахивая выкрученной у ближайшего зомби ногой, потребовала Надя. Маргаритка метнулась в глубину помещения.

– Не поможет. – Оскалившись, рыжая двинулась туда же. Честно сказать, та, кого она преследовала, убежать не собиралась. Напротив: отпихнула неподвижного мертвяка, который «обнимал» сцену, забралась на площадку для выступлений, порыскала глазами. Ага, подойдёт! Схватила гитару и рванула на себя, лишив заводной хард-роковый бридж главного инструмента. Шестиструнка досталась Маргаритке – вместе с выдернутыми руками музыканта.

Ничего не замечая, его коллеги вкладывали душу в вечно живой рок-н-ролл.

Гитара и вцепившееся в неё рукастое утяжеление полетели со сцены. Взмах ногой, что держала Надя. Не помогло. Дека раздробила хрупкий череп, треснула сама. Шлёп-бах!

Из подсобки, вытирая пальцы чистым полотенцем, вышел возрастной владелец трактира. Столь возрастной, что даже

для зомби выглядел дряхлым. Осмотрел поле брани.

– Ладно, зайду попозже.

И удалился.

Закончилась очередная кода.

Тело Нади вздрогнуло, руки, залитые кровью, мелко задрожали.

– Надежда умирает последней! – что есть мочи выкрикнула Маргаритка и сиганула со сцены на экс-подругу.

Ноги в сапогах со шпильками протаранили спину. Надя затихла.

– Ну! – победоносно выкрикнула Маргаритка. – Ну!!! Получили, бесовские отродья!? И кто теперь скажет, что гитара не ударный инструмент! Ха-ха-ха! – Чародейка определённо была в ударе. – Вот так-то танцевать со мной гот-ро-о-о-о-ок!..

Длина звучания последнего слова растянулась из-за перекрытий: Маргаритка чрезвычайно громко заявила о своём эпизодическом триумфе. Не выдержала несущая конструкция, халтурно сработанная да к тому же подгнившая, будто бы в подражание вкусам неупокоенного владельца. А когда на одну из опор завалился оглушённый криком девушки зомби, после чего трухлявый деревянный столб надломился, крыша здания приняла категорическое решение: поехала.

Маргаритка отбежала назад, распласталась по стене. Эдгар, разобравшись с тринадцатым зомби, сел девушке на плечо, сжался в пернатый комочек. Крыша свалилась и, просви-

стев метеоритом из «Армагеддона», обрушилась на пол. Всё могло закончиться хорошо, если бы доски перенесли этот удар. Но они, естественно, не перенесли.

Пол улетел вниз. Крыша улетела вниз. Посетители улетели вниз. Бессловесно, как подобает мужикам или трупам. Одна Маргаритка не принадлежала ни к тем, ни к другим.

– Мама-а-а!..

По привычке растянувшаяся в вечность пара секунд безудержного страха – и смертельная битва остановилась. Прекратилось вообще всё.

Клубы пыли, клубы мрака.

Отплёвывающаяся Маргаритка, покрытая синяками, как гепард пятнами.

– Тьфу, тьфу. Тьфу-тьфу-тьфу!

– Кар-р!

– Сам ты кар-р: я пыли нажралась!

– Мар-ргар-ритка кр-рутая!

– И опилок!.. А? – Она не поверила ушам. – Ты это серьёзно?

– Дур-ра! Мар-ргар-ритка – дур-ра!

– Ну, верно, слышалось.

Усталая, злая, но оставшаяся в живых чернокнижница отряхнула готический наряд.

– Где мы хоть?

– Пир-рамида!

– Под трактиром?

– Пр-равильно!

– Чего ж тут правильного!.. Мнэ-э. А откуда она?

– Мар-ргар-ритка – дур-ра!

– Щас получишь. А ну отвечай нормально!

– Постр-роили!

– М-да, – пробормотала девушка, – могла и сама догадаться. А кто, не знаешь?

– Я чр-резвычайно осведомлён!

– Чрезмерно, я бы сказала. Так и кто же построил пирамиду?

– Стр-роители!

– Понтор-рез, – передразнила Маргаритка.

Её внимание привлёк саркофаг. Затем – алтарь с пентаграммой.

– Ацтеки? Майя? Инки? – спросила маг сама у себя – и не нашла ответа. – Но как они попали в наши края?

– Говор-рю же: дур-ра!

Кусок камня, брошенный уверенной, хотя и побаливающей рукой, полетел в сторону Эдгара. Сидевший в углу, на обломке каменной крыши тесноватого четырёхугольного склепа, ворон незамедлительно воспарил сквозь огромную рваную дыру в раздолбанный трактир.

– Помощь найди, – приказала девушка.

– Кар-р!

– Я те дам! Как Антохе! Быстро отправился на поиски!

– Хор-рошо!

Шумно хлопая крыльями, Эдгар вылетел наружу через разбитое окно.

– Откуда только взялось это дьявольское заведение? – пробормотала Маргаритка, растирая ноющие руки-ноги. И ответила сама на свой вопрос: – Но откуда-то ведь берутся кафе для вампиров, бары для геев и отели для дальнобойщиков...

Чисто для проформы подметя могильную плиту, некромантка уселась на саркофаг. Увидев лежащих вповалку трёх безжизненных моделей, в недовольстве вытаращила на них глаза.

– И вы тут. Ладно хоть мёртвые. Спасибо большое.

Она попыталась сплюнуть, что без слюны сделать проблематично. Пока Маргаритка боролась с предательским организмом – долго и упорно, – вернулся Эдгар.

– Кар-р!

– Ну что? Позвал?

– Мер-ртвы!

– Кто?

– Ever-rybody! All dead, all dead!

– А зомби?

– Кар-р!

– И они?!.. А, ну да, Антоха-то – фьють... Снова. Надеюсь, теперь уж бесповоротно. Впрочем, толку от этих неразумных моховиков... Блин! Жрать-то как хочется!

– Кар-ркнул вор-рон: «Пр-риговор-р»!

– Слышала. Что делать-то?

Эдгар не отвечал: сидя на особенно крупном обломке, ковырял перья клювом.

«Видимо, мои крутые бока амортизировали при падении, – предположила Маргаритка. – Замечательно, ничего скажешь. Лучше бы сдохла... Но, если взглянуть на с другой стороны, умирать я тоже не хочу».

Да-а-а... Положение было ужасно! В прошлом, на задворках города, на плите саркофага, стоящего в подземной гробнице, восседала молодая девушка – ученица ПТУ, абсолютно опечаленная. Оставалось одно – рыдать...

– О боже, обрез... Абдул, ты бы ещё бензопилу прихватил.

– Конечно, я её прихватил!

– Н-да, ума палата. Шестая.

– А вдруг тут зомби?

– Откуда им взяться? Их всех давно перебили... если они были. Но их, разумеется, не было, потому что зомбятиной только непослушных детишек пугать.

– И ещё зрителей блокбастеров.

– Вот святое не трожь.

– Не люблю спецэффекты.

– А я терпеть не могу словоблудных расхитителей гробниц.

– Как ты сказал?

– Опять не понял, да? Грабители-трепачи, грю, – отстой.

– А. Так бы сразу. Так понятно.

– Дверь взламывай.

– Пила мешает.

– Давай сюда!

– Ы... Ы-ы... Ы-ы-ы...

– Ай!

– Извини, Серёжа.

– Ага, щас как извиню тебя ломом, который в меня отско-
чил! По твоей милости.

– Опа-а...

– Что... там?

– Фигасе разруха.

– А откуда взялись гнилые деревяшки?

– И дыра в потолке.

– И... это что? Пивная кружка?!

– Но саркофаг-то на месте. Пойдём вскрывать. Только лом
принесу.

– Топай-топай...

Серёжа с интересом огляделся.

– Вот и я.

– Ёптель, Абдул! Тебе сколько раз говорить, чтоб не под-
крадывался?!

Абдул вручил напарнику лом.

– На кой он мне?

– Ты лучше орудуешь.

– Ла-адно. – Серёжа после такой наглой лести заметно смягчился. – Отойди. Ща будем... Ё.

– Да-да. Что?

– Видел?

– Где? Чего?

– Вон. По-моему, это кровь.

– Хм-м... – Абдул подошёл, нагнулся, чтобы поближе рассмотреть красное пятно. – Похоже на то. О! Серёж! Иди сюда. За саркофагом человек лежит.

– Единственный человек здесь я-а-а не пойму, чё за хрень?!

– Тело.

– Сам вижу, капитан Очевидность! Откуда оно?

– Она. Это девушка. Симпатичная. Только белая совсем.

– Переверни её обратно: до дрожи боюсь мёртвых людей!

– А неживых птиц?

Ворон, глубинно-чёрный, как... самый настоящий ворон, склонил набок голову, сверкнул глазом.

Рука Абдула начала совершать произвольные колебательные движения, выводя лучом фонарика замысловатые геометрические фигуры.

– Всевышний Аллах... эта тварь не дохлая!..

– Ну, чё ты так разнервничался? Птичку увидел и перепугался до мокрых штанов.

– Но откуда она здесь?!

– Оттуда же, откуда и я.

– Откуда?

– В смысле, откуда? Абдул, я ничего не говорил.

– «Если совершить ритуал воскрешения в месте, наполненном мощной древней магией, то удастся даже живого человека обратить умертвием без последствий для изменяемого в виде гниения и прочих неизменных спутников смерти; только кожа приобретёт нехарактерный для человека цвет мела; одежды, что носил превращаемый в момент проведения обряда, также будут не подвержены тлению». (Абдул Алхазред)

– Алхазред? Смешная у тебя фамилия, коллега.

– Серёж! – не выдержал араб. – Это не я!!!

– Ну, безусловно. Это я.

Неожиданно вспрыгнувшее, бездыханное до той поры тело повалило Абдула на плиты. Серёжа в ужасе отшатнулся, забиваясь в угол. Раздалось громоподобное «Кар-р!»...

– Вы утверждаете, – позёвывая, уточнила милая, но не особо умная служащая крупной страховой конторы, – что к вам явился живой мертвец в виде симпатичной стройной девушки с кожей... м-м-м... секундочку, я записала... да, вот, «словно у Белоснежки». Он... ну, то есть она заявила, что её зовут Трэш...

– Мэш.

– Мгм. А после того, как представилась, Мэш начала размахивать привязанной к руке включённой бензопилой...

– Именно. И, чтобы очень тяжёлый для хрупкой девушки инструмент не упал, придерживала его той рукой, где был обрез.

– Ясно. Размахивала, значит, требуя освободить квартиру?

– Да, причём – немедленно. Квартира-то её... Принадлежала ей, – поправился посетитель.

– Давно?

– В ХХI веке. Но потом хозяйка случайно перенеслась в Средневековье, и ей пришлось ждать восемь или девять сотен лет, чтобы заявить права на жильё.

– И чем же всё закончилось?

– Она превратила меня в ходячий труп, перед этим, чтобы не выпендривался, выбив зубы ломом.

– Но я же прекрасно понимаю каждое ваше слово. Да, и почему вы совсем не мёртвый?

– Не то чтобы прямо *совсем* не мёртвый...

Уставшая от непродуктивного диалога, страховщица отложила ручку, поджала губы.

– Знаете, – проговорила она холодно, – вам не сюда надо, а к доктору.

– Эх, тут полно народу... – с виду, нелогично отреагировал на это заявление собеседник. – Ну да ладно.

Придя к выводу, что иного выхода нет, мужчина обхватил худенькими ладонями голову в модных квадратных очках, снабжённую ряхой вдвое шире среднестатистической и ко-

ротко стриженными, соломенного оттенка волосами. Голову, до странного не вязавшуюся ни с комплекцией посетителя, ни с манерой одеваться, ни с цветом кожи на руках. Клиент поднатужился, поборолся – а через мгновение раздались громкие испуганные крики людей. Под аккомпанемент этих-то звуков изгнанный из квартиры зомби и оторвал от шеи вместилище мозга самолично убиенного вчера логопеда.

(Июль, август 2013 года)

Сложности посвящения (в члены одной влиятельной организации, известной своими крутыми законами)

(Соавтор – Павел Ганжа)

– Ты – позор семьи!

Колька хлопнул носом. Дядя был прав, он – позор семьи. По крайней мере, не гордость – точно.

– Даже больше, ты позор всей организации! Хотя о чём я говорю, какая организация! Тебя же не примут. Такие никчёмные личности нам не нужны.

Колька хлопнул носом ещё громче. На глаза наворачивались слёзы. Нет, не из-за обиды, а из-за... справедливости дядиных слов. Никчёмная личность – в точку.

– Вон уже глаза мокрые... – Дядя вздохнул. – Эх, нет в тебе жёсткости, племяш. Букашек разных жалеешь, с котиками играешь, ужигов, и тех привечаешь, короче, зверушек любишь... Ласковый, добренький. И размазня к тому же: чуть что – в слёзы. А если тебя на разборку послать, что ты там делать будешь? Плакать?

– Я не плачу. – Колька всхлипнул. – Это просто свет яркий слишком. И ветер ещё. И пыль.

– Вижу. Нет, ну скажи, как тебя, такого, в организацию

принимать? Толку же не будет. Ни «стрелку» забить, ни дань собрать, ни, прости господи, в морду кому сунуть.

– Будет толк. Если надо я... жёстким стану... И на стрелку, и в морду...

– Кому ты вешаешь лапшу на уши? Ты вон и Нюрки боишься. Между прочим, ваше общение мне очень не по нраву...

– Я не боюсь, просто... просто... – Колька не нашёлся, что возразить, и неожиданно даже для себя спросил: – А куда стрелку забивать?

– Тебе в... – Дядя хотел что-то добавить, но лишь шумно выдохнул. – Да о чём с тобой говорить. Тютя!

– Зато... зато я единоборствами занимаюсь!

– Да ладно?! – Дядя фыркнул. – И что, есть результат? Научился кирпичи грызть?

– Ну-у-у...

– Хвост веревочкой тяну. Нет, племяш, не дам я согласия на твоё вступление в семью. Ты испытания не пройдёшь. Да и посвящение тебе не нужно – зачем? Лишний раз опозориться?

– Не понял.

Дядя закатил глаза.

– А ты знаешь, какое у нас посвящение?

– Да, – радостно откликнулся Колька. – Знак ставят.

– Вот именно – клеймо на живот. Знак семьи. И это очень больно. Ты же или испугаешься, или разревёшься. И потом,

посвящение заслужить надо. А ты что для организации сделал? Ничего!

– Но я готов, сделаю... оправдаю... Пусть мне задание назначат! – собравшись с духом, выпалил Колька.

Дядя скептически посмотрел на племянника, хмыкнул и произнёс:

– Хорошо. Будь по-твоему... Вот твоё испытание – кого-нибудь из гадов конкурирующих кокнуть. А то в последнее время совсем распоясались. Куда ни плюнь – везде они. Даже на нас шипеть осмеливаются. За шкуру ихнего наши недорого дадут. Но, если с одним из паршивцев справишься, тебя в семью возьмём. Если же нет – извини.

– Замочить так замочить, – согласился Колька и уточнил: – Это в речку надо сбросить... или просто из ведра?

– Пошел вон, придурок! – заорал дядя.

Колька на мгновение съёжился от страха, а затем стремглав бросился к выходу. Вслед ему прогремело:

– И без доказательств победы над желтобрюхим гопником чтоб на глаза не показывался!

Колька чуть ли не галопом нёсся к выходу из малинника.

Наблюдавший за «пробежкой» дядя почесал за ухом. А потом сделал другой жест – условный, который был для многих тайной.

Слышавший диалог и получивший сигнал Усач бесшумно выскользнул из тени.

– Проследить, – коротко бросил дядя.

– Есть!

Колька бесцельно брёл по траве. Понуро опустив голову, он время от времени поёживался: то ли от холода, то ли от мыслей о своей никчёмности. А ещё размышлял, как завалить противника, которого он просто вынужден завалить, и куда бросить – на землю или всё-таки на солому. При этом враг должен быть хотя достаточно авторитетным, но менее опытным и опасным, чем сам Колька. Ведь тот в своей жизни и мухи не обидел.

В итоге, ситуация вырисовывалась удручающая. Вариант, что чудесным образом повезёт, отпадает. Шансов справиться с испытанием – ноль. Значит, к позору молодого пришьют ещё один факт – вот и всё...

Погрузившись в невесёлые раздумья, Колька упёрся в ствол яблони.

– Ай!

Лоб занял от боли.

Раскачивавшийся на ветру, давно созревший фрукт словно только того и ждал. Он просвистел в воздухе и свалился напрямиком на Кольку.

Однако эффект оказался не отрицательным, а, пожалуй, наоборот. Внезапная гениальная идея пришла в голову пожизненному неудачнику! Тот аж подпрыгнул на месте.

Прихватив яблоко с собой, Колька помчался назад.

Выбирая обходные тропки, чтобы не попадаться на глаза знакомым, Колька ступил на запретную территорию. Встал под раскидистым дубом. Огляделся. Никого не заметив, вполголоса позвал:

– Шиш.

Молчание.

– Ши-иш, выходи.

Молчание и свист ветра.

Пришлось окликнуть громче.

– Шиш, чтоб тебя!..

– Да тут я, тут, – раздалось из-за ближайшего куста.

Заглянув туда, Колька обнаружил старого друга сидящим на круглой каменюке.

– Клёво я спрятался, а? – похвастался друг. – Главное, близко. Но не отзовись – шиш бы ты меня нашёл. Даже зная, что я постоянно здесь тусуюсь.

– Ох и хитёр! Как аспид! А зачем строишь из себя малолетку?

– Сам-то лучше, подколка ближнего?

Колька приблизился к собеседнику почти вплотную.

– Ладно, хватит. Давай побеседуем о деле. Есть у меня одна проблема...

– Нет-нет! – перебил Шиш. – И не уговаривай! Звать твою подругу на свидание с тобой я больше не буду! Хватило того раза, когда я еле ускользнул от Нюркиных разъярённых

предков!

– Погоди...

– Ни. За. Что. Сам, сам! Умеешь влюбляться – умеи приглашаться!

– А как же отдать жизнь за друга?

– Чего-о?! Забудь. Баста!

– Каста, – зарифмовал Колька.

– Паста.

– Ласта.

– # [wú]. – Шиш занял категоричную позицию.

– Ла-адно... Видимо, нужно напомнить о твоём должке передо мной. – И Колька прищурился.

Друг испуганно вздрогнул и шикнул на него.

– Ты чего болтаешь? А если услышат?!

– Разве кому-то интересно, что ты подбивал клинья к дочери вашего главаря? – невинно поинтересовался Колька.

– Короче!

– Ну, мне-то всё равно, – не мог остановиться юный шантажист, – я для тутошних и так враг. По определению. А вот ты будешь вынужден пресмыкаться до конца жизни. Перед любым из ваших. Шишкой не станешь – зато получишь звание постоянного Шиша.

– Хватит, грю! Чего тебе надо-то?

Колька порадовался довольно лёгкой – и непривычной – победе. А затем объяснил. Коротко и доступно.

Шиш выпучил глаза.

– Чё ты пасть разинул? – не удержался преемник Чарльза Огестоса Милвертона. – Закрой скворечник – птичка залетит!

Шиш закрыл, но возмутился:

– Да чтоб я!.. Даже ради себя!.. Да никогда! Рассказывай кому хочешь о моём «преступлении» – плевать! Я... Ну-у!.. Да ты представляешь, что мне будет, если кто-нибудь прознает о диверсии?! Это же диверсия! Я же, выходит, помогу нашим злейшим...

– Ты просто боишься, – со знанием дела изрёк Колька и эффектно замолчал.

Шиш тоже примолк. И вдруг взорвался пуще прежнего:

– Это я боюсь?!

– А то кто же.

– С-с-скотина!.. А ну-ка отвернись!!

Сердечко весело запрыгало у Кольки в груди, когда тот понял: удалось! Он снова победил!

Будущий член сверхвлиятельной организации, самый молодой среди нового поколения, отвернулся.

Сзади что-то зашуршало.

– Яблоко будешь? – спросил Колька.

Шиш вновь не реагировал на его слова.

Не дожидаясь ответа, ловкий интриган, которого несправедливо принимали за размазню, сделал поворот на 180 градусов. И пошёл за добычей.

Вскоре Колька исчез из поля зрения, а его друг Шиш, неподвижный и освежёванный, остался лежать у большого камня.

Оценив положение, Усач тихо выбрался из кроны дуба и спустился по стволу. Держась в тени, разведчик отправился на доклад командиру.

Радости Кольки не было предела. Все собрались поздравить его. Все! Те, кому он успел рассказать, и остальные, которым сообщили проинформированные. Столько заинтересованных физиономий он не видел никогда. И столпившиеся не отводили от него глаз. Триумф! Третий подряд, да настолько крупный и... триумфальный!

Однако дядя почему-то не выглядел довольным.

– И что это? – осведомился он.

Колька позволил себе раздуться от осознания собственного счастья.

– Как это что, дядь? Доказательства!

– Доказательства твоей тупости?

Всего три слова, а звучат обидно. Он же прошёл испытание, он – принёс!

– Моей полезности, – поправил Колька.

– А я слышал, – проговорил дядя, – тебе друг помог.

– Пф-ф. Скажете тоже! Я сам... в смысле... его... – недавний герой замялся, – того... на этого...

В ответ – равнодушный кивок. А затем кивок на пресло-

вутые доказательства.

– А если мы спросим, что по данному поводу думает господин Усач?

– Усач?!

Сердце ёкнуло и тут же захолонуло, стоило неприметному, вездесущему информатору выйти на свет.

– Э-э-э... – философски протянул Колька.

– Не бойся, мой мальчик, всё будет хорошо, – обнадѣжил дядя. Выждал паузу, из-за которой «его мальчик» обеспокоился ещё сильнее. Потом продолжил: – Ты же один из нас. Так? Так. А своих за маленькие провинности мы жестоко не наказываем.

Колька позволил себе облегчѐнно выдохнуть. Фу-ух, пронесло... Но на всякий пожарный решил уточнить:

– Своих? То есть я теперь часть организации?

– Не-эт. – Дядя помотал головой. И промолвил: – Ты – часть моего кошмара. Ты поставил под угрозу безопасность целой семьи! Ты лодырь и оболтус!! – Громкость голоса руководителя организации возрастала с каждым предложением. Как вдруг дядя смягчился и завершил мысль спокойным тоном: – Хотя я тебя не виню. Молодняк надо грамотно воспитывать, чтобы из него вышел толк. Вот с этой минуты мы и возьмѐмся за твоѐ воспитание. Всей нашей большой, дружной семьѐй.

– Э-э... спасибо, – нашѐлся юнец.

– Не за что, – мирно сказал самый влиятельный из собрав-

шихся. – Ступай.

Глаза Кольки опять загорелись.

– Гулять?

– Да, чёрт побери, гулять!!! – заорал разбуженным медведем дядя. – Но только на исправительных работах! Десять нарядов вне очереди по заготовке еды на зиму! И чтоб был ниже травы – во всех смыслах! Вали давай!

Колька ретировался ещё на середине чрезвычайно эмоциональной отповеди, к тому же со скоростью, которой бы позавидовал козёл.

– Хе! Вы только подумайте! – Дядя не обращался ни к кому конкретно, но родственнички почли за лучшее согласно закивать. – Дружит со змеиным отпрыском... как его... Шишом! Лямуры-тужуры заводит с этой козой Нюшкой! Да ещё выёживается перед братьями по делу и без!

– Да, да, – подтвердил особо преданный «шестёрка».

– Что «да»?! – окончательно рассвирепел предводитель. – Лже-млекопитающее!

Раздались неуверенные смешки.

– К прочим тоже относится, – прервал веселье дядя. – Не проворные зверюги, а тормознутые улиточки! Зенки проглядели, языки пообчесали! Работать кто будет?! А ну марш на трудовые подвиги!

Толпу зевак как ветром сдуло.

– Тебя тоже касается, жучара, – спокойнее добавил дядя.

Усач проворно забрался под берёзовую ветку.

На земле от порывов низкого ветра поддёргивалась сброшенная молоденьким ужом кожа.

– Позор на мои седины! Этаким макарон, не дай бог, дойдёт до объединения всех трёх мафиозных кланов!.. О боже, какой кошмар... Нет, нет и нет! Не бывать этому – во всяком случае, пока я занимаю свою должность! Слить воедино Ежудзу, Тригаду и Коза Ностру!?! Ишь чего выдумали!

Дядя всегда отличался умом и сообразительностью.

Перебирая короткими лапками, он нехотя отправился инспектировать соплеменников. Обходя заросли малины, пожилой мафиози раздражённо вилял почти незаметным хвостиком и периодически фыркал. Приглушённо, с достоинством, как и подобает умудрённому опытом ежу.

(2012, 2013)

Пенталохия для непарнокопытных

(Соавтор – Павел Ганжа)

История первая. Чертовски верное решение

Под копытом что-то противно хлюпнуло. Хлыщщ посмотрел вниз и выругался:

– Черт! – Нога угодила в серую массу, судя по всему, помет какого-то животного.

Хлыщщ обтер копыто об траву и ухмыльнулся – себя помянул. Не к добру. Что, впрочем, хорошо. Для черта – хорошо. А для старшего черта третьего Круга Преисподней – тем более. Это вам не какой-нибудь мелкий демонишка или занюханный бесенок-истопник. Величина! Сам Повелитель с ним общается и даже доверяет выполнение ответственных поручений. Иногда – дважды в столетие. Можно сказать, правая рука Владыки Ада. Вот и сейчас Хлыщщ прибыл в Срединный мир не просто так, а по заданию Самого. Плевое заданье, если честно. С трех попыток в любом крупном городе страны мало-мальски приличную душонку прикупить. Для специалиста дело ерундовое, а особенно – для матерого профессионала уровня Хлыщща. Да он три души купит,

и не завалящих, а первостатейного качества! Цена-то им – стакан семечек в базарный день. И то если по оптовой цене брать. Правда, Повелитель строго-настрого приказал соблазнять грешников в конкретной стране Срединного мира, как ее там... забыл название. Что-то на «Р». Но заскоки высшего руководства критиковать – затея для неисправимых идиотов. И думать накладно.

Отогнав дурные мысли прочь, Хлыщ трансформировал копыта в щегольские туфли, а заодно и весь облик поменял. Оглядел себя и остался довольным: неплохой фасончик. Модно, стильно, практично – в лучших традициях. Одно раздражало – едва уловимое «амбре» витало в воздухе, и обрызгивание туфель духами не помогло избавиться от запаха. Авось со временем выветрится.

Эх, давно он в Срединном мире не безобразничал. А тут ведь хорошо! Хлыщ полюбовался серыми мрачными коробками домов, выбоинами на асфальте, приценился к редким суетливым пешеходам, пару раз хмыкнул при виде проезжающих автомобилей. Вот уж поистине дьявольское изобретение людишек – дымящие железные коробки на колесах. Удобное, полезное и убийственное. Надо предложить в Преисподней их активней использовать. Например, кишки на колеса наматывать или руль засовывать в... много мест интересных для таких упражнений есть. Да и здесь поозорничать не зазорно. Хлыщ даже облизнулся от удовольствия, наглядно представив, как здорово можно развлечься. И мечта-

тельно вздохнул, едва не хапнув порцию испорченного воздуха, но вовремя захлопнул пасть. Ладно, сначала работа, развлечения – потом.

– Что ж, за дело! – скомандовал себе черт и приступил к поиску потенциальных продавцов. Хотя чего их искать: вон, возле магазина унылый субчик трется – готовый кандидат. Мурло, конечно, замурзанное, небритое, одето неважно – рубашечка мятая, но душонка в наличии имеется вполне подходящая. И грехов не меньше, чем блох на собаке.

– Добрый день! – Хлыщ «материализовался» рядом с унылым субчиком и растянул рот в доброжелательной («тьфу» тринадцать раз) улыбке. – Как поживаете?

– Че? – удивилось мурло, попутно обдав старшего черта изысканным ароматом перегара.

– Хороший денек сегодня, говорю. – Хлыщ снова улыбнулся. – В такую погоду на природе бы посидеть, побеседовать с друзьями, закусить...

– А-а-а? – выдохнул мужик, насытив атмосферу еще одним неэкологичным выхлопом.

– Какой-то вы, батенька, не очень сообразительный, – посоветовал черт и уточнил: – Выпить не хотите?

– Че? – продолжало упорствовать мурло.

– Уф-ф! – Хлыщ понял: если он не изменит стиль общения, то убьет кучу времени. Этот талантливый индивид способен полоскать мозги до второго пришествия Повелителя, а такое промедление неблагоприятно отразится на ре-

путации старшего черта и, не исключено, на целостности его организма – тоже. – Короче, рабочий класс, трубы горят? Горят. Могу обеспечить ежедневную выпивку – без похмелья. Надо только небольшой договорчик подписать.

«Рабочий класс» тупо смотрел на собеседника и молчал.

– Хорошо, перейдем к наглядной демонстрации. Смотри. – Хлыщ ловко извлек из воздуха бутылку «Столичной» и повертел перед носом мужика. – Водка всегда будет. И не только водка. Что хочешь – коньяк, ром, спирт, пиво, вино, самогон. В любых количествах и что душе угодно. – Черт слегка хрюкнул, оценив невольный каламбур последних слов. – Усек?

Мужик пару раз моргнул, сглотнул слюну и прохрипел:

– А сам будешь?

– Что, пить? Нет – все твое.

– А че так? Брезгуешь?

– Да нет.

– «Технарь», что ли?

– Почему «технарь»? Нормальная водка – качественная! – оскорбился Хлыщ. – Нет, если хочешь, я выпью. Вопрос в другом. Пьем – хоть до посинения, но сначала нам с тобой одну бумажку подписать надо. Вот, почитай.

В руке мужика образовался свиток с проектом соглашения о продаже души. Однако потенциальный продавец читать не стал, а отшвырнул свиток в сторону. Не коснувшись земли, бумага вспыхнула и исчезла.

– Не буду я ничего подписывать, нашел дебила! Подпишешь, а потом квартиру отметет, тварь! Пошел нахрен! – Обдав черта очередным выхлопом, мужик качнулся и пошел в сторону магазина.

– Что?! Куда?! – заверещал Хлыщ, не сразу осознав, что рыбка срывается с крючка. – Не спеши, давай поговорим! Ты подумай, какие перспективы! И совсем без похмелья! – Черт догнал мужика и схватил его за плечо. – Да постой же!

– Тебе чего надо?!

– Погоди... – собираясь с мыслями, Хлыщ встряхнул бутылкой, словно это был решающий аргумент.

Аргумент сработал.

– Еще и «технарь» подсовывает, гнида! – радостно просипел мужик, резко развернулся... а потом черт воспарил. И не успев удивиться этому, ведь левитацию не применял, воткнулся невидимыми рогами в землю. Глубоко – до потери ориентации...

Когда Хлыщ очухался, несостоявшегося продавца души рядом уже не наблюдалось. Зато наблюдались головокружение (к сожалению, не от успехов) и ссадина под глазом.

– До чего неблагодарный народ! К нему со всей... кхе-кхе... душой, а он – в глаз, – пожаловался пространству Хлыщ, на скорую руку рассасывая ссадину и ликвидируя головокружение. Первая попытка оформить сделку явно провалилась. Матерый профессионал чуть рога не пообломал... в прямом смысле слова. – Нет, ну их, алкашей, к чертовой ма-

тери. Они буйные и неадекватные какие-то. С интеллигентным контингентом работать буду.

Интеллигентный контингент обнаружился в ближайшем питейном заведении. Хотя, скорее, заседательном, поскольку там было не меньше, чем мужчин, а представительницы слабого пола часто думают, что «посидеть» означает именно посидеть. За столиком в глубине заведения, в одиночестве, расположилась высокая, неохватная, с грудью сорок пятого размера женщина и, вздыхая, оглядывалась. Стрельба глазами ни к чему не приводила, даже несмотря на более чем весомые достоинства и обширный внутренний мир дамы. Никак не улучшали ситуации и духи, непрошибаемым ароматом окружавшие ее и заставлявшие соседей по столикам ручьями пускать слезу. Мужики, тоскливо вертевшие в руках бокалы с вином и мечтавшие о пиве, замечали ту, которую невозможно не заметить, но из инстинкта самосохранения не решались приблизиться к «мечте поэта». Как известно, женщины в обществе кавалеров не всегда адекватно реагируют на других прелестниц, а уж если те ярче, люминесцентнее, то... В общем, никому не хотелось Третьей Мировой.

Но Хлыщ был не совсем мужчиной – во всяком случае, не совсем обыкновенным: его не привлекали и не отпугивали цистерны тонального крема на лице, подведенные синим глаза, ярко-алые губы. Он не обращал внимания на фигуру, ему было наплевать на характер – главным в человеке для

него была *душа*...

– Разрешите присесть? – вежливо осведомился Хлыщ и, не дожидаясь ответа, мастерски подкрутив стул, элегантно плюхнулся на него.

Женщина скосила на него глаз, что сделало ее лицо еще люминесцентнее.

Хлыщ – воспользовавшись своим тайным умением – прочел в глубине зрачков дамы интерес, который она не очень умело пыталась скрыть. Отлично! Как говорят на Земле, рыбка сама плывет в сети. Но брызнуть на рыльце пару капелек настойки с ферромонами не помешает...

– Что здесь делает столь интересная дама, да к тому же одна?

Обаятельно и отчасти плотоядно улыбнувшись, Хлыщ подался в сторону упомянутой дамы и приобнял ее за плечи.

Глаза той заметались, как хорьки в норке, она занервничала. Похоже, к такому решительному приступу клиентка была не готова.

– Как вас зовут, прелестница?

– З... Зоя.

– Вот что, Зоя, дитя зноя, а не хлопнуть ли нам по рюмашке?

Хлыщ снова растянул губы в почти демонической улыбке, щелкнул пальцами – и из воздуха на столе появилось дорогое вино в бокалах. Рядом материализовалась закуска. Рыба, салат, хлеб, соус...

Черт поднял наполненный дурманящей красной жидкостью бокал и предложил чокнуться, пояснив, что к сумасшествию эта фраза никакого отношения не имеет. Зоя усмехнулась, немного зажато, но уже не ища пути к отступлению. Взор женщины, не менее аппетитной, чем представленная на столе еда, сосредоточился целиком и полностью на Хлыщце. Отлично, процесс идет!..

– Здесь со своим нельзя, – сообщила Зоя, опустив глаза долу.

– Да мы чуть-чуть. И никто не заметит. Уверяю вас.

– Ну... тогда можно... если вы так говорите, – продолжая смущаться, ответствовала дама. Румянец залил ее километровые щеки.

Они пригубили вина и отведали рыбы. И все время Хлыщ явственно ощущал, как растет градус в пределах невидимой защитной сферы, которую он сотворил. И речь шла не об алкоголе – это Зоя наконец начала проявлять интерес к красивому, щеголеватому мужчине, расположившемуся напротив.

– Вино бесподобно! – Женщина не отрываясь глядела в черные-пречерные зрачки черта.

Такая заинтересованность, с одной стороны, играла Хлыщу на руку, но с другой... А впрочем, что за детские предубеждения у дипломированного, многоопытного жителя Ада? Отставить ненужный страх и продолжить приступ!

– Значит, вам понравилось?

– Да! Очень! – с придыханием сообщила Зоя. И придвинула стул ближе к Хлыщовому.

– Э-э... – замялся тот.

– А вот скажите, – по-интимному, проникновенно произнесла женщина, – вы – такой симпатичный, умный, щедрый мужчина...

– Да?

– У вас есть жена?

– Нет, знаете, моя дорогая, я не по этой части...

– А-а-а... – разочарованно протянула Зоя. – Так вы *того*...

– Я не *того*! – чертовски разозлился Хлыщ. – Вовсе не *того*!

– Ага, – зачем-то сказала собеседница. – Так, может...

Внезапно Хлыщ почувствовал что-то мягкое и большое, касающееся его ноги. Он не стал заглядывать под стол – и так понял, что это была Зоина «ножка».

– Может? – переспросил ловец душ. Кажется, инициатива даже не утекала, а бурным потоком уносилась прочь.

– Может, мы с вами... ну, вы понимаете... познакомимся поближе? Я – привлекательна, вы – чертовски привлекательны, чего же зря время терять?

– Нет, вы не совсем правильно...

– А по-моему, совсем, очень даже совсем! – изголодавшаяся по мужскому вниманию Зоя подалась вперед, намереваясь обхватить ручищами-дубами стройного Хлыща. – Я

вам не верю! Я знаю, что вам нужно!

Черт резко вскочил из-за стола.

– Я... я вообще-то... – запинаясь, чего с ним отродясь – то есть много веков – не было, проговорил Хлыщ. – Я хотел предложить вам бесплатную дорогую еду и неограниченное мужское внимание...

– Зачем мне внимание, когда у меня есть ты!!! – рыкнула Зоя и, поняв, что тянуться к черту бесполезно, неожиданно резво покинула свой стул.

Она надвигалась на Хлыща неотвратно, словно отравившая ноги гора. Руки раскинуты в сторону, алчущее любви и ласки пламя беснуется в зрачках – и в глубине, и на поверхности, а губы...

Взглянув на губы, которые адски медленно раздвигались, готовясь впитаться в него смертоносным поцелуем, Хлыщ потерял остатки решительности. Мысли о лакомой душе вытеснил первобытный ужас, которого, по идее, он, как черт, не должен бы и знать. Это его все бояться, а не наоборот.

Но объясняться с приближающейся, неотвратимой опасностью бессмысленно, в подобных ситуациях выход один – бежать!

«Точнее, тактически верно передислоцироваться, – поправил себя Хлыщ. – И побыстрее!»

Он развернулся и бросился наутек. С первого раза ничего не получилось, так как он врезался в созданную им же невидимую защитную сферу. В темпе развеяв ее и вновь представ

перед посетителями заведения во всей красе, Хлыщ, набрав третью космическую скорость, укушенным звездолетом понесся к выходу. Задевая стулья и столы, зарабатывая синяки, слушая возмущенное «Эй! Смотри, куда бежишь, псих!», раздававшееся отовсюду, и плотоядное «Вернись, петушок мой! Су-усли-ик!..», доносившееся сзади, черт преодолел бесконечные двадцать метров и оказался на улице.

«Быстрее! Отсюда! Скрыться!» – рванным рефреном звучали мысли.

И он скрылся – в ближайшей подворотне. Там было уютно и спокойно. Концентрация эмоций заметно повысилась, когда мимо пробежала Зоя, все еще выкрикивавшая ласковые прозвища и хищником озиравшаяся по сторонам. Однако безопасное укрытие пришлось вскорости покинуть: стайка бомжей, отчего-то не слишком довольная собственной жизнью и явно заинтересовавшаяся Хлыщом, стала приближаться к нему. Слава богу... то есть, Повелителю слава, ловец душ не потерял ощущение реальности. Одна опасность сменяла другую – из огня да в полымя!.. Ну уж нет!

Взяв копыта в копыта, Хлыщ немедленно ретировался.

На свежем воздухе было приятно, но крайне волнительно: а что, если Зоя вернется? Решив не дожидаться этого счастья, черт помчался в сторону автобусной остановки. Как жаль, что он так и не научился телепортироваться. Перемещения сквозь пространство очень полезны в подобных ситуациях. И портативный телепорт не захватил – просто не

думал, что тот пригодится, а портал, запрограммированный перед вылетом на Землю, откроется только вечером. Пока есть время. Он должен, просто обязан заработать душу, хотя бы одну, хотя бы с третьей попытки! Осталась последняя возможность – ошибаться нельзя. Пораскинув мозгами, Хлыщ решил сменить тактику. Бывалые игроки знают, что, когда игра не клеится, надо «переломить карту». А старший черт считал себя бывалым игроком. Не везет в реальности Срединного мира – значит, стоит зайти с другой стороны, например, из виртуальности. Благо, всеобщая компьютеризация проникла даже в Преисподнюю, и опытные темные сущности не брезговали отлавливать грешников в социальных сетях. И проще, и суесть – по минимуму. Грешники сами в «паутину» стремятся, с азартом и рвением. Нет, людям, придумавшим социальные сети, в Нижнем мире следует памятник поставить. Или даже чертову дюжину монументов.

Конспиративная квартира, специально снятая на случай непредвиденных обстоятельств, ждала его на другом краю Москвы, и Хлыщ поспешил туда. Там есть выход в Интернет, по которому можно легко найти жертву и обработать ее.

Автобус, метро, потом снова автобус... На дорогу до квартиры Хлыщ потратил четыре часа. И за это время не единожды помянул тихим злым словом бывшего мэра, в период правления которого проблема пресловутых столичных пробок обрела свой немислимый размах. И пообещал что-то около шести с половиной сотен разнообразных развлечений

смещенному градоначальнику, если тот ненароком попадет под его юрисдикцию.

В конце концов, поездка закончилась, и Хлыщ переступил порог съемного жилья. Не откладывая дело в долгий ящик, черт уселся за компьютер.

Выбор потенциальных жертв в социальных сетях был огромным. К сожалению, параметры душ в виртуальном пространстве черти распознавали гораздо хуже, чем в реальности Срединного мира, и Хлыщ едва не потерялся в море информации. Но все же «выплыл», хотя и пришлось изрядно повозиться. Старший черт перебрал более сотни кандидатов, пока не нашел обладателя подходящей по всем статьям души. Отрок четырнадцати лет, судя по коммам в чатах и на форумах – сексуально озабоченный (а кто бы сомневался!), агрессивный, злобный, склонный ко лжи и предательству. Самый цимус. С подростками, вообще, полномочным представителям Преисподней всегда работалось легко. Да и души в пубертатном периоде особенно привлекательны.

Кандидата звали Ваней, но он откликался также на никнейм Джон-Джон. Хлыщ вступил в общение с озабоченным подростком, незастенчиво представившись Кристиной. Как легко догадаться, девочка оказалась ровесницей Вани и – о, совпадение! – училась в соседней школе. А то, что интересы двух подростков тоже полностью совпадали, так это само собой. И хотя Хлыщ торопился, опасаясь, что не успеет прикупить душу до открытия портала, подготовительную

работу черт провел на совесть. Кристина очаровала Джон-Джона. А кто бы сомневался – фотография, которую Ваня получил по «электронке», заставила бы пускать слюни даже пресыщенного развратника, не то что прыщавого подростка. И, естественно, Ваня готов был встретиться с новой виртуальной знакомой в реальности. В любое удобное время. Хоть завтра.

«Завтра» черта совершенно не устраивало, так же как и «послезавтра» или «на следующей неделе». Хлыщ немного пококетничал, промариновал кандидата, а затем нехотя согласился на сегодня, надеясь, что Ваня никуда не денется с подводной лодки. Ваня и не делся. Договорились встретиться через час в парке неподалеку.

Выключив компьютер, искуситель вздохнул. Увы, но при всей своей способности к трансформации принять облик девочки он не сможет – уровень пока не тот. Физиономию и фигуру еще сумеет изменить, но перенять женский голос, походку, пластику – не потянет. Такое под силу сущностям рангом не ниже демона. Что ж, придется идти на встречу в здешнем базовом облике. Разве что пачку фотографий «Кристины» стоит прихватить: если посулить Ване жаркие объятия красавицы – подросток не устоит. Главное, сразу его не спугнуть, а потом малец не отвертится. За шанс замутить с такой девахой любой пацан не то что душой – недавно подаренным ай-падом пожертвует. Вместе с ай-подом.

Мальца Хлыщ приметил, едва зашел в парк. Тот нарезал

круги возле памятника пионеру с горном. Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, черт направился к выюноше и сразу взял быка за рога. Вернее, мальчика – за локоть, чтобы не убежал ненароком раньше положенного.

– Что?! – почувствовав прикосновение, самозванный Ромео едва не подпрыгнул, но не сумел – черт держал его крепко.

– Привет, Ваня. – Хлыщ вежливо поздоровался и тут же сунул отроку пачку фотографий Кристины – авось отвлечется. А то еще, не дай Повелитель, орать начнет или убежать попытается. – Узнаешь? Присмотрись внимательно. Эта девочка может быть твоей подружкой. И не только подружкой. – Хлыщ подмигнул отроку, отчего паренек снова чуть не подскочил.

– Вы кто?! А где Кристина?!

– Кристина не смогла прийти, меня попросила. Но таких Кристин у тебя могут быть десятки, да что там – сотни. И ребята в школе тебе будут завидовать, ты будешь самым крутым и классным. А надо всего лишь...

– Пройти с дяденькой в кустики? – не дал договорить раздавшийся сзади ироничный голос.

Черт резко развернулся и увидел несколько молодых людей спортивной наружности. С резиновыми дубинками в руках. И недоброго вида. Нет, против человеческой злобы и агрессии Хлыщ, как и всякий нормальный черт, ничего никогда не имел, но именно сейчас ощутил себя... неудобно.

– Вы неправильно меня поняли... – проблеял представитель Преисподней, нутром ощущая надвигающиеся неприятности.

– А что тебя понимать, педофил недоделанный, сейчас в кустах спрячемся, там и побеседуем о правильном и неправильном. – Стоявший ближе всех к черту мордастый спортсмен согнул дубинку. Трое остальных окружили Хлыщца, отрезая пути к отступлению. Отрок Иван ловко выскользнул из захвата и, отпрыгнув к мордастому, протянул фотографии.

– Олег, глянь.

– Так дядя, значит, не только по мальчикам, но и по девочкам, – хмыкнул мордастый. – Многостаночник. Молоток, Ванька, хорошо сработал. А к гражданину придется вместо обычной профилактики двойную применить. И чего вам, педофилам, нейдется-то?

Тут черт догадался, что он не первый, кого поймали эти молодчики. И что он сам угодил в ловушку, превратившись из охотника в жертву. Почему-то стало очень страшно.

– Я не педофил, это ошибка! – заверещал Хлыщц и метнулся к памятнику пионеру, надеясь проскочить между спортсменами и монументом. Но не получилось. Один из парней ловко подсек копыто, и черт воткнулся рогами в землю. Второй раз за день. Мелькнула шальная мысль о том, что так часто бодаться с землей вредно для здоровья, но спокойно поразмышлять о пользе и вреде не дали. Сверху послы-

шался голос мордатого:

– Ну и зачем дергаться? Будет почти не больно. И, может быть, тебе даже понравится...

Похоже, вольные мстители не заметили, что у их «подопечного» есть рога. Однако это уже не имело значения... Хлыщц закрыл глаза, приготовившись к худшему.

– Эй, ребята, чё такое?

– Чё за фигня?!

– А? – Хлыщц с опаской открыл один глаз. Грозных воздаятелей с дубинками он не заметил, зато увидел нечто яркое, светящееся и такое родное-близкое, пусть и голубоватого оттенка. Черт даже улыбнулся. Улыбка его стала еще шире, когда он понял, что о нем забыли.

По счастью, портал находился всего в двух-трех метрах от него – но до него надо было добраться...

– Хренотень какая-то. – Предводитель вооруженных дубинками молодцев подошел к зияющему входу в иной мир, сунул в «прорезь» руку, а потом долго и витиевато высказывал свое удивление в матерной форме.

Остальные тоже приблизились к «какой-то хренотени», обступили ее, стали обсуждать. Предатель и иуда Джон-Джон-Ваня вместе с ними.

– Глядите, оно сужается.

«Вот черт!» – подумал Хлыщц.

И, пока все восхищались и изумлялись, он успел раскачаться до такой степени, что выдрал из земли рогами при-

личный кусман и сделал эффектное сальто. Это привлекло внимание двуличного Ивана, который тут же похлопал по плечу своего старшего товарища.

– Убегает! Убегает же,!

– Ах, как нехорошо! Такой молодой, а такими словами ругаешься! – Хлыщц покачал головой – а в следующую секунду вскочил на ноги и не раздумывая (на раздумья времени не оставалось!) прыгнул в портал, съездившийся уже до половины от первоначального размера. Черт оказался на спине у главаря мстителей и повалил того. С криками и руганью парочка скрылась в сверкающей «дыре».

– Э? Куда! А мы?! – загомонили оставшиеся по ту сторону и тотчас принялись прыгать в блистающий ссыхающийся круг...

... – Ну что ж, Хлыщц, со своим заданием ты не справился. – Повелитель сделал паузу и обвел присутствующих взглядом. Огонь в его красных глазах полыхал как обычно, правда, черту казалось, что он видит в них странный блеск. Заинтригованный, а ещё по-прежнему слегка напуганный, Хлыщц вслушивался в каждое слово дьявола. – А поскольку ты проштрафился, мне следует тебя наказать.

При слове «наказать» присутствующие как-то странно ухмыльнулись.

Хлыщц чуть не поперхнулся, но сделал вид, что все в порядке.

– С другой стороны, – продолжал Повелитель, – ты доставил мне таких прекрасных новых агентов Срединного мира, что... в общем, очень ценные кадры. Сильные. Умные. Хитрые. Опытные. Беспринципные. Но при этом четко знающие грань, которую нельзя переходить. Со здоровым отношением к душе. Возможно, с их помощью нам удастся отрезвить общество.

Хлыщц вылупился на Повелителя, не веря своим ушам.

– Да-да, мой дорогой слуга, отрезвить общество Срединного мира и наставить его на путь истинный. А почему? Потому что современные политики, бизнесмены и иже с ними сделали населению такую прививку неверия, что даже самые опытные душекрады не способны урвать кусок. Вот как ты сегодня. Твой отчет заставил меня... м-м... поразмыслить. – И вновь что-то сверкнуло в глубине зрачков Повелителя, но лишь на миг. – И я подумал: если дела Срединного мира столь плохи, ему нужно помочь. Общеизвестно: когда царит порядок, люди охотнее жертвуют чем-то, чтобы стало еще лучше, – например, собственной душой. И легче придумывают себе всякие ужасы и глупости. Короче говоря, отныне ты – не черт, ловец душ, а первый добровольный – я подчеркиваю, *добровольный*... Или ты не согласен? Может, тебя подвесить за причинное место? Нет? Я не сомневался... Ты – первый добровольный посланец мира на Земле от Ада. Вместе с этими замечательными ребятами ты будешь следить за порядком в подведомственном городе, воспитывать в людях

благие чувства, бороться с несправедливостью, с бандитами и прочей нечистью... именно что вроде тебя. Как долго? Ну, поработайте немного, а там посмотрим. И считай это привилегией! Тебя что-то не устраивает? Все в порядке? Тогда – аудиенция закончена. Дверь там. Ах да, выплаты – каждую последнюю пятницу месяца по итогам работы. До свидания.

Повелитель повернулся к окну, обратив взор на пещеру и хлещущий о ее каменный бок поток лавы.

Мстители вместе с Ваней и чертом, поклонившись, покинули просторный и богато обставленный кабинет. Щеголеватый бывший душелов непрестанно посматривал на своих спутников, а те косились на него, и взгляды их Хлыщцу совсем не нравились.

Когда члены новосозданной организации «Благое единство» (сокращенно: «БЕ») скрылись за дверью, странное свечение в глубине глаз Повелителя в третий раз проявило себя. Оно разгоралось все сильнее и сильнее, становилось ярче и ярче, а затем вспыхнуло и озарило кабинет. Тогда дьявол, наконец, вспомнив историю, красочно рассказанную Хлыщцом, согнулся пополам и зашелся в приступе хохота.

Решение отправить зарвавшегося черта на это испытание оказалось чертовски верным! Личный врач, видя, как сильно выматывается владыка Ада на работе, советовал ему поберечь нервы и всерьез задуматься о здоровье. Вот Повелитель и повеселился от души, во всех красках представляя себе злоключения подчиненного, а смех, как известно, повыша-

ет тонус и улучшает работоспособность. Мало того: теперь создана новая, экспериментальная организация «БЕ», руководителем которой назначен Хлыщ. А с таким местечковым боссом можно не бояться ни хандры, ни синдрома хронической усталости. Уж в этом можно быть абсолютно уверенным!

История вторая. Что-то знакомое

Щелк!

Сбитая метким плевком муха врезалась в стену и растеклась темным пятном по обоям. Почти вся стенка была заляпана отметинами – своеобразный мушиный мемориал, но свободное место еще оставалось. И мухи по офису летали, предоставляя Хлыщцу возможность упражняться в меткости. Он этим и занимался. А что прикажете делать отставному душелову?

Эх! Совсем недавно Хлыщ был не абы кем, а старшим чертом третьего Круга Преисподней. А сегодня он... генеральный директор ООО «Благое единство», сокращенно – «БЕ». С одной стороны, вроде повышение, начальник, несколько местных балбесов-отморозков в подчинении, офис и прочее, а с другой – скука смертная, что характерно для Срединного мира. Балбесы-то местные заняты, бегают по городу, добрые дела творят, а тут... хоть мух плевками сбивай. Ну, не будет же черт сам людей к хорошим поступ-

кам склонять! Это противоестественно!

А ведь раньше Хлыщ занимался закупкой душ в разных мирах. Золотое времечко! Все было здорово до последнего случая, когда он провалил поручение Повелителя Ада и не сумел купить душу в Срединном мире. С трех попыток. Повелитель рассердился, и теперь Хлыщ с подчиненными должен «отрезвлять общество Срединного мира и наставлять его на путь истинный». А отрезвлять и наставлять не хочется. Наоборот, есть желание пить и наставлять рога. Благо, что рога у Хлыща очень симпатичные. И многим самкам нравятся.

Вот вернуться бы в прежние времена... Стоп! А почему бы и нет? Он вполне способен самостоятельно подыскать подходящего негодяя, купить у него душу, и – вуаля! Договор подписан, Повелитель убеждается, что низкий уровень продаж душ в Срединном мире для настоящего профи не помеха, и возвращает отличившегося черта на старую работу. Живую и нескучную.

Хлыща настолько взволновала посетившая голову идея, что он промазал по очередной мухе. Насекомое, радостно жужжа, взлетело к потолку и уселось на лампочке. Там муху и накрыл повторный «выстрел» черта. И лампочка уцелела. Добрый (ха-ха!) знак. Черт подскочил с кресла и, нервно подергивая хвостом, забежал по кабинету. Даже не обратив внимания на то, что его всегда безупречный костюмчик – неременный атрибут здешнего облика – слегка помят.

Решено! Он начинает поиск подходящей души. И без виртуальных излишеств. Хватило прошлого раза, когда после безобидного знакомства на одном из форумов местные борцы с извращенцами – нынешние подчиненные – в реале черта обманули, избили, обозвали педофилом (сволочи!) и чуть не... впрочем, неважно. Нет, никаких интернетов и социальных сетей. Ну ее – эту бесовщину! Лучше прямое и непосредственное общение с нормальными негодями и мерзавцами.

А для начала неплохо прошвырнуться по городу – приняться. Заодно и копыта размять...

Перво-наперво надо задействовать сверхчутье, которое никогда не подводило, ну, вот, как хотя бы в прошлый раз... Хлыщц поморщился и постарался наконец отогнать неприятные мысли. Не время и не место предаваться грусти, тем более что впереди – Перспектива, а прямо напротив него – первый кандидат...

Черт юркнул, приблизился, приняхался, чем вызвал у кандидата сначала недоумение, а затем резкую враждебность. Человек, которого обнюхивал инфернальный пришелец, был одет броско: в штанах-шароварах, в сдвинутой набок кепке, с огромным крестом поверх серого балахона. Типичный рэппер. От «музыканта» исходил концентрированный запах беды в смешении с ароматами воровства и гопстопничества.

– Те че надо? – Рэппер зыркнул из-под кепки угрожающе

и, как мог, brutally.

– Да ничего, ничего... – Памятуя, как закончился последний разговор с молодыми землянами, черт решил бочком-бочком самоликвидироваться.

– Че ты на меня зыришь? – зло произнес меломан – и с нажимом добавил: – Ты че, гОмОдрил?

Хлыщ улыбнулся и скрылся за углом.

Нет, этот не пойдет: слишком молод и агрессивен, а к тому же недостаточно плох. Вот был бы он годков на десять постарше... Хотя к тому времени он может излечиться от вредных привычек. Так, ладно, перейдем к следующему кандидату. Ну-ка, ну-ка... а это кто?

Очень большой и пузатый мужчина в синей форме прошел мимо. Он как-то недобро скосил глаза на начальника «БЕ», и Хлыщ едва удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу. Точно! Он ведь все еще в этом щегольском наряде! Надо бы его сменить, а то современные жители Срединного мира странно на него реагируют. Везде им мерещатся извращенцы и преступники. С чего бы, интересно?

«Форменный» мужчина, со звездой майора на погонах и надписью «Полиция» на одежде, оглянулся. Остановился. Снял с пояса рацию и начал что-то в нее наговаривать.

Ухмыляясь во все лицо неизвестно кому, Хлыщ нырнул в подворотню: тут безопаснее! Полицейские такие места обходят стороной. И правильно делают... Запах от ментов исходил, в целом, подходящий, но инстинкт самосохранения

заставлял обходить их стороной. На всякий, знаете, случай...

«Что же делать?» – задумался Хлыщ. Как вычислить подходящую кандидатуру? Да еще в столь опасном и густонаселенном городе. Казалось бы, это должно играть на руку служителю Ада – ан нет! Народ, привитый неверием – спасибо правительству! – не доверяет потусторонним существам. Даже обаятельным профессионалам вроде него, Хлыща. И пытается всячески этим профессионалам навредить...

Черт чуть было не впал в уныние, но вдруг... Вот оно! Вот тот запах, которого он ждал! Не жиденький, как у рэппера, и не чересчур густой, как у полиция. То, что надо. Правда, с неким оттенком? Принюхиваться не хотелось – все мысли Хлыщ направил на то, чтобы поскорее разобраться с придуманным «заданием». Надо действовать, надо спешить! А то вернутся помощники, не найдут его на месте, и что тогда? Служитель дьявола отогнал и этих назойливых ментальных мух. И заодно успокоил себя тем, что отношения с беспредельщиками из Срединного мира у него сложились нормальные. Дружеские. Да братские, можно сказать! Вроде бы...

Запах тем временем удалялся.

Хлыщ вылетел из подворотни так, словно бы встретил там чертоядную бездомную кошку-великана. Огибая людей, что недовольно покрикивали на него, когда он задевал их локтями, бывший душекрад неся навстречу своей судьбе. Он уже планировал, что выпрыгнет перед ней... правильно, как из-под земли. Как черт из коробочки. Смутит, озадачит

ее – судьбу – и, воспользовавшись моментом, заговорит оной зубу. А потом...

Что-то мягкое прекратило течение мыслей и бег по асфальту. Чертовски сильно отпружинило отставного душекрада, отбросило, повалило на дорогу. Сразу раздался гомон недовольных голосов:

– Разлегся!

– Другого места не нашел!

– Пьянь подзаборная!

– Куда прешь?! – Последний возглас принадлежал судьбе.

Потирая ушибленное место – чуть пониже спины, – Хлыщ поднял взгляд и увидел ее – точнее, его.

Толстый.

Лысый.

В костюме.

Представительный.

С хитро поблескивающими глазами.

Ну! Точно то, что надо! Ведь он, Хлыщ, никогда не ошибается!

Таких типчиков, уверенных в собственном превосходстве – как умственном, так и физическом, – разводить одно удовольствие.

Толстяк заметил, что на него взирают, и, похоже, истолковал это по-своему. Недовольно хмыкнув, он подал руку, чтобы помочь черту подняться.

– Пршу прщения! – проговорил Хлыщ в своей фирмен-

ной манере – и ослепительно улыбнулся. А после мысленно обругал себя: облик-то он так и не сменил. Вот же черт! Еще примут опять за какого-нибудь... гОмОдрила... когда уже все на мази: контакт установлен, жертва заинтересовалась...

Но то, чего опасался Хлыщ, не произошло. Случилось другое.

– Приношу свои извинения, что ненароком сшиб вас. – И толстяк тоже улыбнулся, и тоже – ослепительно.

На мгновение это даже оторвало Хлыща от реальности. «Надо же, а мужик-то, кажется, – родственная душа. Как-то жаль такого облапошивать... Ну да ничего не попишешь: работа есть работа».

– Нет, это Вы меня извините.

– Не стоит...

Чтобы не заходить на очередной круг взаимных расшаркиваний, Хлыщ откашлялся и спросил:

– Скажите, а вы куда не спешите?..

...Собеседник никуда не спешил. Более того, сегодня он и не планировал ничем заниматься. Только-только в фирме, которую возглавлял толстяк, успешно закончились переговоры, и генеральный директор решил устроить для себя отдых. А заодно отметить подписание договора.

– Договора?! – вдохновился Хлыщ. – Какая прелесть! Вам просто необходимо это обмыть.

Толстяк упираться не стал...

... – Хорошо пиво. – Толстяк поднял кружку разливно-

го. – Меня, кстати, Никита зовут. Но лучше – просто Ник.

– Очень приятно, а я – Хл... кхе... – Хлыщц закашлялся, сообразив, что чуть не спалился. Слишком расслабился.

– Как?!

– Кхе... Хлыщов, Петр Хлыщов.

– Хорошее имя. Давай сразу на «ты»? Не возражаешь?

– Нет, конечно.

– Молоток, Петро. Ну, – Толстяк шумно выдохнул, – сначала за знакомство!

– За знакомство!

Они чокнулись под давно знакомый обоим гул пивной. Хлыщц выпил полкружки и решил потихоньку брать быка за рога. То есть собутыльника – за жабры. Пока он тепленький.

– Уф! Ник, а чем твоя фирма занимается?

– А так... всем помаленьку. Продаем, покупаем, информационные услуги, посредничество, то-се... На вот. – Толстяк сунул руку в карман, достал визитку и протянул Хлыщцу.

– Генеральный директор консалтингового агентства «Ро-КоКо», – прочитал черт и уважительно покивал. Умеют же современные жители Срединного мира умные слова применять. – Красивое название.

– Спасибо. Еще по одной?

– Конечно, – оживился Хлыщц, – а можно и по две.

– И по водочке?

– Не возражаю!

– Приятно встретить родственную душу, черт возьми!

Хлыщ невольно хихикнул над понятным лишь ему каламбуром и, дождавшись, когда официантка расставит кружки пива и графин с водкой, полюбопытствовал:

– Ник, а тебе по работе часто приходится договоры заключать?

– Петя, скажу тебе по секрету, как гендир гендиру, моя работа, по сути, в этом и состоит.

– То есть, ты подписывать договоры не боишься? – обрадовался черт.

– Ты шутишь? Нет, конечно. За разумный риск!

Выпили еще по одной. Потом еще по одной. И еще... кажется. Хлыщ продолжил разговор на интересующую его тему:

– Значит, рискнуть не слабо?

– Спрашиваешь! Кто не рискует... ну, ты сам в курсе.

– Ох! – Даже хвост зачесался от предвкушения. – А если, допустим, исключительно гипотетически, что тебе предложили исполнить любую мечту. Не бесплатно, понятно, а, например, в обмен на душу... Согласился бы?

– Любую? А десять миллиардов?

– Хоть двадцать.

– С неограниченным бюджетом?

– Именно.

– Не вопрос. Согласился бы. В обмен на душу – считай,

бесплатно.

– А не гипо... гипоте... гипопо... – Хлыщц неожиданно обнаружил, что у него заплетается язык. То ли от волнения, то ли от пива с водкой. И заклинание отрезвления не припоминалось. – Уф! А если на самом деле – договор такой подписал бы...

– Договор – дело... ик... серьезное... – промычал Ник и назидательно ткнул соленым огурчиком в направлении потолка. – Тут... ик... без юриста – никуда.

– А с ним?

– С кем? – удивился толстяк и вперил мутный взор в огурец.

– С юристом?

– Каким... ик... юристом?

– Ну, ты сказал, что без юриста никуда, а с юристом?

– А с юристом... ик... куда! – подтвердил Ник и рухнул мордой в салат.

Хлыщц хотел было помочь потенциальному деловому партнеру и даже привстал, но стул предательски выскользнул из-под хвоста, и пол больно ударил в пятак...

... – И долго мы спать собираемся? – раскаленной иглой впился в мозг чей-то смутно знакомый голос. Черт вздрогнул, открыл глаза и простонал:

– Что?

– Хватит дрыхнуть, говорю!

Хлыщц приподнял тяжеленную – тонн эдак двадцать – го-

лову, осмотрелся и озадачился банальным, но классическим:

– Где я?

– В офисе у меня, в комнате отдыха диван продавливаешь, – пояснил кто-то.

Черт собрался с силами, перевернулся на бок и сел. Перед ним стоял вчерашний собутыльник... Ник вроде бы. Что-то Хлыщ от него хотел... но вспомнить не мог. Так же как и заклинание от похмелья. И комнату, в которой находился... А тут еще голова трещит – даже чудится, что рога отваливаются. Слава Повелителю, невидимые для жителей Срединного мира. С трудом пошевелив языком, черт поинтересовался:

– А мы тут вчера пили?

– Заканчивали, – хмыкнул толстяк и протянул черту стакан. – На, глотни, полегчает.

Хлыщ обреченно принял стакан и влил содержимое в пасть. А ведь и правда полегчало. Черт почуял тот самый памятный аромат и вспомнил, не все, но душу он хотел у толстяка купить – точно.

Словно почуяв мысли черта, Ник спросил:

– Про договор насчет желаний и продажи души ты серьезно говорил или трепался?

– Совершенно серьезно. А-а-а?... – протянул Хлыщ, не зная, как сформулировать вопрос о том, почему Ник ему поверил.

– Фокусы твои вчерашние убедили, – вновь продемон-

стрировал недюжинную проницательность Ник. – Особенно сто тысяч баксов, вытащенные из воздуха. Сильно! Я, кстати, сегодня их проверил – подлинные.

– И ты не против договор подписать? – боясь спугнуть удачу, осторожно закинул пробный камень черт.

– Нет, конечно. За сорок миллиардов я и почку продам – не то что душу. Только, как и обсуждали, договор будет составляться при участии моего юриста.

– Ага, – внутренне ликуя, согласился Хлыщ. – А он не удивится тому, что договор... немного необычный.

– Да он такие сделки проворачивал, что и чертям не снились!

– Неужели? – усомнился один из тех, кому и не снилось.

– Точно! – Ник открыл дверь и позвал: – Яков Натанович, заходите.

В комнату протиснулся худощавый лысый человечек с бородкой и представился:

– Лейбович, юрист.

– Э-э-э... Петр Хлыщов.

– Все вопросы обсудите с Яков Натановичем, он – в курсе. Когда проект будет готов – меня позовете. – И толстяк выскользнул за дверь.

Черт не успел даже возразить. Ну ладно, юрист так юрист.

– Ну-с, приступим, – едва за Ником закрылась дверь, сказал Яков Натанович. Он забавно картавил и вообще был по-своему умильным «парнем». Юрист принялся выкладывать

на стол какие-то бумажки. – Вопросов у нас очень много, поэтому не станем терять время. Сделка будет с отсроченными платежами, поскольку Никита Андреевич желает получать выплаты не единой суммой, а несколькими траншами. Кроме того, необходимо оговорить массу пунктов, начиная от сроков исполнения договора и заканчивая ответственностью сторон...

– Что ж, приступим...

...Спустя четыре часа Хлыщ пожалел о том, что согласился на составление договора юристом. Лейбович вынес ему мозг. Полностью. График платежей, валюта, качество предоставляемого товара – души, порядок изменения договора и внесение дополнительных соглашений, бесчисленные права и обязанности, порядок урегулирования взаимных претензий... Условий сделки оказалось столько, что черт потерялся в этом океане разделов, пунктов и подпунктов. Хлыщ пробовал отмахиваться от некоторых уточнений, мол, зачем обговаривать качество товара, ведь душа и в Срединном мире душа, чего ее описывать, а запах на бумаге не отразить, но юрист лишь укоризненно смотрел и назидательно произносил:

– Батенька, в соглашении должно быть учтено все.

И гнул свою линию.

Когда на пятом часу обсуждения Яков Натанович осведомился о каком-то очередном маловажном пункте – вроде погоды на момент заключения сделки, – Хлыщ не выдер-

жал, взбеленился и аж нелитературно выругался. Можно даже сказать – парламентски.

– Зря шумите, сделка очень важная – на серьезную сумму. Тут и запятые важны.

– Ладно, – сдался черт. – Давайте так: составляйте договор, а я завтра приду – прочитаю, и мы его с Ником подпишем. Идет?

– Хорошо. – Юрист недовольно поджал губы. – Сделаем по-вашему...

...На следующий день Хлыщ пребывал в приподнятом настроении: как же, ведь с минуты на минуту будет завершена такая важная для него сделка! Он докажет Повелителю свою профпригодность. Избавится от этих агрессивных молокососов странной ориентации, что свалились ему на рога. И сможет снова беззаботно жить себе поживать – хотя в Аду используют слово «существовать», поскольку жизнь и смерть там понятия растяжимые.

– Ля-ля-ля-а, – напевая, черт постучал в дверь. – А ну его к черту. Можно? – осведомился он и, не дождавшись ответа, зашел внутрь.

Там его уже поджидали Ник с Яковом Натановичем. Рядом с ними, на столе, что-то возвышалось, но Хлыщ не сразу понял что. Понял он это, только когда обменялся рукопожатиями с будущими партнерами и те синхронно кивнули ему на миниатюрную пирамиду. Хлыщ присмотрелся и ахнул.

– Это что? Договор?!

– Абсолютно так, батенька.

Гендиректор с хвостом повернулся к юристу.

– Зачем надо было наваливать такую кучу? Я предполагал, что мы обойдемся двумя-тремя листками, а тут я вижу Останкинскую башню!

– Спокойно, Петр. – Ник положил руку черту на плечо. – Яков Натанович знает, что делает. Он юрист опытный.

– Но как ему удалось за ночь...

– Я же говорю, он опытный человек. Кроме того, у него были заготовки... В общем, неважно. Главное, договор составлен. Ну, ты же сам, кажется, просил, чтобы Яков Натанович обо всем позаботился? Вот он и позаботился. – Ник вновь ослепительно улыбнулся, а Хлыщ опять обратил внимание на странную составляющую в запахе души этого человека.

«Наверное, так пахнет обаяние. Или честность. Что один черт!»

– Ну так не будем терять время – и приступим!

Черт ловким, давно отработанным движением извлек из-за пазухи ручку. Пока Ник находился рядом и ничего не подозревал, прислонил ручку к тыльной стороне кисти бизнесмена и нажал маленькую красную кнопку.

– Ай!

– Спокойно, Ник. – Теперь настала очередь Хлыща улыбаться. – Я всего лишь набрал немного твоей крови – как раз

столько, чтобы было чем подписать.

И передал ручку человеку.

Тот повертел ее перед глазами, усмехнулся-ухмыльнулся и, присев за стол, поставил подпись на договоре.

– Отлично! – Черт чуть не запрыгал на месте, но сдержался. – А теперь я.

Он выхватил ручку. Слегка поморщившись, набрал крови у себя и вывел заковыристую закорючку рядом с красивой и ровной подписью Ника.

– Ну вот, замечательно, – подытожил черт, убирая письменную принадлежность на место. – А теперь я заберу твою...

– Кхе-кхе, – откашлялся, привлекая к себе внимание, Ник. – Ты ничего не забыл, *партнер*?

– А? Что? – Хлыщ, уже готовый к перемещению души, выглядел растерянным.

– По-моему, ты что-то забыл.

– Например, прочесть контракт, – подсказал Яков Натанович.

Отставной душелов непонимающе воззрился на двух людей. Потом хлопнул себя по лбу и рассмеялся.

– Конечно, какая же сделка без хорошей шутки!

– А никто и не шутит, – произнес Ник, и ни доли юмора Хлыщ не расслышал в его голосе.

В горле отчего-то пересохло: черт ненавидел, когда такое происходило. Он рванулся к бумажной горе, насчитывавшей

триста листов, не меньше, и стал рыться в ней.

– Пункт о продаже, – любезно подсказал толстяк.

Хлыщц вернулся к оглавлению, просмотрел его, нашел нужный пункт, раскрыл его, прочел – и замер.

– Но... но... но...

– Вас что-то не устраивает, уважаемый? – поинтересовался Яков Натанович.

– Но... как это душа Никиты Преображенского переходит ко мне после смерти?! После *моей* смерти!!!

– Что вы возмущаетесь, милоч: вы же сами подписали контракт.

– Но я же не знал... я не... гм. – Рогатый хитрец замолк. Весьма неприятная мысль билась в стенки черепа – мысль о том, что здесь и сейчас обдурили совсем не того, кого должны были! – Я протестую... – начал Хлыщц, но Ник, изобразив на лице вечную скорбь, прервал его взмахом руки:

– Это можете обсудить с моим юристом. Но вряд ли он пойдет навстречу.

– Сие было бы крайне невыгодно, – картаво и категорично сказал Яков Натанович.

Хлыщц сидел, ошарашенный. Руки на автомате листали договор, глаза вчитывались в исключительно мелкий, почти нечитабельный шрифт.

«По этому договору выходит, что я ему должен... СКОЛЬКО?!»

Черт вскочил с места.

– Плюс ежемесячные выплаты, – будто прочтя мысли Хлыщца, заметил Ник.

И как же теперь расплачиваться с бывшим «партнером»? Огромных усилий стоило достать те сто тысяч из воздуха. А если еще учесть, что на представителей Ада наложен лимит в создании денежных средств...

– Ах вы!.. – Не договорив, Хлыщц бросился на довольных, широко улыбающихся людей, готовый разорвать их в клочья. Но этого сделать ему не удалось: словно бы из ниоткуда появились два мордатых двухметровых детины с мускулами, что твои арбузы, и положили пудовые ручки на плечи разгневанному черту.

– Спокойно, товарищ, – пробасил один.

Второй смерил Хлыщца тяжелым взглядом, но промолчал.

– Я... я... не знаю ничего ни о каких условиях! Лично я отказываюсь платить! – пропищал тот, кто совсем недавно был душекрадом. – Это нечестно! Это обман! Подлог!

– А разве меня ты не собирался обмануть? – уточнил Ник.

– Не имеет значения!..

– Очень даже имеет. В общем, так: мне все равно, черт ты или обычный проходимец. Но если ты сумел достать те деньги, достанешь еще. Иначе...

Хлыщц взглянул на каменное лицо одного из верзил – все стало понятно без слов.

– Но я же не могу умереть. Это нонсенс. Договор бессмыс-

лен, а значит, недействителен. – Черт даже внутренне возликовал – решение найдено!

Однако он поторопился с выводами.

– Это ничего, – продолжил Ник. – Ты внимательно прочитал пункт о крови?

– Чиво? – совсем убито произнес Хлыщ.

– Подписывать договор надо было чужой, заранее приготовленной кровью – во избежание заражения. А теперь, по твоей милости, мне придется сделать себе неприятный, болезненный укол.

Черт было ухмыльнулся, но следующие слова быстро вернули его в реальный мир:

– Однако гораздо неприятнее и болезненнее будет тебе, если ты откажешься платить. И если ты думаешь, что мы тебя из-под земли не достанем, то крупно ошибаешься.

– И не таких доставали, – глубочайшим басом произнес один из молчавших до того мордоворотов и подмигнул Хлыщу. – Фирма «РоКоКо» веников не вяжет.

– Скажите хоть, что значит РоКоКо? – взмолился Хлыщ.

– «Рога и Копыта Компани».

Черт едва не сполз под стол...

...«Да что же такое? – перетаскивая кирпичи, размышлял Хлыщ. – Что за неудачи преследуют меня? Сначала те три попытки, теперь этот договор, из-за которого я вынужден подрабатывать аж на четырех работах! Так недолго и ко-

пыта отбросить!..»

– Эй, Хлыщ! Ты че там замечтался? – проорал луженой глоткой прораб.

– Иду, иду.

Строительство дома... мытье полов по вызову... распространение листовок... и, стыдно сказать, активная пропаганда здорового образа существования в одной захолустной фирме... На что только не пойдешь, чтобы заработать лишний лимит на создание денег. Но это еще не все! Мало того, что сотворённые деньги, до последней копейки, приходится отдавать бандитам и мироедам во главе с Преображенским, надо еще упрашивать Повелителя, чтобы он выдавал средства на проживание в Срединном мире. И возглавлять опостылевшее «БЕ». И держать рот на замке – чтобы дьявол не узнал. Потому что, если узнает...

Хотя, судя по хитрой, снисходительной и странноватой улыбке, которой Повелитель каждый раз встречал Хлыщца, владыке все известно. Но почему же он ничего не предпринимает?..

Задумавшись, черт уронил кирпич – прямо на ногу.

– Вот!.. – прокричал гендиректор, припомнив большинство созданий Ада.

Прораб – тоже, кстати, черт, но, черт возьми, меньшего звания! – громогласно загоготал. Затем махнул на Хлыщца рукой и отправился по своим делам.

Отставной душекрад плюхнулся прямо в кучу песка и, об-

хватив голову руками, погрузился в тяжкие думы.

А подумать было над чем... В частности, тот запах, что исходил от Ника. Похоже, черт раскрыл его тайну. Так пахнет не честность и не обаяние. Хитростью, жульем – вот чем там несло! И если бы от души Хлыщца не пахло тем же самым, он бы давным-давно обо всем догадался. Но вот же привык, приняхался – и даже более концентрированный аромат не определил...

Вздохнув, Хлыщц поднялся с песочной кучи, отряхнулся и поплелся за очередной порцией кирпичей. До конца смены оставалось еще много времени.

История третья. Полный апгрейд!

Уголок плаката отклеился от доски и повис, подрагивая на ветру. Что за напасть! Хлыщц попробовал присобачить уголок обратно, но тот упирался и не желал прилипнуть. Тогда расклейщик воровато огляделся и одним ловким движением содрал фотографию кандидата в какие-то там депутаты. Следующий плакат Хлыщц прилепил, но от злости плюнул в рожу политика. Уж слишком похож на собрата – inferнальную сущность. Нос как пяточок, и рога пририсовать хочется. А ведь теоретически на этом фото мог быть он, Хлыщц, некогда полномочный представитель Преисподней в Срединном мире, отставной душелов и бывший старший черт третьего круга Ада. Хлыщц, конечно, считал, что чер-

ти бывшими не бывают, но это слабое утешение для разно-
рабочего на стройке, мойщика полов, расклейщика плакатов
и прочая. Хотя сам виноват: влез в долги, теперь приходится
отрабатывать.

Он вздохнул, стер хвостом плевков – во избежание, так
сказать, – и потопал к другому забору, пестрящему разно-
цветьем объявлений и плакатов. Там он принялся заклеивать
этот пестрый беспорядок ровными рядами агиток противно-
го кандидата, от скуки почитывая тексты объявлений, а от-
дельные – даже комментируя. Вслух.

– «Потерялся кот, окрас серый... нашедшему – вознагра-
ждение». Хм, за такую премию сами ищите... «Интерес-
ная работа, зарплата высокая»... Высокая? Ага, так и пове-
рил. И вообще – спасибо, уже есть, и не одна... «Продает-
ся апгрейдер последнего поколения... Хочешь улучшить по-
другу или десяток приятельниц – звони по телефону...» Ха-
ха... пластическая хирургия массового поражения. – Черт
придавил агиткой последнее – довольно странное – объявле-
ние, приготовившись намазать клей, и вдруг в голове словно
что-то щелкнуло. – Стоп! Какой такой апгрейдер? Это чи-
во?..

Перечитав объявление три раза, Хлыщ так и не понял,
что именно улучшает рекламируемый прибор. То ли грудь
увеличивает, то ли – моральную стойкость. Если второе –
тогда отставному душекраду такой приборчик бы не поме-
шал. Для восстановления на прежней работе и... поправной

репутации. Ведь именно из-за того, что подавляющее большинство людишек стали мерзавцами и негодяями, Хлыщ и слетел с прежней должности. Не смог с трех попыток подходящую душу купить и был разжалован в генеральные директора фирмы, занимающейся... воспитанием всего хорошего и благого в гражданах Срединного мира! Сущий позор для настоящего черта! Впрочем, это старая и грустная история...

Вообще, объявление, как говорится, внушало: напечатано на отличной бумаге серебристым шрифтом – не то, что бумажонка с рукописными каракулями о пропавшем кошке. Тут солидно и качественно. Сразу видно – серьезная контора. Поэтому Хлыщ все же решил позвонить по указанному в объявлении номеру. Цену узнать, характеристики прибора. Решил по большей части от безделья, но и на всякий случай. Мало ли, вдруг правда апгрейдер пригодится. Да и в лоб ведь не дадут...

Разговор с представителем фирмы убедил черта – новомодное устройство в хозяйстве пригодится. Заказав прибор, что называется, не покладая трубки, Хлыщ приготовился к долгому ожиданию. Однако произошло непредвиденное – и в кои-то веки приятное: апгрейдер привезли уже через полчаса. В дверь постучали, и когда черт открыл, на пороге возник мрачный вытянутый субъект с металлическим ящичком в руках. Бывший душекрад окинул его профессиональным взглядом: одет неброско, значит, либо фирма попустительствует в плане одежды, либо она не очень большая и извест-

ная – не требует от работников обязательного соблюдения дресс-кода. В пользу второй версии говорило и то, что апгрейдер находился не в упаковке. А когда доставщик заговорил и Хлыщ узнал в нем человека, отвечавшего на звонок, все встало на свои места.

«Точно, маленькая контора. Еще не успели развиваться. Но если их аппаратик действительно делает то, что написано в рекламе, их ждет большое будущее».

– Куда ставить-то? – осведомился посыльный.

Хлыщ махнул в сторону стола.

Вытянутый субъект водрузил туда ящичек, содрал с черта деньги за апгрейдер и доставку, попрощался и, выйдя из офиса, растворился в дневной городской суете.

Слава Повелителю, отвлекать Хлыща было некому: молодые «бешники» разбрелись кто куда, чтобы вершить в меру сил хорошие дела. А Хлыщ только знай давал им указания при помощи самого дешёвого смартфона, купленного на премию от директора отеля. Черт подрабатывал там, оказывая клининговые услуги. Короче, уборщиком был. Нет, проще, конечно, с фона позвонить, но такой аппарат в Среднем мире пока не изобрели, а значит, работать он тут не будет. Лишь в том случае, если ты связываешься с кем-то из Ада, у кого тоже есть фон.

Председатель «БЕ» обошел кругом стол, на глаз оценивая апгрейдер, но ничего необычного или интересного выявить не удалось. Тогда Хлыщ взял металлический ящичек, по-

вертел в руках. На боку обнаружилась кнопка, которую «исследователь», недолго думая, нажал. Апгрейдер начал стремительно и бесшумно расти. Быстро положив устройство обратно на стол, черт отбежал в сторонку. А ящичек все увеличивался и увеличивался: вот он занимает уже половину стола, вот весь стол, вот стол не выдерживает, рушится под весом апгрейдера – но тот не перестает расширяться и вытягиваться... Хлыщ отодвинулся еще дальше, потом еще и еще... пока не уперся в стену. В последний момент выскользнул из-за нее, бросился к двери. К этому моменту странный аппарат замер и затих. Апгрейдер теперь занимал треть офиса, возносясь к тому же почти до потолка.

Хлыщ, конечно, видел в Преисподней – гораздо более технически оснащенной, чем Земля, – разные приборы, в том числе и самоувеличивающиеся... но не в десятки же раз!

Черт присвистнул. Тотчас дало себя знать длительное пребывание в Срединном мире: на ум пришло – денег не будет. Но свистун только отмахнулся от этой мысли. Приблизился к разросшемуся апгрейдеру и стал осматривать-ощупывать. На одном из боков нашлась большая красная кнопка: Хлыщ знал, как к таким следует относиться, – с большой же опаской. Пройдя мимо кнопки, – хотя она очень интриговала! – владелец небывалого устройства продолжил свои изыскания. Что находилось на стороне, обращенной к стене, выяснить оказалось невозможным, поскольку она в эту самую стену упиралась.

С противоположной стороны располагалась дверь с надписью над ней «Вхождение/выхождение». Хлыщ усмехнулся: скажут тоже!

На последней стороне ничего интересного он не отыскал. «Где же кнопка уменьшения? Может, уперлась в стену?»

Черт попробовал оттащить апгрейдер, но агрегат весил так много, что Хлыщ чуть не надорвался.

– Ладно, черт с ним, – вслух произнес отставной душелов и, устав бороться с любопытством, направился к большой кнопке, чтобы нажать на нее. Хорошо, если она запускает устройство – а если нет? – Да и черт с ним! – Мысли Хлыща сегодня поражали разнообразием.

Но стоило начальнику «БЕ», а по совместительству – чернорабочему, подойти к заветной кнопке, как распахнулась дверь и в офис вошли дюжие уставшие пацаны.

– А-а-а, ребята, – пропел Хлыщ. – Идите-ка сюда.

– А? Что? Где? – в непонятках загалдели те. А затем: – Что это такое? Откуда взялось? Для чего оно?

– Это – апгрейдер! – со знанием дела объявил Хлыщ.

– Че-че? – уточнил Олег, главный среди молодцев.

– Апгрейдер, – более спокойно сказал черт и зыркнул на подчиненных.

Они никак не отреагировали: не заголосили «А-а, понятно», даже не стали рассматривать диковинное устройство. Просто вперились в одну, неизвестно какую, точку – и все. Только Ваня, младшенький, многозначительно хмыкнул.

– Это устройство, которое все улучшает, – пояснил Хлыщ.

– А-а, понятно.

«Ну, наконец-то!»

– А человека оно может улучшить? – хитро сощурившись, выстрелил вопросом Ваня.

– Может, может. – Черт покивал, одновременно отметив про себя: все складывается как нельзя более удачно. Ему давно казалось, что подчиненные работают недостаточно эффективно, что они слишком инертны, что не слушаются начальства... Ничего, вскоре все изменится.

Ваня, который всегда считал себя неумехой и слабаком, буквально подпрыгнул к двери в апгрейдер, распахнул ее и скрылся внутри. Вот его шанс! Наконец все изменится! И уж тогда он припомнит старшим подколки и издевательства...

– А как эта фиговина работает? – осведомился третий, то ли Вася, то ли Петя.

– А жмешь эту кнопку, и все, – ответил Хлыщ.

– Да жмите уже! – раздался изнутри апгрейдера голос Вани.

Черт вдавил большой красный кругляшок, раздалось негромкое гудение, которое тотчас стихло, и... больше ничего не произошло.

«Не работает, что ли? Я бы не удивился – учитывая в какой конторе я его заказал. Вот я лох!..»

Пока Хлыщ корил себя за недальновидность, дверь ап-

грейдера открылась и в комнате очутился... Ваня. Такой же Ваня, как и был: маленький, щупленький, усеянный прыщами.

К нему подошел Олег и аккуратно поинтересовался:

– Ну? Как?

– Во! – И Ваня показал оттопыренный большой палец.

– Ребята, айда за мной! – прокричал Олег и первым забежал в аппарат. Его примеру последовали остальные.

Не до конца понимая, что происходит, Хлыщ надавил на кнопку еще раз. Апгрейдер снова загудел и снова быстро смолк.

– Э-э... готово, – немного неуверенно оповестил черт.

Ваня тем временем громко сетовал на беспорядок в штаб-квартире «БЕ».

– Ай, как здесь грязно! Ай, мусор кругом! Надо бы убраться!

Он схватился за пылесос и, включив его, принялся собирать пыль. Хлыщ ошалело наблюдал за пацаном. Черт не привык к *такому* Ване: малоподвижный и бессловесный был привычнее. Но произошло нечто еще более удивительное: как только на белый свет из черной тьмы апгрейдера показались Ванины кореша, они стремглав бросились помогать младшему собрату.

Хлыщ приподнял бровь. Хлыщ цокнул языком. Хлыщ призадумался. После чего пришел к выводу, что а) апгрейдер работает и б) новые сотрудники ему нравятся на-

много больше старых. Вернее, обновленные...

...Черт возлежал на стуле, положив копыта на стол и созерцая приятную глазу картину – убирающиеся подчиненные, – когда подошел Олег и скинул его задние конечности на пол.

– А-я-яй, нехорошо! – до странного вежливо и даже – о, ужас! – без мата произнес парень.

Хлыщ нахмурился, проводил взглядом дылду Олега и, решив не портить себе настроение в такой чудесный день, улыбнулся, водрузил копыта обратно на стол... однако их спихнул проходивший мимо Вася-Петя.

– Как некультурно!

Состроив козью морду – что, учитывая рога и происхождение, Хлыщу было не так уж сложно сделать, – председатель «БЕ» обратил все внимание на своих слуг, как он называл их про себя. Слуги, рабы, чернь... в таком духе.

Челядь носилась по помещению, отмывая, оттирая, отглаживая. Смотреть на них было очень приятно. Но чувство неудовлетворенности, вызванное поступками Олега и Васи-Пети, никуда не делось. Тогда Хлыщ решил прогуляться.

– Я скоро вернусь, – буркнул он и потянулся к дверной ручке, когда проход перегородил Олег.

– Босс, вы куда?

«О, на „вы“ называет. И это правильно. Все-таки отличное устройство я купил!»

– Да прошвырнусь чуть-чуть по городу, отдохну, подышу воздухом...

– А как же работа?! – Судя по выражению лица, парень был изумлен до глубины души.

Хлыщ постарался не думать о душе – это навевало неприятные воспоминания.

– А работа подождет.

Черт попытался отодвинуть Олега, но тот стоял как статуя и весил примерно столько же.

– Не-эт, не пойдет. Надо работать. Так *лучше*.

Хлыщщу показалось, что он ослышался.

– Ась?

Вместо ответа Олег громогласно оповестил всех: «Как закончите, присоединяйтесь!»

– Да, конечно, мы постараемся побыстрее! – раздалось в ответ.

Тогда Олег схватил в охапку инфернального босса и пулей вылетел за дверь...

...Сколько прошло часов, Хлыщ не мог сказать точно. Вполне возможно, что они с Олегом и остальными творили благие дела в течение нескольких дней. Без перерыва.

– Ну ладно, ребята, хватит, мне пора на подработку... – ныл, надеясь на сочувствие и понимание «рабов», их «владелец».

– Вы что?! Помогать людям – намного-намного важнее!

И они помогали и помогали: снимали кошек с деревьев,

переводили бабушек через дороги, объясняли людям, как дойти до музея, принимали участие в общественных работах... И так далее. Вплоть до момента, когда у Хлыщца отказали копыта и он, повалившись на тротуар, физически не смог продолжать.

– Вы просто неподготовлены, босс, – прозвучал на краю сознания голос, вроде бы Ванин. – Посмотрите на нас: мы бодры, веселы...

И правда, за прошедшее время ребята не то что не выдохлись, но даже не взмокли. Ни капли.

В съемную квартиру, где проживал командированный черт, его доставили на носилках...

...Первой мыслью, когда он пришел в себя, было не «Какой чудесный день!» или, допустим, «Ну вот, опять на работу!...», а «Надо что-то делать!! И – срочно!!!»

Хлыщц сел в кровати, стал массировать виски и шевелить извилинами. Двухчасовой мозговой штурм дал определенные результаты. Нет, гениальных мыслей не родилось, но ведь штурм был так себе, скорее, вяленькая атака – слишком черт устал. Зато Хлыщц придумал парочку перспективных идей. Например, «улучшенных» ребят из «БЕ» по уши работой загрузить. А еще лучше с ушами – тогда о своем руководителе энтузиасты-доброхоты забудут. Раз сами улучшились – пусть население апгрейдят. И активисты при деле, и начальство копыта не отбросит от адских нагрузок. Мера, конечно, временная, о Хлыщце тот же Олег вспомнит непре-

менно, но у бывшего душелова хотя бы передышка будет. К тому же работа с населением – это то, что доктор, сиречь Повелитель, черту прописал. Прямо ведь приказал – благие намерения в людях пестуй. А то, что улучшать можно не только пропагандой и воспитанием, но и приборно-техническим путем – так не запрещено.

А еще неплохо было бы засунуть в апгрейдер парочку своих недругов-кредиторов. Или хотя бы одного – Ника, которому Хлыщ задолжал столь грандиозную сумму, что и называть страшно. Да что там – подумать боязно. Если прибор сработает, как на компании полудурков из «БЕ», то, глядишь, и долг черту простят. А там, вероятно, опять вернется удача, люди начнут охотно продавать души, и все наладится. Перспективы появятся! Хлыщ даже облизнулся от сладких предвкушений. Особенно приятной была мысль о благих намерениях – ведь эта идиома имеет продолжение про «вымощенные дороги»...

От Олега сотоварищи удалось отвязаться сравнительно легко. Идею запустить кампанию по улучшению населения сотрудники «БЕ» восприняли с неподдельным энтузиазмом (кто бы сомневался), только что чепчики в воздух не бросали. Даже от личного участия в процедуре апгрейда Хлыщ отмазался просто – заявил, что будет искать и приводить самых закоренелых негодяев. Бывшие хулиганы поверили. Да и куда бы делись – многовековой опыт обмана не пропьешь. Хотя, едва активисты бросились маскировать апгрейдер под

обычную комнату, Хлыщ быстренько ретировался. На всякий пожарный. А то еще припадут, несмотря на веру и статус.

Надо отдать трудовому порыву бывших хулиганов должное – горы они сворачивали на раз. Когда черт в компании Ника, юриста Лейбовича и пары амбалов появился в офисе, апгрейдер уже ничем не напоминал сложное техническое устройство. Дверь какая-то, комнатуха без окон, но хорошо освещенная, внутри стулья, стол и компьютеры – типичная подсобка. Или архив. Или серверная – на что фантазии хватит.

– Вот это наша аппаратная, давайте зайдем на секундочку. – Черт улыбнулся во всю рожу и распахнул дверь перед «гостями». – Тут есть любопытный приборчик...

Один из амбалов отстранил Хлыща, зашел в «аппаратную» и, осмотрев ее, заключил:

– Все чисто.

– Уф, – вздохнул отставной душелов.

Тяжко ему пришлось с Ником. Еле-еле уговорил приехать, да и то наплел с три короба, пообещав кредитору дикуую финансовую выгоду. В конце концов, Ник поехать в офис согласился. Однако позвал с собой юриста. И еще, невзирая на клятвы и обещания Хлыща, прихватил двух громил, которые, едва увидев черта, чуть рыло ему не начистили. В профилактических целях, очевидно. Профилактику сорвал приказ Ника, амбалы успокоились, но принялись при малейшей

возможности активно демонстрировать недоверие к inferнальному должнику. На что Хлыщ и посетовал:

– Зря вы так. Я, можно сказать, со всей душой, долг свой уменьшить хочу, а вы меня подозреваете невесть в чем.

– Доверяй, но проверяй, – изрек Ник и зашел в «аппаратную». – Где этот «любопытный приборчик»?

Следом в апгрейдер тенью проскользнул Лейбович. А второй амбал остался у двери. Хлыщ заволновался: если громила не войдет внутрь – дело швах, ведь стоящий на страже амбал не даст закрыть дверь, а в неизолированном помещении апгрейдер не сработает. Или сработает, но не так – улучшит Хлыщца, например. Объяснять же Нику, что это все просто шутка (никакого прибора внутри фальшивой аппаратной нет – одни компьютеры), чревато. Применением, как пишут в протоколах, тупых твердых предметов. И, как назло, добрых молодцев из «БЕ» не видать – авось начальника бы в обиду не дали. Но сам ведь послал их население улучшать.

Пытаясь спасти положение и собственную физиономию, черт мило осклабился и попросил:

– Что ж вы встали так... э-э-э... голубчик? Или заходите, или освободите мне дорогу.

К горькому разочарованию отставного душелова, «голубчик» не зашел внутрь, а отодвинулся в сторону. С грацией шкафа. Караул! Что же делать?..

Словно отзываясь на мысленный вопль шефа, в коридоре

возник Олег.

– Олег Иннокентьевич! – возопил обрадовавшийся черт. – Вы-то мне и нужны! Подойдите, пожалуйста.

Увидев представительную фигуру бывшего хулигана, громилла напрягся.

– Это наш сисадмин, – стараясь отвлечь бугая, еще шире растянул улыбку Хлыщ. Она уехала уже куда-то за уши – ближе к рогам.

– Кто? – уточнил Олег, но Хлыщ проигнорировал его, как вопрос относительно магнитофона.

Из «аппаратной» донесся голос Ника:

– Что там еще?!

– Заталкивай его! – вместо ответа заорал черт, и сообразительный Олег врезался в амбала. Оба влетели в апгрейдер. Хлыщ захлопнул дверь, накинуд защелку и побежал к кнопке пуска...

...Через минуту или около того гневные вопли и стуки, раздававшиеся изнутри «аппаратной», стихли. Воцарилась подозрительная тишина. Надо было идти проверять, как они там... На счастье Хлыща, из «похода» вернулись оставшиеся сотрудники «БЕ», которые, по просьбе-приказу шефа, обеспечили ему охрану. Возвратились они одни, но при этом уверяли, что им удалось «завербовать» для улучшения пару тысяч человек. И это только начало! Объявления висят на всех столбах и заполонили Интернет. Вскоре сюда хлынет целый поток, цунами жаждущих апгрейда!..

– Это замечательно, замечательно... А пока, это... сходи посмотри, что с нашими гостями. – Черт начальственно кивнул Васе-Пете.

Здоровяк – не то чтобы амбал, но и не сопля – уверенно подошел к двери в апгрейдер и открыл ее. Сила улучшения настолько воодушевляла, что, по мнению Хлыщца, напрочь убивала инстинкт самосохранения. Черт напрягся, приготовился при первых же признаках опасности дать деру – но крайних мер не понадобилось. Рядком, улыбающиеся и довольные, из устройства вышли все, кто попал в него. Осмотрелись, остановили взгляд на Хлыщце (напряженность вернулась!)... и радостно помахали ему.

Отставной душекрад облегченно выдохнул: сработало!

Директор «РоКоКо», светясь то ли ангелом, то ли сверхновой, направился к начальнику «БЕ».

– Разрешите выразить вам глубокие благодарность и признательность, уважаемый Петр, за то, что обработали нас... м-м, чем бы вы нас не обработали! – И такое спокойствие, такая доброта, такая благожелательность растеклись по лицу Ника, что Хлыщц аж залюбовался.

«Все-таки не зря я обратил внимание на то объявление! Если бы не оно, неизвестно, куда бы зарулила моя судьба. А так, все снова в полном порядке – и даже больше! Низкий поклон тому, кто придумал этот самый апгрейдер!»

– Да ну что вы, пустяки! – смущенно отвечал Хлыщц.

– Нет, вовсе не пустяки... – настаивал Ник.

– Да бросьте...

– Нет, не брошу... Более того, в знак признательности, – черт наострил уши, – я прощаю вам долг – теперь его нет. Да никогда и не было! Ведь так?

Хлыщц весь превратился в одну счастливую улыбку.

– Ну конечно!

– Потому что... – Ник пощелкал пальцами, подбирая слова, – это не долг вовсе, а ваша насущная необходимость. В целях денежно-моральной терапии вы выплатите мне эту сумму, и вот увидите, как только сие произойдет, вы непременно изменитесь к лучшему. Совершенствование – тяжелая штука, но мы готовы помочь вам в столь нелегком деле. Ведь вы, Петр... или Хлыщц, или как там еще, крайне мне симпатичны.

Улыбка черта скисла и повисла на щеках.

– Терапия, значит? – напряженным голосом произнес он. – Для моего же блага? – последнее слово он прямо-таки процедил.

– Ну конечно! – отозвался Ник.

И тогда Хлыщц не выдержал.

– Ребята-а-а!!! – вдруг во всю глотку заорал он. – Мочи его! Нас больше, мы победим! Мы сильнее! Мочи, мочи, мочи! Чтобы он знал, какие тезисы выдвигать! Чтобы долг простил! Чтобы... чтобы... чтобы... – Хлыщц закашлялся от нахлынувших на него эмоций. Кто-то постучал его по спи-

не. – Спасибо. Ну как, уже все? – Главный «бешник» окинул взглядом помещение и с неудовольствием отметил, что все по-прежнему стоят на своих местах. Неподвижно. И как-то странно смотрят на него... – Чего такое?! – взбеленился пуще прежнего черт. – У меня что, рога выросли?!

Лейбович заплел пальцы в замок, нагнулся к уху Ника и произнес – тихо, но так, чтобы слышал каждый присутствующий:

– Какой-то он, воля ваша, нервный, злой... как бы выразиться... товарищ.

Толстяк со знанием дела покивал.

– Да-а, тут определенно требуется терапия, и не только денежная.

Он не глядя сделал знак охране, и два амбала накинлись на Хлыщца. Черт заверещал, стал сучить конечностями, пытаясь вырваться, однако безуспешно: держали его крепко. Затем один из амбалов перехватил развопившегося поудобнее и свернул в бараний рог. Хлыщц не мог пошевелиться. Освободившийся второй «шкаф» открыл дверь в апгрейдер.

– Что вы творите?! – орал рогатый пользователь новомодной техники, хотя уже догадался, что именно собираются с ним сделать. – Ребята! Помогите же своему боссу!

Но ребята лишь безучастно взирали на происходящее. Бывший душелов понял, что так ничего не добьется, и принял другую попытку:

– Я на вас в суд подам! По статье...

Пока Хлыщ придумывал статью, амбал, державший его, размахнулся и закинул черта прямиком в «аппаратную». В полете директору «Благого Единства» пришла в голову неожиданная мысль: а почему Олег не изменился после того, как вторично побывал в апгрейдере? Или изменился, причем настолько, что ему стало абсолютно наплевать на шефа и карьеру? Но не означает ли это, что он, Хлыщ, по сути...

Мысли, навеваемые полетом, оказались отнюдь не веселыми – настолько, что черт постарался побыстрее и подальше их отогнать. Еще более неприятные думы посетили его по приземлении – когда он протаранил носом пол и так проехал пару метров, пока не врезался в стенку.

Где-то далеко позади в неизвестном времени – может, сейчас, а может, час назад – захлопнулась дверь.

Под потолком раскачивалась лампа: вероятно, воздушные струи, которые создал летающий черт, заставили ее двигаться...

Хлыщ понял: еще чуть-чуть, и он свихнется. Его уже посещают странные, нехарактерные для него мысли. Неужели это последствия улучшения?

Можно было вскочить и рвануться к двери, чтобы попытаться посадить ее. Но смысл? Ее наверняка заперли да к тому же сторожат.

Когда в помещении что-то глухо загудело, черт закрыл глаза и заколотил кулаками по полу.

– Не хочу, не хочу, не хочу становиться *хорошим*!!!

Гудение нарастало. Когда оно усилилось до такой степени, что зазвенело в ушах...

...ничего не произошло.

Хлыщ не сразу это понял, а когда до него наконец дошло, он все-таки вскочил и бросился к двери. Начал барабанить в нее, громко крича:

– Выпустите меня! И не трогайте кнопку! Не ломайте мне технику! Может, она перегрелась!

Или оказалась не столь качественной, как ожидалось. Впрочем, неважно: умение адекватно мыслить вернулось к нему. И он не ощущает себя этим типом... ну, с нимбом, крыльями и все такое. Еще не хватало, чтобы заслуженных чертей улучшали!

Хлыщ навалился на дверь, и она то ли под его весом, то ли из-за того, что кто-то ее отпер, открылась. Черт рухнул на пол. Но многие неприятности, свалившиеся на него, приучили быстро реагировать: он поднял голову и огляделся. Между «бешниками» и «рококовцами» шло совещание:

– Кажется, что-то пошло не так.

– И вправду, что ли, перегрелся?

– А что, если Хлыщ неулучшаем?

– Да не может быть!

– Или апгрейдер попросту сломался?

– Неужели он – дешевая подделка?

– Друзья, у меня появилась идея! – воскликнул Ваня, ставший самым сообразительным из всех, даже сообразительнее

Лейбовича.

– Какая-какая-какая? – раздалось со всех сторон.

– Надо устранить эту поломку!

– Да! Но как?!

– Улучшить апгрейдер!!

– Точно!!

Хлыщ почувствовал, как его оттаскивают от входа в устройство и ставят на ноги. Это был Олег. Подлый предатель! Хотя не хуже, чем остальные.

– Ты-ы-ы... – только и смог проговорить черт: на большее уже не хватало сил.

Затем Хлыщ отодвинули – это сделал Вася-Петя. Здоровяк, «вооружившись» добытыми где-то инструментами, прошествовал к апгрейдеру.

– Где же у него тут панель?

Поиски продолжались долго, но ни к чему не привели. Тогда было решено вскрыть аппарат при помощи газовой горелки.

– А если рванет?

Однако на фразу Хлыщ никто не обратил внимания. Похоже, с того момента, как на него повесили ярлык «плохой», он стал для улучшенных чем-то вроде пустого места.

Принесли горелку. Вася-Петя надел очки, включил прибор. Засверкали вспышки. Люди (и черти) заслонили глаза руками. Спустя какое-то время в апгрейdere образовалась дыра, сквозь которую просвечивали разноцветные провода.

Отложив горелку в сторону, Вася-Петя принялся копаться в них, приговаривая:

– Так... этот сюда... а этот, наверное, сюда... а если вот так, то что тогда?.. хм... а этот вот сюда... В итоге мы зациклим апгрейдер на самом себе, и он будет вынужден улучшить... да, правильно, себя же...

– По-моему, это не самая лучшая идея, – попробовал напомнить о своем существовании рогатый авантюрист, у которого вдруг начисто отшибло тягу к рискованным операциям. Но из комнаты его не выпускали, и приходилось просто наблюдать, борясь со страхом.

– ...Еще немного... подождите... так, совсем чуть-чуть... и... все!

– Можно врубать? – уточнил Олег.

– Врубай! – разрешил Вася-Петя.

Главный среди молодцев нажал на кнопку и замер в радостном ожидании. Все замерли в радостном ожидании.

Апгрейдер привычно загудел. Потом загудел сильнее. И еще сильнее. После чего задрожал, затрясся, заходил ходунком и...

– Мама, – выразился Хлыщ, прикрывая голову руками.
...схлопнулся.

Самым неприятным в этой ситуации оказалось то, что эффект улучшения пропал вместе с апгрейдером. Куда и как пропал – оставалось загадкой. Но, что бы ни случилось, луч-

ше бы ни устройству, ни, тем более, его создателю не попасться на глаза черту.

– Тьфу ты! – сплюнул черт. У него едва не выработалась идиосинкразия на слово «лучше» и однокоренные.

Тяжелый камень влетел в окно, с громким звоном разбив стекло, и приземлился на рабочий стол Хлыщца. Владелец стола вздрогнул.

– Мы требуем улучшения! – орали пикетчики под (бывшим) окном. – Обещали, так давайте! Ау, подлые обманщики! Апгрейд – в массы!..

Хлыщц печально вздохнул и попытался снова уговорить помощников:

– Ребятки, а может, сходите-таки, разгоните их? Или хотя бы поговорите с ними по душам?

– Тебе надо, ты и разговаривай! – одновременно ответили все остальные «бешники», стараясь находиться подальше от окон.

– Но вы же на улицу не выходите, а надо работать.

– Тебе надо, ты и работай!

Хлыщц издал еще один вздох. Встал, поднапрягся, подвинул стол к противоположной стене. Как только он это проделал, второй булыжник, поболе первого, упал как раз туда, где только что стоял черт.

Отставной душекрад покачал головой, сел за стол и погрузился в неповторимый мир бумажной волокиты. Проблемы проблемами, а работа работой. Которой скопилось много, и

кто-то должен был ее делать...

История четвертая.

Загадки энтропологии

– Ну, что же, подведем неутешительные итоги – все очень... прискорбно. – Генеральный директор ООО «БЕ» Петр Иванович Хлыщов (в inferнальных кругах известный как бывший старший черт третьего круга Ада Хлыщ) положил бумаги на стол и строго посмотрел на подчиненных. – Более чем прискорбно. Квартальный план по наведению порядка завален, количество добрых дел неуклонно снижается.... Такими темпами мы никогда обстановку не нормализуем. А помните, что нам говорил Повелитель? «Вы будете следить за порядком в подведомственном городе, воспитывать в людях благие чувства, бороться с несправедливостью, с бандитами и прочей нечистью»... – начальственный перст указал на потолок. Присутствующие на совещании работники «БЕ» прореагировали вяло – лишь один снуло поднял взгляд вслед за пальцем, прочие нагло пялились в окно.

«И как с этими уродами работать? – уныло подумал черт. – Мне бы пару бесов побоевитее – я быстро бы тут порядок навел. И покупкой душ занялся, как раньше».

Хлыщ невольно вздохнул. Вот ведь работа была – сказка. Для любого черта, по крайней мере. Отогнав приятные воспоминания о прежних временах, отставной душелов

приготовился излить гнев на нерадивых работников, но не успел. Совещание прервало появление самого младшего из сотрудников «БЕ» – Вани, оставленного «на дежурстве». То есть – за секретаря и вахтера.

Вернее, дело было даже в появлении не самого Вани, а его лохматой головы из-за двери.

– Чего тебе? – ласково осведомился у «дежурного» Хлыщ.

– Эта... там пришли.

– Кто?

– Сказал – по делу.

– Да?..

Осознав, что гневный запал уже испарился и начальственный разнос безнадежно испорчен, Хлыщ чертыхнулся и объявил:

– Совещание продолжим после обеда.

Сотрудники потянулись к выходу, а директор махнул рукой Ване:

– Зови.

Через полминуты в кабинет кусочком мыла проскользнул тощий холеный субъект в щегольском костюмчике.

«Как одет, подлец! Лучше меня!» – восхитился невольно черт, а вслух буркнул нерадушное:

– С кем имею честь?

– Ох, постоянно забываю, что в Срединном мире сущности сокрыты. – Гость театральным жестом хлопнул себя по

лбу и осклабился во все сто два зуба. – Я практически Ваш коллега, многоуважаемый Хлыщц. Разрешите представить-ся, архидемон шестого круга Озёл.

– Козёл?! – не поверил ушам черт.

– Ну, вот и Вы... – укоризненно протянул посетитель и добавил. – Папенька с именем... ангелочка подложил... поэтому я предпочитаю, чтобы меня звали просто Оз.

– Простооз? – переспросил обалдевший (не каждый день к тебе архидемоны заглядывают) Хлыщц.

– Оз! – рывкнул визитер.

– Ой, простите, ради Преисподней, – выдавил оконфузившийся черт, затем подскочил и запоздало предложил: – Присаживайтесь, пожалуйста.

Гость уселся на диван, а черт ничего лучшего не придумал, как поинтересоваться:

– А чем, собственно, обязан?

– Да я, вообще-то, не с улицы... я по поручению Повелителя, в том числе...

– Повелителя?! – Устроившийся было в кресле Хлыщц снова подпрыгнул. – Самого?!

– Да, – кивнул визитер.

– Как же так? А что... я бы... по первому зову... только свистни... – от волнения черт стал изъясняться маловразумительными репликами. Но архидемон понял. Он скосил глаза вниз и произнес:

– Сам занят очень. Дела. Вот и меня попросил.

– Ох! – выдохнул отставной душелов и проникновенно выпалил: – Я в Вашем полном распоряжении!

– Собственно, я не только по поручению Самого, но и по собственной инициативе... Поэтому распоряжений не будет, я, наоборот, помочь пришел.

– Э-э... помочь. – Мысли Хлыщца явно не поспевали за репликами гостя.

– Именно. Ведь вас кое-какие проблемы последнее время одолевали? Серьезные проблемы?

– Одолевали.

– Катастрофически не везло, работа не спорилась, любое начинание заканчивалось полным крахом?

Хлыщц только кивнул.

Архидемон удовлетворенно хмыкнул и вынес вердикт:

– Это все Энтропия!

– Что? Кто? – завохтал черт.

– А ведь верно – и кто, и что. Есть одна такая сверхмощная сущность. И нарастает, что характерно. Именно она в ваших бедах и виновата. – Оз настороженно огляделся и, понизив голос, прошептал: – Очень сволочная бабенка, между нами говоря.

– Энтропия... – протянул окончательно обалдевший Хлыщц. – И что мне теперь делать?

– Есть несколько способов...

И Оз затараторил.

Пытаясь запомнить все, что перечислял разговорчивый

демон, бывший душекрад рылся в залежах бумаг на столе в поисках чистого листка и ручки. Наконец, оба были найдены, Хлыщц вооружился ими и со словами «Помедленнее, я записываю!» принялся строчить, потея от усердия. Оз оказался очень многословным малым: по сути, его советы сводились к четырем пунктам. Вымученный, черт перечитал их, когда архидемон замолчал, и поднял на пришельца непонимающий взгляд.

– Что-то не так? – Озёл задрал бровь.

– Да нет, все понятно и ясно, и вообще... Вы что-то там про собственную инициативу говорили...

Оз сначала ухмыльнулся, потом издал что-то вроде горлового бульканья – похоже, он смеялся, – а затем вынул из нагрудного кармана маленькую карточку, которую передал директору «БЕ».

– Хм... «Общество „БЭ“»... – прочитал тот. – «БЭ»?

– «Борцы с Энтропией», – пояснил Оз.

– А-а... Но...

– Разве не вы оставили в Интернете следующее сообщение, – опережая черта, проговорил архидемон. Он вытащил откуда-то из-под куртки планшет, коснулся экрана пару раз и зачитал: – «ООО „Благое Единство“ срочно требуется помощь по борьбе с опорчиванием!»

– Опорчиванием? – ничего не понимая, переспросил Хлыщц.

– Наверное, с порчей, – ответил Оз, убирая устройство об-

ратно в неизвестность. – Вы знаете, – доверительным тоном сообщил архидемон, – Она в последнее время просто лютует. Зверствует ни на жизнь, а на смерть.

– Кто? – тупо спросил Хлыщ.

– Да Энтропия же! – воскликнул гость. – Многие законспирированные посланцы Его Рогатейшества очутились в невероятно тяжелых, невыносимых даже условиях. Вот и вы тоже.

– Ага, понятно. Ну ладно, спасибо. – Хлыщ протянул копыто – говорить, в общем-то, было уже не о чём. – До свидания.

Оз снова улыбнулся – широко-широко, во весь рот своей личины, – и пожал чертову конечность.

– Не прощаюсь, уважаемый Петр, так как наше общество будет с интересом следить за вашей борьбой с Энтропией. И, если все сложится удачно, мы ждем от вас... скажем... пожертвований.

– Та-ак... – Хлыщ, кажется, понял, к чему ведет странный демон.

– Ну, или хотя бы рекомендательного письма – мы хотим стать официальной организацией и выйти на международный уровень. Впрочем, для начала нам хватит и официалки.

Два inferнальных жителя попрощались. Закрывая дверь за Озёлом, Хлыщ думал, что надо бы дать пендуля Ване, чтобы он не слишком проявлял инициативу. А то вывесил объявление в Интернете, и началось... стали приходить

разные... пусть не свидетели Иеговы, тьфу-тьфу-тьфу через правое плечо, но все же... Для профилактики пендуль никогда не помешает, особенно если речь идет о ком-то, кто подчиняется вам и слабее вас в несколько раз.

Посвистывая (большую часть времени и когда того не требовали обстоятельства, Хлыщ не был суеверным), черт вернулся к столу и плюхнулся в кресло. Он вновь взглянул на листок, испещренный торопливыми каракулями: отставной душелов никогда не страдал каллиграфией.

«Четыре способа... Интересненько... Ну что ж, надо начать с первого – и, по возможности, сразу же уладить дела с Энтропией. Так больше продолжать нельзя! Еще немного, и конторе придет полный крантец. И за что высшие силы столь меня невзлюбили – вот что самое любопытное!»

Хлыщ уже подумывал одеться и выйти на улицу, когда вовремя вспомнил о демонстрантах. Он выглянул в окно, но никого не увидел.

«Прячутся, – пронеслось в голове. – Выжидают... Олег попался на эту удочку дня два назад и теперь лежит в больнице с переломом ноги. Нет, рисковать не буду. Лучше закажу себе несколько одноразовых машинок для перемещения в пространстве – по-моему, на них в „Ад-маркете“ сейчас скидка».

Естественно, Хлыщ звонил в службы безопасности, в полицию, там, в ФСБ, в ФБР – но всем было глубоко наплевать на проблемы одной маленькой организации, непонятно

зачем созданной и управляемой личностями, ответственными за расклейку листовок, агитацию и вообще крайне неприятных с виду.

Начальник «бешников» воспользовался фоном старой модели, с треснутым стеклом и барахлящим в придачу, но средств на новый пока не предвиделось.

– Алло. Я бы хотел заказать десять одноразовых МПП. Сколько с меня душ?

Ему ответили.

– Сколько-сколько?!

Ему повторили.

– Ладно, запишите на мой счет...

И не успел Хлыщ произнести эти слова, как из воздуха на стол упали десять продолговатых предметов. Длина одной МПП составляла около восьми сантиметров.

Черт, с горем сознавая, что тратит последние деньги на вещи, которые в прошлом никогда бы не купил, сгреб все эмпэпэшки, кроме одной, и рассовал по карманам. Ситуация с деньгами в Срединном мире была у него ничуть не лучше, чем в Преисподней. А зарплата – и та, и другая – ожидалась совсем нескоро. Дожить бы еще до нее...

В очередной раз взглянув на листочек с антикаллиграфией, Хлыщ наконец запомнил первый его пункт. Потом залез в Интернет, которым его обеспечивал фон – правда, ненадолго: трафик истекал, и сегодня-завтра доступ в Сеть должны отрубить.

– Так... так... – приговаривал он. – А. Вот то, что нужно!

«Баба Маня™, – заполнила половину экрана надпись, сделанная безвкусным густо-розовым шрифтом. – Потомственная колдунья, гадалка, ворожея и вообще. Обращаться по адресу... или по телефону...»

«„Вообще“ – это как раз то, что мне нужно», – подумал Хлыщ.

Взял со стола МПП, сжал устройство в «руке» и перечитал адрес, написанный на веб-сайте. А в следующую секунду оказался в совсем другом месте...

...Офис Бабы Мани™ оказался одноэтажной, плохо стилизованной халупой, дверь которой раскрывалась под любым, даже самым слабым, порывом ветра и неврастенически хлопала о стену, точно сама себе аплодировала. Сделанная из плохо подогнанных досок, тонкая, старая, мшистая, она скрипела, и этот скрип врезался в мозг похлеще образов Лавкрафта (Хлыщ как-то наткнулся в Интернете на его книгу и даже прочитал пару рассказов. Они его немало повеселили). Само строение не отставало в плане гротескности и «стилизованности»: дом, если его можно назвать этим громким словом, был разукрашен в самые невероятные, совершенно не сочетающиеся тона. Наверное, тот, кто его делал, изо всех сил старался передать богатый внутренний мир владелицы-ведьмы, но понятия не имел, как это делается и где живут якшающиеся со злыми силами женщины. В итоге,

получилось... то, что получилось.

«Представляю, сколько за это „богачество“ отвалили бабла, – подумалось Хлыщцу, когда он заходил в затхлое черное – не темное даже – помещение. – Потому что везде чувствуется рука дизайнера – бестолкового и бездарного, а именно такие дерут с клиентов больше всего денег. Особенно если клиенты попадаются не шибко умные. А все сводится к тому, что...»

Но мысль он не успел закончить: кто-то жутко заухал, захлопал могучими крыльями, пронесся мимо и скрылся в темноте.

– Тьфу ты, – проговорил впечатленный Хлыщц; сердце его зашлось в бешеном танце. – Обычная же сова...

– Не обычная! – раздался чей-то недовольный, одновременно громыхающий и писклявый голос. – А самая настоящая магическая!

Черт заозирался: откуда исходили слова?! Казалось, ото всюду!

– Чего тебе надобно? – вновь загремел голос.

Хлыщц продолжал оглядываться: посмотрел налево, направо, вверх... и увидел прикрепленные к потолку громкоговорители.

– Да в какое адское место я угодил!

– А вот это уже ближе к истине, милочек. Проходи, проходи, не задерживай очередь...

Никакой очереди в помине не было, но Хлыщца волнова-

ло совсем другое: чей извращенный ум согласится работать, а может, и жить в этом *дьявольски* убогом месте?! Все, что связано с дьяволом, обычно вызывало у черта неподдельный ужас. К тому же, как он убедился за то время, что провел в Срединном мире, воплощенные в реальность кошмары людей гораздо страшнее любых демонов и монстров, коих он повидал на своем веку ого-го. В последних страшного – разве что дыхание: не жуют монстряки «Орбит». Тогда как в людях...

Хлыщца передернуло.

«Куда же я попаду?» – думал он, на ощупь продвигаясь вперед, разводя в стороны брякающие занавески и проходя в помещение...

...которое вдруг из темного стало светлым!

Хлыщ зажмурил глаза, заслонил их копытом. А когда убрал конечность, вроде бы смертельно расстроился, но заодно и поразовался. Расстроило его, что помещение оказалось тесной комнатухой.

«Совсем не впечатляет!» – Он даже покачал головой.

А порадовало тот факт, что никакие ужасы не собирались наброситься на него и... заставить вступить в полезную для общества организацию. Или, там, заплатить налоги.

Нет, все было проще и прозаичнее: в комнатке метра два на два сидела согбенная хитрого вида старушка и посмеивалась в кулак. Ее окружали скелеты, шкафы с банками, внутри которых лежали загадочные снадобья и порошки, клетки

с пауками и змеями, а над самой старушкой висело, значительно потрепанное, чучело. Вначале Хлыщ принял его за суслика, но, присмотревшись, понял, что это крокодил. Точнее, голова крокодила. Стоящий на столе магический шар переливался разными цветами, бросая жутковатые отсветы на стены, а под потолком горели стоваттные – и для чего они здесь?! – лампочки.

– Что, впечатляет? – запищала старушенция, хитро глядя на вошедшего.

– Да у-уж, – протянул черт. – Я вообще-то...

– Ни слова, ни слова! Больше ни слова! Садись, – она указала на стул угрожающего вида, – я сама прочту твои мысли.

Хлыщ не стал спорить: крайне осторожно сел на разваливающийся, казалось, прямо на глазах предмет мебели.

– Да-а... да-а... – тем временем, смежив веки и махая рукой, вещала баба Маня™ – а это наверняка была она. – Я вижу... вижу... что ты пришел...

– Я не совсем пришел – скорее, прилетел.

– Молча-а-ать!!! – заорала ведьма, и Хлыщ вдавился в спинку стула. – Ты пришел... то есть, прилетел... в общем, неважно. Ты прибыл... да, ты прибыл... издалека.

– А можно опустить вводную? – поинтересовался бывший душекрад, доставая из кармана деньги.

Неизвестно, как баба Маня их увидела – ведь только что ее подернутые ячменями глаза были закрыты, – только она внезапно «выстрелила» сухонькой ручкой, выхватила купю-

ры у Хлыщца и спрятала в нагрудный карман.

– Можно и пропустить, отчего ж не пропустить, – просто сказала она. – Итак, у тебя проблемы.

– Разумеется, иначе бы я сюда не пришел.

– Ты опять за свое? – Баба Маня сверкнула на него из-под лохматых, но отнюдь не густых бровей.

– Молчу, молчу.

– И проблемы твои связаны с э... э...

– Э... – повторил Хлыщц.

– Э... э... эрекцией!

– Кхм. – Черт поперхнулся. – Пока что, слава Повелителю, нет. С Энтропией.

– Да какая разница, – колдунья отмахнулась, – и то, и другое на «э».

– А ещё и то, и другое *чертовски* неприятно.

– Угу, угу. И что от меня требуется?

Хлыщц опешил.

– Вообще-то я собирался задать *вам* этот вопрос.

– Ну, задавай, – раздраженно произнесла баба Маня.

– И что от меня требуется?

– Заголить зад и бегать! – Старушенция подняла голову к низкому потолку, расхохоталась, но зашлась в приступе кашля. – Кхе-кхе... Я знаю, что тебе нужно. Тебе нужно... – Колдунья выдержала театральную паузу.

Хлыщц прислушался.

– Воспользоваться травкой! – закончила баба Маня тор-

жественно.

«Петр Хлыщов» понимающе закивал.

– А-а, ясно-ясно. Вот это уже другое дело: магическая трава, сушеная в полнолуние на могиле древнего мага-вампира...

– Ты что, родной, спятил? Какого мага-вампира? Марихуану будешь, спрашиваю?

– А?

Вместо ответа баба Маня с превеликим трудом открыла ящик стола. Раздался натужный скрип, старческая ручонка пошарила внутри и извлекла на свет божий... или дьявольский, кому как больше нравится... косячок.

– Ну что, забьем Мике баки? – И она подмигнула Хлыщ-цу. – Помогает в момент! – заверила «колдунья».

– Нет, вы знаете, наверное, в другой раз...

Черт изобразил на лице извиняющееся выражение, однако бабе Мане было уже не до него – она достала из кармана потрепанную зажигалку и закурила. Увидев подобное, Хлыщ так и хлопнулся наземь – не из-за удивления, правда: просто стул, все это время опасно раскачивавшийся под ним, в конце концов треснул и развалился.

– Хы-хы-хы! – рассмеялась провидица-гадалка-ворожея. Вынула изо рта самокрутку, выпустила в и без того нечистый воздух струю дыма.

Потирая ушибленную точку и отмахиваясь от клубов марихуаны, отставной душекрад попятился к выходу.

– Эй, ты куда! – внезапно опомнилась баба Маня. – А Энтропия?

– Да черт с ней!

– Ну и правильно!!

И вновь разразилась гоготом. «Мумифицированная» голова крокодила на стене задрожала и низринулась прямиком владелице на маковку. Впрочем, и тогда смех не прекратился. Усиленный громкоговорителями, он сопровождал Хлыщца на всем пути к выходу из дома, и дальше – на улице, и дальше – когда черт доставал новый МПП. Хлыщц уже знал, куда направляется: ища провидцев в Интернете, он случайно набрел на другую ссылку. Надо немедленно переместиться туда! Кроме того, этот пункт стоял под номером два на листочке, бережно хранящемся в заднем кармане джинсов.

А голос бабы Мани, крутившийся в голове и не желавший отступать, подгонял его:

– Давай вперед!

Время не ждет!

Магией Энтропию не победить —

Лучше достать косяк и курить!

Ты что, не знал, Озёл?

Просто вкурил – и пошел!

Этот бодрый речитатив засел в сознании, закрутившись там спиралью. Потом зазвучал незамысловатый ритм. Перед глазами возникла пустая, освещенная прожекторами сце-

на. Толпа восторженных людей и демонов кричала, бросала вверх головные уборы, потрясала в воздухе кулаками. И тут вперед, к микрофону, вышла баба Маня и под увесистый бит, наигрываемый стоящим в сторонке, в тени, ди-джеем, опять начала читать своим фирменным хрипло-писклявым голосом:

*– Давай вперед!
Время не ждет!..*

Публика зашла в экстазе!..

«Надышался», – понял Хлыщ.

Сжал эмпэпэшку, вызвав в памяти нужный адрес, и стал дожидаться переноса в здание, разительно отличавшееся от того, что он посетил минуту назад. Отличие должно быть столь же явным, как, например, между глюками от героина и кокаина...

«Тьфу ты, – не удержавшись, вновь сплюнул Хлыщ, которому порядком поднадоела заполнявшая разум наркоманская тематика. Черт почувствовал, что еще немного, и он потеряет равновесие, поэтому облокотился на стену дома возрастной торгашки. – Какой я, оказывается, восприимчивый – всего-то ничего в гостях у бабули-псевдоведуны пробыл. Фу-уф... Ничего, может, *там* мне помогут излечиться от этого...»

В одноразовой эмпэпэшке что-то угрожающе пфыхнуло,

но она всё-таки сработала, и черт материализовался в здоровенном зале – то ли цехе, то ли лаборатории, – заставленном разнообразными непонятными аппаратами и агрегатами. Часть аппаратов-агрегатов работала – что-то крутилось, двигалось, шумело. Хлыщц повертел головой – людей видно не было – и пошел по асфальтовой дорожке вдоль ряда машин. Осторожно, стараясь держаться подальше от движущихся деталей – чтоб какая-нибудь хреновина по кумполу не шандарахнула. Периодически на глаза черту попадались и неработающие аппараты, в основном, мелкие. Эти приборы лежали на полочках и бесхозно поблескивали металлическими гранями, причиняя тем самым страдания ранимой и рачительной натуре отставного душелова. В такой разлагающей обстановке нельзя было что-то не стащить. Один стоящий в уголке компактный блестящий цилиндрик настолько впечатлил Хлыщца, что тот, не выдержав, оглянулся и мимоходом засунул понравившуюся вещицу в карман пиджака. А нечего разбрасываться! И охранять надо, а то он уже пять минут тут ходит – и никого вокруг!

С мыслями тоже надо поаккуратнее. Это пришло в голову Хлыщца, когда он услышал за спиной окрик:

– Эй, ты! А ну стоять!

А ведь только успел подумать – хорошо хоть, что блестящий приборчик уже покоился в недрах кармана!

Черт изобразил на физиономии самую лучшую свою улыбку (номер тринадцать, если кто не в курсе) и повернул-

ся в ту сторону, откуда кричали. Увиденное не порадовало. К нему на всех парах мчался невзрачный бородатый мужичонка в засаленной фуфайке и, что особенно неприятно, с ружьем наперевес. Подбежав поближе, бородач проорал:

– Руки вверх!

На всякий пожарный Хлыщ взметнул копыта над рогами и попытался растянуть улыбочку до шестьсот шестьдесят шестого номера, но не преуспел.

– Ты кто такой?! И чего тут шарисься?

– Я, тогой... – проблеял черт, насторожено следя за дулом ружья и пальцами мужичка. И дуло, и пальцы явственно подрагивали – бородач то ли нервничал, то ли маялся с похмелья, наводя ужас на inferнальное создание.

– Чего тогой?! – сурово переспросил бородач и ткнул стволом черту под ребро.

Хлыщ ойкнул, спал с лица и квакнул:

– Покупатель.

Неожиданно пароль сработал. Мужичонка опустил ружье.

– А чего здесь шароборишься? Тут же, ента... склад готовой продукции.

– Заб-заблудился, – от пережитого черта пробило на легкое заикание.

– Ну, тебе надобно... как его... в отдел реализации.

– Спа-спасибо.

– Чего там. Я провожу.

В отделе реализации inferнального клиента встретили

словно родного.

– Как вас? Петр Иванович. Чертовски приятно! А я Вадим. – Молодой ретивый менеджер принялся энергично трясти копыто Хлыщца, едва не вызвав сотрясение мозга. – Чай, кофе.

– Бла-благодарю, не надо.

– Тогда сразу к делу, – обрадовался менеджер. – Чем интересуетесь?

– Мне бы что-то от... кхе... эн-энтропии.

– Эн-энтропии? – нахмурился молодой человек.

– Энтропии, – сосредоточившись, одолел заикание черт.

– А-а. Средства для борьбы с энтропией у нас есть. На любой вкус. Наш научный центр ведет разработки в данной отрасли...

Последовавший десятиминутный монолог менеджера по сути представлял собой лекцию об успехах научно-производственного объединения «ХЗ» («Хорошая защита») и направлениях его деятельности. Не дожидаясь, когда уши окончательно завянут, Хлыщц вежливо поинтересовался у «собеседника»:

– А поближе к Энтропии можно?

– Ах, да... Наше НПО выпускает три наименования средств по борьбе с энтропией: лекарственное средство «энтрозол» в виде микстуры и пилюль, переносной волновой прибор «антиэнтропин» и нейтрализатор купольного действия «ГЭ-12», или «Гаситель энтропии, модель номер две-

надцать».

– А что самое эффективное?

– Нейтрализатор. Стопроцентная гарантия. Полностью уничтожает проявления энтропии в заданном периметре.

– Ух ты! – обрадовался Хлыщ. – А стоимость?

– Для вас, – менеджер извлек из штанов какой-то хитрую машинку и постучал по клавишам, – три тысячи.

– Всего-то?

– Три тысячи душ.

– Сколько?!

– Цена фиксированная, ничего поделаться не могу. А скидок на эту модель не предусмотрено. И не надо смотреть на меня круглыми глазами: я сразу, как только вы вошли, определил вашу расовую принадлежность – скрытая рентген-камера передала на экран монитора... в общем, неважно. У таких, как вы, денежки должны иметься.

«Обдираловка, – подумал черт, с нескрываемым неудовольствием слушая этот монолог, – мне и за полвека такое число душ не собрать».

– А подешевле что-нибудь?

– Пожалуйста. Переносной волновой прибор «антиэнтропин». Снижает воздействие источника примерно в десять раз.

– В десять раз?! Здорово! – вдохновился Хлыщ. – И?..

– Двести девяносто девять.

– Ох, – разочарованно вздохнул черт, уже не уточняя ва-

люту, и обреченно поинтересовался: – А пилюли?

– «Энтрозол» снижает воздействие энтропии на треть, одна пилюля действует в течение получаса. Цена – шестнадцать пятьсот за стандарт. Рублей. В стандарте – двадцать капсул.

– Рублей? Это хорошо, – оживился было Хлыщ, но, мысленно пересчитав имеющуюся наличность, сник. – А поштучно вы таблеточки не продаете?

– Увы. – Вадим продемонстрировал ослепительную улыбку.

Черт хотел ответить фирменной номер тринадцать, но сил не хватило. Душевных, если можно так выразиться.

– Мне пока не по карману. Я пойду, наверное.

– Счастливого пути. Заходите к нам еще.

– Лучше ты – к нам, – проворчал Хлыщ, достал эмпэп-ешку, набрал очередной адрес... и, переместившись, получил чем-то тяжелым по спине. Так сильно, что едва не упал на четвереньки.

– А тебе что, особое предложение требуется?! – проорал кто-то над ухом. – А ну, упор лежа принять!

Не успел черт ничего принять, как его сбили с ног и перевели в горизонтальное положение – рылом в бетонный пол.

– Извините, тут какая-то ошибка! – заверещал Хлыщ, закрывая голову руками и опасаясь, что его в любую секунду начнут месить ногами. За неведомые грехи или просто в профилактических целях. – Мне в центр нетрадиционной кармической медицины «Чистая аура» нужно.

– А ты, сопля недовысморканная, думаешь, на вечеринку девственниц из группы поддержки попал? – язвительно осведомился над ухом тот же грубый командный голос.

– Нет, но...

– Заткнись!

Хлыщ заткнулся.

– Тут тебе не вечеринка девятиклассниц, а тренинг новичков центра кармической медицины. Потому насчет чистой ауры не волнуйся, я тебе ее так прочищу – через задницу солнце будешь видеть.

Черт солнца пока не видел – только кусок бетонного покрытия. Да и не очень хотел смотреть на светило таким... нетрадиционным образом. Особенно – с учетом неизвестного способа чистки. Кстати, обзирая кусок бетона, Хлыщ заметил, что, в противовес словам о чистоте, пол довольно грязный. Однако озвучить наблюдение не рискнул – судя по ноющей спине, этот неотесанный солдафон готов не только орать, но и применять грубую физическую силу. Единственное, на что решился черт, – пискнуть слабым голосом:

– Мне, вообще-то, средство для борьбы с Энтропией...

– Будет средство, не дрейфь. Так у нас просветлишься, не то что Энтропия – любая зараза за версту обходить станет. Всех касается! – неожиданно еще громче проревел невидимый Хлыщу солдафон. – Я вам, ублюдки, чакры-то пооткрываю! По тридцать отжиманий!

Слева и справа усиленно засопели. Хлыщ тоже начал

сгибать и разгибать подрагивающие копыта.

– Стоп, а почему такие лохмы? – жесткие пальцы вцепились в волосы черта. Хлыщц взвыл от боли и застыл в позе... назовем ее полуприсед.

– Это что еще?! – пальцы нащупали рога.

Отставной душелов ничего не сказал – он и пошевелиться боялся.

– Ах ты, морда inferнальная!

Хлыщц зажмурился, ожидая, что сейчас-то его точно начнут бить. Весьма вероятно – ногами. Но бить не стали. Напротив, обладатель командного голоса ласково пообещал:

– Ничего, это мы поправим. Лохмы обстрижем, рога пошшибаем, хвост... хм... засунем куда-нибудь. Человека из тебя сделаем. Через две недели себя не узнаешь.

Делаться человеком Хлыщцу страсть как не хотелось, а от мысли, что ближайшее время он проведет в подобном... полуприсиде, ему совсем поплохело.

– Уснул, что ли? – подбодрил черта командный голос – Давай-ка сто отжиманий, чтоб взбодриться.

– А почему не тридцать? – прогундосил кто-то сзади.

– Для inferнальных скотин особая программа – усиленная.

«Сам ты скотина!»

– Ты что-то сказал?

– Не-э... – тонко мекнул Хлыщц и подумал: «Надо когти рвать, пока копыта не отбросил. У меня же еще МПП есть».

Стараясь не менять позы, черт поднатужился и оторвал одну руку от пола, а затем сунул ее в карман. И стал нащупывать эмпэпэшку. Физическое напряжение достигло такой степени, что затряслись не только копыта, но и рога, а хвост вспотел.

– О, на одной руке решил отжаться? Молодец...

Что еще говорил хамоватый солдафон из кармического центра, Хлыщ не слышал – потому что нащупал кнопку эмпэпэшки.

Бац!..

... Через минуту отставной душелов сидел в кресле своего кабинета и приходил в чувства от пережитых приключений.

– Уф... что-то адресочки экстремальные. И пользы никакой – средства от Энтропии по-прежнему нет, – посетовал Хлыщ зеркалу. Не дождавшись реакции от бездушного стекла, черт ответил себе сам: – Придется последний метод попробовать – в аномальную зону сунуться... А неохота...

Но через два часа Хлыщ уже сидел в кабине вертолѐта. Пилота звали Кузьмич: худой, костистый, волосатый и небритый, он сразу не понравился опытному душекраду.

«Такой доверия не вызывает, – думал черт, рассекая над безбрежным простором Атлантического океана. – Завезти он меня, может, и завезет, а вывезет ли? Хотя от ракет неплохо уворачивался...»

«Клятые» и чересчур подозрительные капиталисты обстреливали неопознанный летающий объект из стационар-

ных ракетниц. Кузьмич, истово матерясь, петлял на своей «черной акуле» – а на деле: дряхлом, поскрипывающем вертолетике, – уходя от столкновения. Хлыщ, пока это происходило, почти сросся с креслом и вжимался в него все сильнее при каждом выстреле.

– Вот ведь гады! – орал Кузьмич. – Знают же, что я каждый день тут летаю!..

Наконец вертолёт закончил выписывать воздушные фигуры и завис прямо над Бермудским треугольником.

– А что, правда прыжок *туда* излечивает от Энтропии? – уточнил черт, напяливая парашют.

– Моментально, – ответил Кузьмич, закуривая самокрутку.

От сладкого дыма закружилась голова.

– А что... – начал было отставной душелов, но пилот его перебил:

– Ты давай быстрее, а то они опять стрелять начнут.

Черт мгновенно закончил одеваться. Открыл дверь – для этого пришлось на нее подналечь – и выглянул наружу. От вида ровной синей глади внизу затошнило, перед глазами поплыло, а сердце, казалось, собрало вещички и переместилось куда-то в район левой пятки. Знаменитый треугольник уже не выглядел таким привлекательным, как минуту назад, да еще эта марихуана... или что там, гашиш?

Хлыщ сглотнул и хотел отступить назад, но почувствовал, как что-то упирается в спину.

– Пистолет? – уточнил inferнальный экстремал.

– Рука, – ответил пилот.

– Кузьмич, может, не надо?

– Надо, Петя, надо.

И вытолкнул черта в приветливо принявшее его безоблачное небо.

Что произошло дальше, Хлыщ почти не запомнил: все слилось в непрерывное мелькание и мельтешение. Только отдельные образы всплывали из сознания – а может, подсознания, – вставая перед глазами и пугая до жути: попытка дёрнуть за кольцо... нераскрывшийся парашют... громогласное матюгание... свист рассекаемого воздуха... рев ветра... то ли крик, то ли вопль... громкий «бульк!»... и что-то синее, с пузырьками и рыбками... а еще какое-то строение в глубине – храм, что ли? Вроде тех, что когда-то строили ацтеки... Затем все начало вращаться, перекручиваться, а после – сжиматься... И когда мир окончательно рухнул, Хлыщ потерял сознание...

...Обрел его черт уже на берегу. Какие-то лица явно капиталистической наружности взирали на него кто бесстрастно, кто с сомнением, а кто с интересом. На головах взирающих были надеты каски, а сами люди, облаченные в форму защитной окраски, наверняка представляли вооруженные силы Соединенных Штатов. Или Канады. Или еще чьи.

Галлоны воды извергались изо рта, когда довольно симпатичная девушка с короткими светлыми волосами давила

черту на грудь.

– What the hell?! – коротко и ясно поинтересовался предводитель капиталистов, едва несчастный купальщик пришел в себя.

Хлыщ тотчас сообразил, что он на вражеской территории, сжал в кармане МПП и переместился. Точнее, попытался это сделать, но ничего не вышло.

«Отсырели!» – прошибла, вместе с холодным потом, мысль.

Черт схватил следующую эмпэпэшку – и, под удивленные возгласы своих спасителей, исчез...

...Сидя в уютном и относительно безопасном кресле в штабе «Благого единства», Хлыщ сушил волосы феном, попутно рассуждая о превратностях судьбы. С Энтропией разобраться не удалось, а если исходить из того, что бывшему душелову по-прежнему категорически не везет, даже ослабить влияние сварливой высшей силы не получилось.

Так как же быть?

Закончив сушку, черт положил фен на стол, рядом с неиспорченными МПП, которые Хлыщ определил по горящим красным лампочкам. Перемещателей осталось всего два, остальные, за негодностью, пришлось выкинуть. И почему он не вспомнил, что вода может испортить технику?

Кстати о технике: как там эта штуковина, которую он спер... э-э, позаимствовал у ученых?

Обкуренный, испуганный, продрогший, Хлыщ положил

эмпэпэшки в левый карман джинсов, а из правого достал металлический цилиндр. Повертел перед глазами, поразглядывал. Пожал плечами. И начал тереть устройство, крутить, всячески исследуя. Учитывая состояние черта, все происходило в неторопливой, задумчивой манере.

Первое, что заметил новоявленный исследователь, – это удивительно свойство предмета выглядеть цельным притом, что его можно было свернуть и посередине, и сверху, и снизу. Что побитый жизнью вкуче с Энтропией директор «БЕ» и делал. За этим занятием, однако, его не отпускали мысли о собственной тяжелой судьбе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.